

Эжен Канселье

АЛХИМИЯ

ALCHIMIE

Etudes diverses de
Symbolisme hermétique
et de Pratique
Philosophale

par

Eugène Canseliet

F.C.H.

Chez Jean-Jacques Pauvert

АЛХИМИЯ

Несколько очерков

по Герметической символике

и Философской

Практике

Эжена Канселье

Перевёл с французского Веков К.А.
(г.Гусь-Хрустальный)

ÆNIGMA

СОДЕРЖАНИЕ:

Олег Фомин. «Благородный письмоводитель извергающего»

Необходимые замечания

Введение

Женщина без Головы

Алхимическое Древо

Алхимическая Символика Богоявленного пирога

Талисман Марли-ле-Руа

Очистительный Огонь и его апокалиптический Вестник

Золотое Руно

Три Стрелы Искупления

Алхимическое Делание и Святая Месса

Эзотерика Слова

О Сирано Бержерак, герметическом философе

Список иллюстраций

Именной указатель

«БЛАГОРОДНЫЙ ПИСЬМОВОДИТЕЛЬ ИЗВЕРГАЮЩЕГО»

«Алхимия» Эжена Канселье, последнего из тех великих алхимиков, кому удалось изобрести¹* Философский Камень, наконец-то стала доступна и в русском переводе. Казалось бы, ликовать теперь да радоваться. Но ликование отчего-то выходит деланным, а радость омрачается мыслью о том, что слишком уж модной становится сегодня тема алхимии. К примеру, во Франции, и в прежние времена славившейся неослабевающим интересом к тайным наукам, в последние десятилетия книги по этой тревожной и загадочной дисциплине расходятся всё большими, можно сказать, баснословными тиражами. Хозяева таких крупнейших издательств, как «Жа-лу», «Галлимар», Жан-Жак Повер делают себе целые состояния, нещадно эксплуатируя эту популярную тему. И хорошо если это труды Фулканелли, Канселье или Буркхардта. Ведь большинство других книг представляют собой грубые компиляции, заведомо неточные и, более того, вульгарные. Но что поделаешь! тема — популярная. А чрезмерная популярность всегда затемняет истину, навязывает уродливые клише и, в итоге, переворачивает изначальный смысл с ног на голову. Так уже было некогда с астрологией, а ещё раньше, — с магией. Эти священные науки сегодня в значительной мере демонизированы и одна из причин такой «дискредитации» — отчасти бессознательное, а отчасти и сознательное «раскупоривание сосуда», приведшее к утечке герметических знаний и, как следствию, ко вседоступности. А такая доступность почти всегда означала прямое взаимодействие с отнюдь не светлыми силами.

По этому поводу вспоминается толкование Успенского на XVI аркан таро «Башня». Башня, согласно Петру Демьянычу, изначально строилась для того, чтобы напоминать ищущим: таким способом на небо не попасть. Но потом строившие забыли о назначении своего «объекта» и превратили его в «осадную башню штурмующих небо».

Изначально магия и астрология были ведомы лишь мудрецам, знавшим, что маг-оператор вовсе не властелин сил, а проводник Божественного промысла, что приговор звёзд отменим, поскольку есть Тот, Кто создал их законы, а следовательно, волен и выводить из-под них Своей милостью. Но когда магия и астрология в силу тех или иных причин стали достоянием более широкого круга, они оказались в поле зрения «людей недоброй воли». Так родилась «чёрная магия» — нигрогнозия. Расхожая астрология возомнила, что закон звёзд абсолютен и Бог действует в строжайшем соответствии с ним, что закон звёзд это и есть Его воля в окончательном виде. Это не говоря уже о современных пародийных формах навроде «привороты от мадам Клавьи» или астрологического прогноза в жёлтой прессе.

Есть большая опасность, что с алхимией может произойти то же самое. Уже сейчас такая тенденция намечается. Причём без разницы, пытаются ли представить алхимию как «алчную химию», чей потенциал направлен только на одну цель — получение золота (а что ещё, кроме «золота», интересует современного человека?), или же называют её «чисто духовной наукой», «иносказанием духовного пути человека» (здесь тоже дело «не заржавеет», у нас теперь «духовностью» называют всё, что денег не касается, как будто Сатана — не «дух»!). Оба представления по сути зловредны и по меньшей мере очень не точны. Опять-таки, не говоря уже о совершенно извращённых формах. Взять хотя бы идол современной масс-культуры Гарри Поттера, чей Философский Камень больше напоминает осколок тёмного стекла или кусок антрацита, нежели «краеугольный камень» или ни на что непохожую тяжёлую тёмно-красную субстанцию — Великий Магистерий мудрецов и дураков.

Представления о алхимии как «златоделии», иначе говоря, хризопее, очень позднее. Оно связано с деятельностью так называемых суфлёров и пафферов. Кстати, оба понятия не эквивалентны друг другу. Существует мнение, согласно которому во Франции шарлатанов, «баловавших с золотишком» именовали суфлёрами, тогда как их английских коллег — пафферами. На самом же деле разница не столько в бытовании понятий, сколько в самой

¹ * Таков буквальный перевод латинского глагола in-venio, означающего «находить», «открывать», «являть из непрявленного».

сути. Суфлёры с помощью очень внешних методов, сравнимых с методами современной химии, получали Философский Камень, но использовали его не для мистического преобразования несовершенной человеческой природы, а, так сказать, утилитарно: в целях личного обогащения или «для установления научной истины», что, разумеется, навлекало на них презрение со стороны подлинных алхимиков. Пафферы же не могли и того. Чаще всего Философский Камень доставался им случайно. Как правило, от истинного посвящённого, предпочитавшего хранить инкогнито. Пафферы избирались алхимиками для публичной демонстрации свойств «камня-не-камня». А именно так зачастую называлось это чудо в трудах великих алхимиков прошлого. Пафферы устраивали своего рода «рекламную кампанию», шумную, скандальную. Такова человеческая природа. В определённый момент им начинало казаться, что они на вершине величия. И тогда они объявляли, что знают секрет приготовления не только золота, но и самого Философского Камня. Имена этих персонажей хорошо известны истории: Эдвард Келли, Джон Ди, Михаил Сэндивогий. Хотя в известном оккультно-мистическом романе Майринка «Ангел Западного окна» Джону Ди, якобы, и удаётся «посмертно» реализоваться как истинному адепту алхимии, а про Сэндивогия поговаривают, что он в конце концов получил-таки Философский Камень, однако здесь больше романтического вымысла, нежели простой и удручающей правды.

Полная противоположность и тем, и другим — те, кто полагают алхимию наукой «духовной». Уже само сочетание звучит довольно-таки юмористически. Наподобие заявлений о том, что, дескать, «гармония интеллигентности открылась во времена перестройки, когда все поняли, что есть инопланетяне и Бог». На самом же деле во второй половине XIX века открылись как большой гнойный нарыв вот такие вот «духовные» господа. Наблюдались они и раньше, но не в таких количествах. Причиной тому — «научно-технический прогресс», открывший доступ к таким силам, чья эзотерическая сущность подавляющему большинству невнятна. А следовательно, это большинство легко может стать и становится добычей ариманических сил. С одной стороны, технические достижения приравниваются к чудесам магии (Папюс). С другой стороны, чрезвычайно тонкие, не вполне «материальные», но и не вполне «спиритуальные» субстраты списываются на счёт «духовности» (Идрис Шах). Названный деятель объявил себя суфийским посвящённым и строчит из года в год книжки на тему мусульманского и «околомусульманского» эзотеризма, где, в частности, утверждает, что алхимия не более чем аллегория внутреннего пути человека. В подтверждение приводится суфийская притча: умирающий отец сообщил детям, что в наследство ему оставить нечего, однако на поле закопан клад. Сыновья перерыли всё, но клада так и не нашли. Тогда, в отчаянии, они решили поле засеять. Год выдался урожайный и они выручили на продаже зерна много денег. Вывод, должно быть, отсюда такой: Философского Камня нет, но вы поищите всё-таки, авось «духовнее» станете, на худой конец — деньги появятся. И даже осторожные исследователи эзотеризма не заметили подмены. Впрочем, незадолго до смерти, Юрий Стефанов²*, блестящий переводчик и автор целого ряда предисловий к книгам, выпущенным нашим издательством, позвонил к автору этих строк и довольно-таки весело сообщил: «А вы знаете? Идрис Шах никакой ни суфий оказался». — «Как так? Кто же он?» — «Как и Лобсанг Рампа — английский писатель». Вот так вот.

И всё же из всех священных наук алхимия, может быть, единственная, в силу своей сложности и закрытости, оказалась наименее захватанной пошлым филистёрским любопытством, сохранила особое целомудрие, знакомое святым и адептам.

Кто они, эти адепты? Те, кто знали, что «молчание — золото». Великие неизвестные или отмеченные славой людской, все они начинали свой путь с клятвы: «молчать, скрываться и таить». Многие поплатились за это не только головой, но и переломанными костями, содранной заживо кожей, порванными на дыбе сухожилиями. Но они знали: то, что ждёт их в случае разглашения великой тайны — намного хуже. Они скорее предпочитали принять мученическую (именно мученическую, а не просто «мучительную») смерть, нежели

² * Французский оригинал книги, перевод которой вы сейчас держите в руках, был взят из его библиотеки.

сообщить корыстолюбивым князьям секрет приготовления Философского Камня, без которого невозможна быстрая трансформация^{3*} в золото других основных металлов.

Сквозь все времена и народы проходят эти цепочки посвящённых, где каждый становился сначала учеником, а затем учителем. Средневековые мастера именовали алхимию Королевским Искусством. Но правильнее было бы именовать её Искусством Царским. Ведь алхимическая символика восходит к тем временам, когда никаких каролингов (от имени этой династии происходит слово «король») ещё и в помине не было. Одни говорят, что родина алхимии — Китай. Другие называют Египет, именовавшийся в древности «Кеми». А по-арабски «аль-кеми» как раз и значит «алхимия». Да и легендарный Гермес Трисмегист, которому приписывают первое алхимическое «сочинение» «Изумрудная Скрижаль», вроде бы тоже был египтянином. С версией происхождения алхимии из Египта успешно конкурирует вавилонская версия. Историк религий Мирча Элиаде очень много написал по поводу последней в своей «Азиатской алхимии». Есть и такие, что настаивают на первенстве Греции. И даже такие, что утверждают, будто бы изначально алхимическими знаниями обладали киммерийцы, наши крымские пра-предки. В связи с последним любопытно заметить, что один из решающих моментов алхимического Великого Делания иногда описывался как «киммерийские сумерки».

Впрочем, не так важно то, где зародилась алхимия, как то, что ей были пронизаны все сферы человеческой культуры: музыка, механика, геометрия, изящные искусства, мифология... Список можно продлевать бесконечно.

Но что же, собственно, представляло собой это упомянутое алхимическое Великое Делание? Каковы его технические детали? Попробуем набросать самую грубую схему. Хотя даже утончённейшая схема не способна вместить и описать то, что по определению никаким вмещениям и описаниям не подлежит.

Итак, всё начинается с первоматерии. Алхимик должен найти вещество, которое разлагается на составляющие: Сульфур (Философская Сера) и Меркурий (Философская Ртуть). Казалось бы, чего проще. Взял серу, взял ртуть — и пошло-поехало. Но в том-то и дело, что философские они, а вовсе не обычные. Существуют десятки, если не сотни, предположений, чем же на самом деле являлись эти «сера» и «ртуть». Однако лиха беда начала. Тут ещё появляется Ртуть Философов, вроде бы то же самое, что Философская Ртуть, но вроде бы и нет. Некоторые авторы называют её Философским Азотом, Солью или, наконец, используют латинскую анаграмму VITRIOLVM, расшифровывающуюся так: «Visita Interiora Terrae Rectificandoque Invenies Occultvm Lapidem Veram Medicinam» («Посети тайны земли и, очищая, изобрети тайный Камень, истинное Лекарство»). Вообще, читая алхимические тексты, постоянно натыкаешься на то, что всё здесь «двоится». Как тут не вспомнить эзотерика от политики — современного французского писателя Жана Парвулеску? «Всё, что приближается к сущности, раздваивается». И действительно, никогда нельзя быть уверенным не только в том, что здесь означает конкретное выражение, но и адекватно ли оно самому себе. Однако вернёмся к Великому Деланию. Философская Ртуть особым образом очищается, а затем соединяется с Философской Серой — смешивается и помещается в герметично закупоренный сосуд — Философское Яйцо, колбу с чрезвычайно длинным горлышком. Затем этот сосуд заключается в атаноре — алхимической печи, после чего происходит варка. Но помимо явного огня есть также и тайный, о нём пишут почти все адепты. Однако одни из них отождествляют его с витриолом («Солью»), а другие указывают на то, что это просто сам принцип соединения Философской Серы и Философской Ртути. Но так это или эдак, под воздействием огня явного начинается процесс, именуемый сублимацией (возгонкой). Вещество в Философском Яйце поднимается в виде «тумана» и выпадает «дождём». Если всё сделано правильно, наступает первая основная стадия Великого Делания — Работа-в-Чёрном, символизируемая вороном. Вещество чернеет и «гниёт», это смерть двух, ведущая к рождению одного — «двуполого вещества», андрогина,

³ * Е. Головин, современный исследователь алхимии, настаивает на том, что в данном случае адекватнее именно этот термин, нежели более привычное «трансмутация».

или, точнее, REBIS'a (что буквально значит «двойная вещь»). Теперь это не два вещества, но «плоть едина». Вслед за вороном приходит гусь (лебедь), иначе говоря, наступает Работа-в-Белом, убеление вещества, увенчивающееся получением Малого Магистерия — тяжёлого серого порошка с металлическим отливом. Этот Малый Магистерий позволяет получать из любых «основных» металлов (золото, ртуть, железо, свинец, олово, медь) — серебро. Но Великое Делание на этом не останавливается. На смену гуся приходит феникс (петух) — Работа-в-Красном. Её результатом является Алый Лев или Великий Магистерий — тяжёлый, шафранного цвета порошок. Добавляя его в расплавленный металл, предварительно облепив пчелиным воском, можно получать золото. Но для алхимиков это не было самоцелью. Важнее будет сказать, что при растворении порошка в спирте получали так называемую панацею — лекарство, избавляющее от любых болезней и продлевающее жизнь сколь угодно долго. И по преданию, некоторые из великих алхимиков прошлого до сих пор живы.

Разумеется, таковым алхимическое Великое Делание предстаёт лишь при самом первом приближении, соотносящимся с самим процессом, к примеру, в той же степени, в какой выражение «тягота, смута, переворот» соотносится с реальной историей России. Алхимия — наука крайне сложная, её терминологический вокабулярный неоднозначен, узус «гуляет», всё «плывёт» и перетекает из одного в другое. Поэтому здесь всегда всё будет «и так, и не так».

Алхимические трактаты вовсе не похожи на скучные современные книжки по химии. Это причудливое баснословие, собрание самых невероятных мифов и легенд, символически иллюстрирующих алхимическое Делание. И вдобавок ко всему — изощрённые миниатюры и гравюры-головоломки, где изысканность и великолепия спорят с точностью деталей.

Алхимическая символика настолько пропитала собой европейское изобразительное искусство, а также музыку, зодчество, литературу, что было бы странным, коли не появились бы исследователи, с одной стороны, не понаслышке знающие о Великом Делании, с другой стороны, склонные к искусствоведческим штудиям. Самые известные алхимики XX века как раз и были таковыми. Это прежде всего Фулканелли (буквально «Извергающий») и его ученик Эжен Канселье (чьё имя, согласно фонетической кабале, к которой постоянно прибегают алхимики, можно истолковать как «Благородный Письмоводитель»).

Учитель Эжена Канселье — Фулканелли — «человек-загадка», «мифологическая фигура», «неумерший», «последний, кому удалось получить Философский Камень». Такими и многими другими эпитетами обычно характеризуют этого адепта, предпочитавшего скрывать своё истинное имя за «говорящим» псевдонимом. Вроде бы, его до сих пор разыскивают спецслужбы. Ведь получить в своё распоряжение Философский Камень — а следовательно и сказочные богатства — не прочь, пожалуй, ни одна из крупных мировых держав. Но есть и более прозаическая причина, заставляющая цэрэушников сбиваться с ног в поисках исчезнувшего адепта. Дело в том, что за много лет до появления атомной бомбы, Фулканелли в своих книгах предсказал негативные последствия, связанные с использованием ядерной энергии. Кроме того, уже после войны, в одной частной беседе он настаивал на том, что во время Великого Делания в Философском Яйце происходит термоядерная реакция, однако вызванная не обычным, техногенным путём, а высвобождением «растительной» энергии.

Фулканелли оставил нам три книги: «Тайны готических соборов», «Философские обители» и «Finis gloriæ mundi» («Конец славы мирской»). Первые две были опубликованы его учеником Канселье. Третья, согласно предсказанию Мастера, будет опубликована лишь перед Самым Концом.

Канселье неизменно писал предисловия к книгам учителя, переводил на французский и издавал со своими комментариями трактаты старых мастеров алхимии, но более всего он известен собственным и, между прочим, весьма фундаментальным трудом — «Алхимия».

В отличие от Фулканелли, жизнь Эжена Канселье достаточно хорошо документирована. Родился он 18 декабря 1899 года в Сарселле. Отец Канселье работал в «Тур де Франс», поэтому мог себе позволить отдать сына в Школу изящных искусств. Именно там, в 1915

году, «Благородный письмоводитель» и повстречает своего Мастера — Фулканелли. Видимо, не случайно встреча эта произошла в Марселе, городе куда прибыл *корабль без руля и ветрил* со св. Лазарем, св. Марфой и св. Марией Магдалиной. Впоследствии Канселье не раз будет обращаться к этому преданию из *Золотой легенды* Жака де Воражина (Якова-варяга, Медвежьей Пяты), прочитывая его алхимически. Ведь европейские мастера алхимии, описывая Великое Делание, зачастую использовали символику морской навигации (тому свидетельством та же французская литература — от Рабле до Римбо <Rimbaud>).

Таким образом, уже сама жизнь в Марселе настраивала юношу на определённый лад. Но ещё задолго до поступления в Школу, в 1912 году Канселье приснился сон с посланием на латыни, которое он обнаружит позже, на вилле Паломбара. Не такой ли сон является *первым призыванием* для каждого адепта? Ведь Великое Свершение Николая Фламель («Пламенеющего»), одного из величайших алхимиков, было бы невозможным, не приснись ему книга Авраама Еврея.

15 января 1921 года Канселье женится на Раймонде Кайар. Впрочем, мальчику, родившемуся от благочестивого брака, а «благородный письмоводитель» до самой своей смерти оставался «практикующим католиком»^{4*}, — Анри Серилу Канселье не суждено было прожить долгую жизнь. В 1928 году он умер от менингита.

В биографиях Канселье обычно пишут, что 18 октября 1924 года он вместе с Фулканелли был на похоронах Анатоля Франса. Однако нет никакой возможности ни подтвердить это заявление, ни опровергнуть. В тогдашнем окружении Канселье не было никого, кто был бы неизвестен более широкому кругу его знакомых. С начала 1925 года Канселье живёт в Париже, на улице Рошешуар 59, в одном доме с Жаном-Жюльеном Шампанем, иллюстратором книг Фулканелли. Они снимают мансарду на шестом этаже. По видимости, уже в это время Жан-Жюльен Шампань начинает всерьёз увлекаться абсентом — единственным, по мнению Фулканелли, напитком, имеющим в наши времена хоть какое-то касательство к посвящению. Отсюда, да и не только отсюда, часто делают вывод, что Фулканелли — это и есть Жан-Жюльен Шампань. Тем паче, что последний в пьяном виде не раз выдавал себя за первого. Но была ли в том хоть толика смысла? Шампань, основавший Братство Гелиополиса, был сам по себе весьма значительной фигурой. Неслучайно на его надгробии высечено: «Apostolus hermeticae scienticae» («Апостол герметической науки»).

В пользу того, что Шампань и Фулканелли — разные фигуры говорит ещё и то, что «любитель абсента» помер в страшных муках в 1932 году, тогда как Фулканелли являлся (иного слова тут и не подберёшь) в 1937 году Жаку Бержье, а в 1952 — самому Канселье. (После войны Фулканелли как раз-таки и начали разыскивать спецслужбы. В том числе, и в первую руку, ЦРУ. Но, разумеется, безуспешно.) Последняя встреча учителя с учеником состоялась в Испании, что может быть истолковано аллегорически как паломничество к Сантьяго де Кампостелла — этим символом адепты алхимии иногда обозначали один из этапов Великого Делания.

Одно время в эзотерических кругах Франции, и не только Франции, муссировался слух о том, что Фулканелли — это и есть сам Канселье, точнее, его псевдоним. Но слух оказался всего лишь ничем не подтверждённым слухом. А домыслы о том, что под именем Фулканелли скрывался не кто иной, как известный алхимический автор Магафон (Пьер Дюжоль) могут конкурировать по своей несостоятельности лишь с версией о том, что это был на самом деле Ж.Рони-старший. Однако мы не берёмся утверждать, что любое из этих предположений совершенно следует исключить из числа возможных. И, вероятно, правду мы узнаем только в конце. Разумеется, в Самом Конце.

В 1930 году Канселье становится Адептом. Иначе говоря, получает алхимическое посвящение и даёт обет неразглашения тайны. Он, участвовавший в эксперименте на газовой фабрике в Сарселле, когда Фулканелли удалось превратить кусок свинца в золото, теперь был уверен: победа возможна. После таинственного исчезновения своего учителя Канселье

⁴ * Так в римо-католической религии именуются те, кто строго исполняют церковные предписания и, соответственно, причащаются ежемесячно.

дважды удалось произвести Философский Камень — второй раз незадолго до смерти, наступившей 17 апреля 1982 года. Кстати, дата его смерти, как и дата рождения, «говорящая». Именно апрель и май, овен и телец — малый и большой труженики — считаются у алхимиков единственно благоприятным временем для великого свершения. В это время распинается, погребается и воскресает Христос. Казалось бы, какая связь между евангельскими событиями и алхимией? Но оказывается самая прямая. Вещество в атаноре именно «погребается» и «воскресает». Канселье не раз обращал внимание на такого рода «совпадения» и, может быть, самые лучшие страницы его «Алхимии» посвящены соответствию символики Великого Делания и католической мессы. А ведь сам принцип аналогии различных планов бытия лежит в основании герметической науки. И умер ли Канселье на самом деле?

Так или иначе, но этот мир он покинул, впрочем, оставив нам (помимо предисловий к книгам Фулканелли) весьма значительный и щедрый труд «Алхимия». И кто знает, не появятся ли когда-нибудь вновь на подмостках истории «извергающий» и его «благородный письмоводитель»?

Олег Фомин

Красногорск, лето 2002

Названия текстов Священного Писания даны обычным шрифтом и без кавычек. Библейские и евангельские тексты приводятся Эженом Канселье на латинском и французском языках. Церковно-славянские тексты, приводимые нами параллельно, цитируются по Елизаветинской Библии, основанной на латинской Вульгата, что соответствует западной традиции, в которой трудился сам Канселье. В старом русском богослужебном обряде используется Острожская Библия XVI в., более близкая к греческому первоисточнику. То же самое касается всех библейских и евангельских имён.

[illegible]

1. Abstrahere.
2. Acetum s. vinum mortuum
3. Acetum cydoniorum
4. Acetum destillatum
5. Acetum ter-destillatum
6. Acetum vini rubric
7. Aer
8. Aerugo, s. aes destillatum
9. Aes, cuprum, venum
10. Aes destillatum, flores
viridis aeris, aeris
cristalli, aerugo
11. Aes ustum, crocus veneris
12. Aes viridi
13. Aestas
14. Ahenum
15. Albumen
16. Alkali, alkali sal
17. Alcohol vini, spiritus vini
rectificatissimus
18. Alembicus
19. Alumen
20. Alumen calcinatum, ustum
21. Alumen catinum
22. Alumen plumeum,
plumosum
23. Alumen saccharinum,
zaccarinum
24. Alumen ustum
25. Amalgama
26. Ammoniacum, s. sal
ammoniacum
27. Ana
28. Animalia
29. Antimonii flores
30. Antimonii hepar
31. Antimonii regulus
32. Antimonii vitrum
33. Antimonium, s.
antimonium spagirice
praepar
34. Aqua
35. Aqua fontana
36. Aqua fortis simplex, aqua
gehena, stigia
37. Aqua pluuiialis
38. Aqua regis
39. Aqua vitae
40. Arena
41. Argentum, luna
42. Argentum foliatum
43. Argentum musicum
44. Argentum pictorium
45. Argentum viuum, mercuris
viuus, hydrargyrum
46. Armena bolus
47. Arsenicum album
48. Arsenicum citrinum
49. Arsenicum rubrum
50. Arsenicum sublimatum
51. Atramentum, vitriolum
52. Atramentum album,

ВВЕДЕНИЕ

Бэкон Роджер. Зерцало Алхимии. Bacon Roger. *Le Miroir d'Alquimie*. Lyon, 1557, in-8°, обложка замшевая (veau ancien).

Вилланова Арнольд де. (Arnauld de Villeneuve, Арнольд из Нового Града). Чётки Философов. *Rozaire des Philosophes*, рукопись XVII века, 321 с., in-4°, veau anc.

Герметический Музей. *Musæum Hermeticum*. Francofurti, 1749, in-4°, veau anc.

Дюзеден. Таинство Креста. Duzedain. *Le Mystère de la Croix*. Hambourg, 1732, in-8°, сброшюрована, переплёт искусственный.

Книга из XXII листков герметических. *Livre des XXII feuillets hermétiques* (Le). Рукопись, in-4°, начало XIX века.

Кунрат Генрих. Амфитеатр Вечной Мудрости. Khunrath Henricus. *Amphiteatrum Æternæ Sapientiæ*. Hanoviæ, 1609, in-fol, vélin ancien.

Луллий Раймунд. Двоекнижное свидетельство о всеобщей химической науке. Lullius Raymundus. *Testamentum duobus libris universam artem chymicam*. Coloniae Agrippinæ, apud. Ioannem Brickmannum, 1573, in-12, veau anc.

Манже Жак. Любопытная химическая библиотека. Manget Jacobus. *Bibliotheca chemica curiosa*, Coloniae et genevæ, 1702, 2 vol. in fol, veau anc.

Ульстадий Филипп. Философское Небо (Умное Небо, Мысленное Небо). Ulstadius Philippus. *Cælum Philosophorum*. Lugduni, 1571, твёрдая обложка in-16, прекрасный переплёт (belle reliure) XVI века.

Флудд Роберт. Сочинения. Fluddus Robertus. *Opera*. Goudæ & Francofurti 1618, 1633, 1638, три тома в одном инфолио (муфг фтс)ю

Шевалье Клод. Существование чудесного Камня Философов. Chevalier Claude. *L'Existence de la Pierre merveilleuse des Philosophes*. En France, 1675, petit in-8°, veau ancien.

посредством огненной влаги, металлов в меркурия.

Совет Богов на герметическом Олимпе

I. Алхимия. Фронтиспис

Laboriosa! Определение это вкупе со словом ВЕЛИКОЕ указывает на великое тщание и усилие, которые требует ни с чем на земле не сравнимое ДЕЛЕНИЕ.

Итак, с усилиями, терпением и только постепенно ученик поднимается к знанию, следуя за философской беседой, записанной в великолепном трактате in-folio, предисловию к

которому Барант Сандерс предпосылает всеми единогласно одобренный и утверждённый в качестве истинного подзаголовок:

«Вот почему я верю, что надпись *Лестница Мудрецов (l'Escalier des Sages)* не повредит сей Философии и что я сделаю хорошо, если изложу таковую в виде Диалога между *Франсуа* и *Фредериком*, так, чтобы речи первого были основаны главным образом на Теории, а второго — на Практике и опыте».

Это собрание наших исследований, уже опубликованных в различных периодических изданиях; на первый взгляд они кажутся разрозненными, на самом же деле, они прошиты единою нитью; нам представляется, что такая форма может оказаться весьма полезной для понимания древней науки, если учесть то особое благосклонное отношение, какое встречают сегодня эти работы у внимательной и многочисленной аудитории.

Повелительная жажда Истины, неостановимое возвращение, пусть пока только некоторых пламенных душ, к единственной и спасительной Традиции, постепенное превращение ея в движение, порожаемое инстинктом самосохранения, в конце концов должно привести к тому, что именно в недрах вечной науки алхимии лучшая часть человеческого общества начнёт искать ответа и противодействия жестоким злодеяниям и опасностям, порождённым современной спагирией. Именно в сегодняшней науке — увы! — совершенно безнаказанно проявляется бесстыдная гордыня и неутолимая жадность!

Вот почему мы всегда заявляли и не устаём повторять — везде, всюду и поскольку это возможно: существуют две промышленно обеспеченные линии так называемого прогресса, направленные на тотальное удовлетворение постоянной, неиссякаемой, всеохватывающей и неутолимой жажды. Это, с одной стороны, поощрение увеселений и роскоши, с другой — повсюду сущая лживая пропаганда. Взаимодействуя и взаимно растворяясь, они производят двойное действие душевной порчи и интеллектуального порабощения; и сколь обманчиво и безвкусно возведение на пьедестал двух удовлетворяющих беспорядочные человеческие аппетиты искусств, которым никто не способен сопротивляться — механики и пиротехники, неимоверным образом слившихся воедино?

Что же до телевидения, этого воистину «опиума для народа», средства коллективного озверения, целиком превратившегося в восстание против естества, то каковы же все мы, не способные разрушить и уничтожить, вопреки всему, это вездесущее, безжалостное и неумолимое орудие порабощения?

Конечно, нет более нужды заниматься долгими и глубокими исследованиями по исчислению Числа Зверя, дабы разгадать загадку, загаданную нам святым Иоанном, возлюбленным учеником Спасителя, в тринадцатой главе *Откровения*:

*Зде мудрость есть. Иже иматъ оум, да почитѣт число зверино: число бо человеческо есть и число его, шестьсот шестьдесят шесть*⁷.

Для нас несомненно, что физики не способны обнаружить ужасающее излучение, о котором мы узнали из иных источников и иными путями, и получили право рассказывать. Разумеется, речь идёт вовсе не о тех лучах, что улавливают внешне ошеломляющие, направленные в небо дива (monstres), носящие абсурдное имя «радаров» (au radars — разг. как в тумане, плохо соображая — перев.), и не способные вызвать ничего, кроме саркастической ухмылки.

Джонатан Свифт, описывая путешествия Гулливера в Лапуту, рисует скорбную картину имеющего произойти с нашими городами и весями ввиду приближения атомного века, «эры

⁷ *Ice est la sagesse. Que celui qui a l'intelligence calcule le nombre de la bête. Le nombre en effet est d'un homme; et le nombre de celui-ci est six cent soixant-six.*

V/18: Hie sapientia est. Qui habet intellectum, computet numerum bestiae. Numerus enim hominis est; & numerus ejus sexcenti sexaginta sex.

Nota bene: Поскольку латинские памятники, которые мы используем, или не переведены вовсе или же переведены в большей или меньшей степени искажённо, мы цитируем, как в основном своде, так и в сносках, первоначальный текст данных отрывков.

счастья», обещанной человечеству: земледельцы обитают на бесплодных землях, занимаясь бессмысленным и необъяснимым трудом, а горожане, одетые в рубища и ветошь, с блуждающими взорами спуют среди домов, обращённых в руины.

Весьма любопытно, что привлекательный и популярный герой *Путешествий в некоторые отдалённые страны света* — «Travels into several remote Nations of the World» — Гулливер не мог покинуть этот летучий остров (l'île volante), описанный как бы в предвидении знаменитых «летающих тарелок», не будучи выведенным из этой юдоли запустения по указанию властителя *Муноди* (par le grand seigneur *Munodi*), имя которого означает *Мировой Нуль* (*zéro du Monde*) — «0 Mundi». Так на тайном языке, *малом языке* (*petit langage*), «little language», настоятель церкви святого Патрика, отделив 0 от родительного падежа именованного Мира, *Mundus*, по буквам сложил слово-воплъ, вопль отчаяния.

Так ради чего дерзко покушаться на *волны*, которые древние философы справедливо именовали высшими и небесными водами и которые вовсе не суть то, за что их выдают преданные злу обманщики и их невежественные жертвы, насыщающие небо паразитическим электромагнетизмом? Что им всем, сознательно или бессознательно вмешивающимся в силовой поток, о котором мало что известно даже самым крупным современным учёным; истинные же алхимики знают и используют эти тончайшие силы при своей минеральной работе в недрах философского микрокосма!

Увы! куда может завести подобное равнодушие наше бедное человечество, в упоении идеей земного счастья не ведающее о своём неизбежном уделе и близкое сегодня, как никогда, к концу:

«Dies iræ, dies ilia,
Solvat sæculum in favilla».
*Jour de colère, ce jour-là,
Il réduira le monde en cendres.*

*День гнева, вот он, летит,
В золу и пепел мир обратит.*

Гюисманс устами Дюрталя, с опущенной вниз головой слушающего эту песнь возмездия, изрекает:

«...это был крик абсолютного одиночества и ужаса.

В этих строфах воистину дышала божественная ярость. Она принадлежала не столько кроткому Богу милосердия, кроткому Сыну, сколько неумолимому Отцу, в Древнем Завете показавшего нам Самого Себя исполненным гневом, не утоляемым даже непрерывным дымом костров, дымом и кровью бесчисленных народовубийств. В этом песнопении Он ещё свирепее вздымался, угрожая подвигнуть все воды мира, разрушить горы, вспороть, как ножом, ударами грома небесные океаны. И потрясённая земля кричала от ужаса»⁸.

⁸ В Пути. Часть Первая, I.

Огонь и вода разрушают вверенные им полушария и возвращают землю в животное царство первых веков.

II. *Typus Mundi*, Antverpiæ (звери, возникающие из недр земли)

Жерар де Нерваль на пороге своей ужасной кончины предвидел этот день своим трагическим зрением, открывшемся у него через бредовый опыт сновидца. Но каково же отчаяние распятого поэта во второй части его *Аурелии*, отмеченной скорбною опёкой страдающей женщины. Всё брошено, всё покинуто, земные знания уже не нужны, остаётся *Меланхолия*:

«Мне казалось, я вижу чёрное солнце на пустынном небе и кроваво-красный круг над Тюильри. Я сказал себе: "Начинается вечная ночь, и она будет ужасна. Что случится, когда люди увидят, что солнца больше нет?"»

Вскоре после своего счастливого эксперимента на газовом заводе, завершившегося блистательной демонстрацией при трёх свидетелях, лишь один из которых не дожил до сегодняшнего дня, Фулканелли сказал слова, которые мы не поняли, несмотря на долгие и уединённые раздумья над ними; смысл их открылся только теперь, спустя тридцать лет, с потрясающей ясностью:

«Наступает время, сын мой, когда вы не сможете заниматься алхимией, или же вам придётся удалиться в иные края, уединённые и благословенные, без сомнения, сокрытые, и расположенные где-то на юге, вне наших границ».

Впрочем, всё это столь важно, что мы вновь и вновь, пусть это кому-то покажется

назойливым и докучливым, будем настаивать на том, что каждый образованный и искренний человек, не имеющий на глазах шор сытого эгоизма, в особенности связанного с дипломированным зазнайством, должен убедиться в следующем. Волны, наполняющие атмосферу, суть хранилище мировой гармонии и полностью аналогичны нервной системе человека; они столь же несравненно тонки, но только, будучи сосредоточены вокруг земного шара, рассеяны также и по всей вселенной.

Без сомнения, серьёзным поводом для глубоких философских размышлений является всеобщее и абсолютное разлитие зла, переполняющего естество и вызывающее у одних ужас, другими же просто не замечаемое, однако всё более и более заявляющее о себе каждый раз новыми циклами эпидемий. Так, появились различные формы рака, который, прежде, чем исчезнуть, в свою очередь, полностью заменит туберкулёз, побеждённый, судя по всему, антибиотиками. Во всяком случае, антибиотики добивают этого зверя и быстрее и надёжнее излечивают всё более малочисленные жертвы его несравненно менее опасных нападений.

Под воздействием раздоров человечество в своей адской игре переворачивает земной шар вниз головой.

III. *Tyrus Mundi*, Antverpiæ (земной шар переворачивается под ударом кнута)

Против циклически возникающих и развивающихся всеобщих бедствий нет средства, одинаково подходящего всем. Выздоровление всегда есть чудо, и тут требуется соответствующее лекарство, для приготовления которого нужны не менее исключительные условия, чем для его применения; причём больной и врач должны тесно сотрудничать друг с другом.

Известно, что на данный момент *истинное* новообразование (*neoplasme réel*), какова бы ни была его природа, не излечимо ни аллопатически, ни гомеопатически, ни хирургическим вмешательством.

Гигантским фарсом и трагическим розыгрышем может стать вскоре обязательная прививка опасной и совершенно бесполезной БЦЖ.

Что защитит нас от попыток посягательства на самое неотъемлемое право, самую священную свободу — свободу естественного развития каждого существа?

Говоря о неизбежном компенсирующем и периодическом действии болезней мы имеем в виду и оспу; совершенно немыслимо, чтоб её можно было прививать в так называемых малых дозах — в три этапа, трижды за столь короткую у каждого юность. Иногда мы спрашиваем себя, не идёт ли просто речь о произволе чиновничества — о действиях, которые осуществляются и задуманы Администрацией. Верховная и титулованная богиня Республики, бюрократия сама принимает законы по собственной инициативе, она же измыслила некую угрозу всеобщей оспы, разоблачённую как призрак ещё в 1955 году. Но администрация, запугивая всех нас, начала превентивную вакцинацию, унёсшую, насколько нам известно, множество несчастных жизней.

Репрессии против тех, кто не подчинился, совершенно спокойно воспринятые покорным и исполнительным большинством, только обнаружили болезненное тщеславие авторов так называемой инструкции и породили распространение зла, закономерного плода безответственности, бездействия и невежества.

Любовь и истина, согласие и доброта (*beauté*) — вот попарно собранная четверица качеств, способная быть девизом древней алхимии с её единою целью — всеобщего мира и бесконечного милосердия. Ни один из литературных трудов, посвящённых алхимической мысли, не мог обойти требований духовного восхождения, чистоты чувства и выражения, которые, впрочем, зачастую вырабатываются и людьми, весьма далёкими от каких-либо наук и с превеликим трудом добываемых знаний.

Среди редких примеров подлинного восхождения и поэтического наития едва ли не ярчайший, наиболее гармонически-живой — сонет Артура Римбо (*Rimbaud*) о пяти латинских гласных звуках, который своим парящим великолепием обнажает и соединяет противоположности — насилие и мир, ясность и таинственность, аромат и зловоние.

«Вот что я пишу, Я пишу тишину, я пишу ночь, я регистрирую несказанное. Очертания головокружений».

Это будет потом, когда в конце своей поэтической одиссеи очарованный странник среди миров беспричинного зла достигнет головокружительной вершины *Сезона в Аду* (*Saison en Enfer*). И тогда блудный сын сокрытой благостыни покинет неподвижность тревожных и сумрачных ожиданий. Мир, который силой своего гения воспроизвёл Альбрехт Дюрер, чтобы впредь всякий настоящий *возделыватель* истинной поэзии испытывал вечное беспокойство.

Именно в неподвижном движении или движущейся неподвижности мы обнаруживаем божественное согласие двойственностей, сколь противоположных, столь и плодотворных именно в своей противоположности: Наука — Мудрость, Философия — Религия, Дух — Материя, Рассудок — Интуиция; осуществить этот великий сплав может только огонь, всё и всяческая устрояющий, огонь *тайный* или, ещё точнее, *стихийный* (*élémentaire*).

Посвятительная картина (*tableau initiatique*), в своём роде единственная, фотографию с которой, сделанную Пьером Оливье, последним директором Национальной Школы Изыщных Искусств в Алжире и которая принадлежит его зятю, указывает *погружение в печь* (*enfournement*) *caput mortuum*, мёртвой головы, очищающее *философского человека* и делающее его истинным *философом огня* (*philosophe par le feu*) — *philosophus per ignem*⁹.

⁹ В письме от 28 декабря 1961 г. наш друг уточняет:

«Должен указать вам, что под изображением пациента, слева всегда цапапина, создающая впечатление

*А чёрный, белый Е, I красный, U зелёный, О голубой —
цвета причудливой загадки.*

(перевод Вл. Микушевича)

Поэт умеет по складам читать самое само Слово (Verbe); это его *Крест, Богом данный* (*croix de par Dieu*); ср. «*И Слово бе к Богу и Слово бе Бог*», Ин, 1:1 — перев.); крест чудесной науки, имя коей он именует в третьей строке первого терцета. Мы настаиваем именно на таком написании слова *Крест* — *croix, creux* — написании прошлого века, сохранённом для нас словарями. Основа всякого ведения — язык, и именно он с лёгкостью указывает на соответствующее обозначение тигля (*creuset*, старофранцузский *crucible* или *croiset*) в древней спагирии.

Однако загадка букв, в том числе гласных, всё же остаётся непроницаемой, поскольку никто, кроме Робера Кантерса (Rober Kanters) внимательно не разглядывал само имя существительное *алхимия* (*alchimie*), блистающее всеми буквами и указывающее на источник трансцендентной абстракции.

Два катрена и два терцета Римбо буквально дышат наукой Гермеса и несут, сохраняя верность духу символизма, высший смысл Слова, подлинное свидетельство о котором К.-Г. Юнг обнаруживает в рисунках своих пациентов, как свидетельства всеобщего бессознательного. *Мандалы*, получаемые во сне или, наоборот, при бдении — будь то в здравом уме или в состоянии помрачения — лишний раз доказывают, что алхимия основывается на соединении противоположных начал, иначе говоря, *индивидуации*. Таков смысл двух терминов знаменитого психолога, совпадающих с опытом первоначального и цельного восприятия (асцепции primitive) жителей Индии или средневековых схоластов.

В том же, что касается области эстетики, заслушаем поэта-философа Филеаса Лебесга (Philéas Lebesgue), чьи суждения во многом проливают свет на загадку гениальных озарений.

«Первоначальной стихией Искусства являются ощущения.

Они таковы — зрительное, слуховое, обонятельное и осязательное. Цвета, звуки, формы и запахи соответствуют определённым колебаниям (vibrations), и множественные их взаимные аналогии оказываются областью неустанных исследований; переходы их от одного к другому образуют серии таинственных аккордов»¹⁰.

Какой же глубокий резонанс у нас нашли эти строки мудреца из Ла Нёвилль-Вольта (La Neuville-Vault), ведь он, как мы уже отмечали ранее, за год до Эйнштейна сформулировал основной для алхимии закон соотношения времени и материи, из которого вытекает всё, что есть в профанической, но всё же изумительной и опасной теории относительности!¹¹

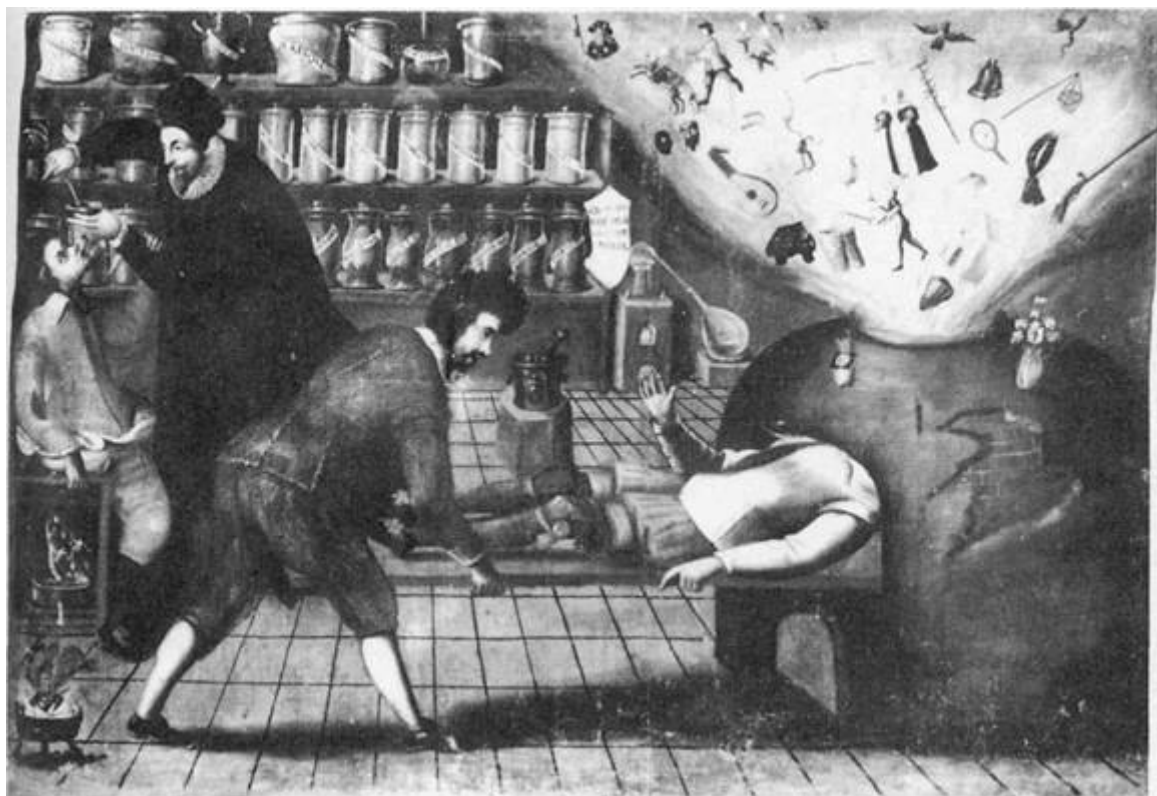
В недрах чёрного цвета, который Римбо поставил впереди всех остальных, зарождается троецветие (la trilogie colorée) чёрного, белого и красного, о котором говорят все классики прекраснейших времён средневековья; кроме того, из недр чёрного восходит в призматической последовательности вся восходящая *хроматическая* гамма, в точности соответствующая музыкальной. Это явление может физически созерцать всякий добившийся успеха работник (opérateur), как это произошло с Генрихом Кунратом, вкушившим всеми четырьмя чувствами *всеобщего зелёного льва* (*lion vert universel*) — leo viridis catholicon — то есть Золото, *но не вульгарное*, а Философское — AURUM non vulgi, sed PHILOSOPHORUM:

«Я видел его своими глазами, я осязал его своими руками, я вкушал его своим языком, я обонял его своими ноздрями; о сколь дивен Бог в делах Своих!»¹².

¹⁰ *Aux fenêtres de France, dans Mes Semailles*. L'Amitié par le livre, 1955.

¹¹ *Atlantis*, №200, Janv.-Fev. 1960, p. 106.

¹² Amphitheatrum sapientiae Aeternae, solus verae christiano-kabalisticum, divino-magicum, nec non physico-chymicum, ter-trium catholicon, instructore Henrico Khunrath Lips(iensis) Theosophiae amatore fidei, et Medicinae utriusq(ue) doct(ore). Hallelu-lah! (ter). Phy diabolo. — Христианско-кабалистический, божественно-магический, а также физико-химический, трижды во единем католический, единственно истинный Амфитеатр Вечной

Краткое и насильственное Делание по извлечению соли из мочи (метафорически) «молодых холерных больных», не без некоторой опасности сублимированной глубины *caput mortuum*.

IV. Посвятительная картина (погружение в печь)

Сам по себе чёрный цвет составлен из трёх простых — синего, жёлтого, красного — и из трёх составных — фиолетового, зелёного, оранжевого; потому при окончании Великого Делания все они рождаются из чёрного в тёмной и стекловидной массе философского яйца:

«Только чёрный цвет есть истинный цвет, все же остальные из него происходят, почему мудрые и подарили Аргусу сто совершенно чёрных глаз, однако по смерти его Юнона перенесла эти глаза на хвост павлина, и они заиграли бесчисленными оттенками, и всё это дабы указать, что все цвета происходят из чёрного»¹³.

Зачем людям во что бы то ни стало, так или иначе унижать величайшее произведение, сводя его к смакованию похотливых несуразностей и непристойной нечистоты? Кто дал право укорять поэта за низкий или притворный эротизм, вопреки всему прекрасному, которое так недолго жило в его душе без его ведома и которое так и не сумело одолеть обитавший в ней первородный хаос?

Более того, нам представляется, что эротизм, цветущий в творениях юного Римбо, в очищенном от земных примесей виде присутствует во всех наиболее волнующих книгах по классической алхимии. Пропасть отделяет вульгарный эротизм от того *эротического* (*ερωτικός, erôtikos, amoureux, любовного*) начала, которое пробуждает души *влюблённых в науку* (*amoureux de science*). Именно такой эротизм нам дороже всего в старых трактатах, не несущих никакой ответственности за появление пред нечистыми взорами разрушительных признаков сексуальной одержимости.

И мы совершенно не можем понять решительной тональности обличений Робера Фориссона (Roger Faurisson), самого, по-видимому, страдавшего от сознания своей ограниченности, и потому запутавшегося в позитивистских толкованиях образов, из которых слагается бесконечная вселенная изумительного поэта. Нет нужды тратить силы на споры, тем более, что недавно появился прекрасный журнал Жан-Жака Повера, полностью

¹³ *Происхождение Философских Богов*. Неарха, философа греческого. *Origine des Dieux Philosophiques* par Nearcos philosophe grec. Bibl. nat., ms 14792, p. 1202.

посвящённый этой необычной проблеме. *Прочитан ли Римбо?* — написано на его титуле (двойной номер 21 — 22). Не менее интересен и следующий номер, где по тому же поводу и с той же категоричностью высказываются самые замечательные авторы, разбирающие «дело Римбо» во всех его аспектах — внешних и внутренних¹⁴.

Наиболее непримиримые недоброжелатели поэта-визионера, принадлежащие к сторонникам теорий о юношеском либидо, именно в нём находят «ключ к уразумению» Римбо; один из них, наиболее рьяно отрицающий духовные начала, всё же признаёт, что этот гений был озарён сверхсущностными, сверхприродными наитиями; те же, кто сводят их к паническим пубертатным состояниям, — о, верх пошлости! — *судят по себе*.

Но и мы не будем спешить с суждениями и легкомысленно совершать двойную ошибку, смешивая чистые воды сонета *Гласные (Voyelles)*, например, с *Приседаниями (Accroupissements)*, сочинением риторическим, лишённым милосердия и сострадания, использующим, хотя и весьма утончённо, отвратительные образы, одновременно отталкивающие и жалкие; это, действительно, падение, студенческое хохмачество, однако, не эротического, а совершенно иного рода — оно было продиктовано всего лишь юношеским республиканским антиклерикализмом и бунтарством.

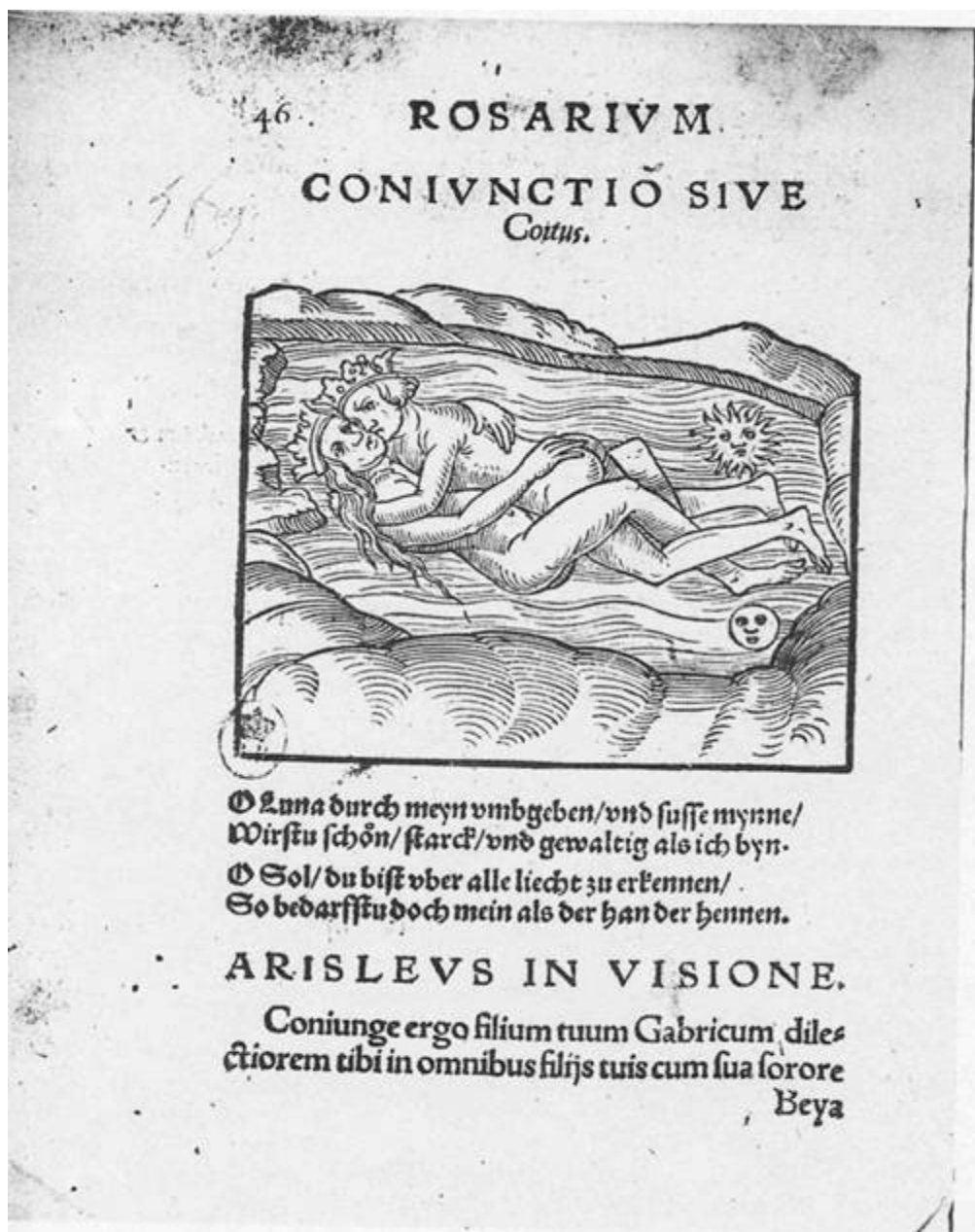
Разве не допустил Робер Фориссон немислимую небрежность, отрицая наличие упоминаемых Верленом «очень древних и очень редких научных книг» в муниципальной библиотеке Шарлевиля? Книги эти, найденные нами без всякого труда, находятся среди прочих в старинном лицее, том самом, где учился Римбо, на площади *Земледелия* (прежде *Гроба Господня*) и недавно переписаны в новый каталог из старого, составленного во второй четверти XIX столетия. Именно к этому каталогу, явно составленному из непристойных и прямо запрещённых книг, обращался ученик, предававшийся беспорядочному чтению, не признающему никаких программ.

Непристойная литература, которой, если верить Роберу Фориссону, завалены полки в Шарлевилле, в последние годы Второй Империи сводилась к одному-единственному тому, впрочем, достаточно характерному. Но и в этом томе самые разные последователи Онана найдут для себя много интересного; её безобидное название никак не отражает скабрёзности содержания, а тем более гравюр, которые приведут их в восторг. Эта книга анонимная, хотя нам и известно, что автор её — антиквар из Анкарвиля (Hancarville) Пьер-Франсуа Гюг (Pierre-Francois Hugues), озаглавлена:

Памятники частной жизни двенадцати Цезарей в серии гравюр на камне, созданных при их правлении.

Monuments de la vie privée des douze Césars, d'après une suite de pierres gravées sous leur règne. A Caprées, chez Sabellus, 1780.

¹⁴ *Bizarre*, numéro spéciale, *ibid.*, № 23. *L'Affaire Rimbaud*.

Совокупление минералов или проникновение живой и огненной серы в пассивного ртути.

V. Rosarii Coitus (editio prima)

Мы полагаем, однако, что библиотекарь, он же классный наставник, тем более тогда, в эпоху кринолинов, никоим образом бы не выдал эту фривольную книгу, нарушающую все строгие моральные принципы того времени, чересчур любопытному подростку. Во время нашего краткого посещения лица нам удалось побеседовать с господином М.Тотом (М.Тауте), нынешним хранителем библиотеки, человеком любезным и внимательным к посетителям, который спокойно, но в то же время вдохновенно поведал нам всё, что знал о короткой и трагичной жизни Артура Римбо и его трудах. Другой очаровательный служащий этого достопочтенного заведения, М.Гремилле (M.Grémillet), препроводил нас в музей «проклятого гения», где нам удалось, воспользовавшись благосклонностью сотрудников и благоприятными условиями для работы, собрать некоторые библиографические данные для нашего исследования.

В частности, мы нашли два старинных труда, именно те самые, которые могли дать пищу для размышлений вдумчивого лицеиста, увлечённого латынью. Юный поэт, столь богато одарённый, вполне мог погружаться именно в эти, преисполненные многими

сведениями и капля за каплей источающими премудрость, ин-октаво, трудные даже для профессоров. Оба тома, дополняющие друг друга и содержащие большей частью трактаты по алхимии и древней химии вообще, написаны, по-видимому, не позднее первой четверти XVII столетия, хотя вторая из них и была издана чуть позже. Вот их названия:

«*Artis auriferæ, quam Chemiam vocant, Volumina duo; quæ continent Turba Philosophorum, aliosq(ue) antiquiss(imos) auctores, ... Accessit noviter volumen tertium, ... Basileæ, Typis Conradi Waldkirchi, i clc Ic cx*».

Искусство Златоделания, Химией именуемое, в двух томах, содержащих Собор Philosophов и иные сочинения древних авторов, ... Недавно было выпущено добавление в третьем томе, ... Боль (Bale), Типография Конрада Вальдкирха, 1610.

«*Theatrum Chemicum, præcipuos selectorum auctorum tractatus de Chemiæ et Lapidis Philosophici, antiquitate, veritate, jure, præstantia, & operationibus continens... & in sex partes seu volumina digestum... Argentorati, sumptibus Heredum Eberh(ardi) Zetzneri, M.D.C.LIX*».

Химический Театр, заключающий в себе лучшие трактаты по Химии, также и о Камне Философическом, авторов избранных из наиболее древних, влиятельных, высокоумных и трудолюбивых... разделённых на шесть томов или частей... Издано в Страсбурге, на средства наследников Эберхарда Зецнера, 1659.

Да, действительно, сонет о *Гласных* весьма ярко, чисто по-женски, сивиллически передаёт звуки настойчиво-нелепых стонов-прошений, издаваемых любовниками, более того, звуки оргазма в нём издаваемы различными частями их тел; однако какой же милостью-потрясением оказывается это любовное сновидение для *любителей науки (amateurs de science)* и *возлюбленных поэзии (amoureux de poésie)*!

Да, истинный философ, говорящий о чудесных (*merveilleuse*) формах порождения вовсе не ищет повода для скандала. Так не содержат ли *Чётки (Розарий) Philosophов — le Rosaire des Philosophes, Rosarium Philosophorum* (или *Великие чётки, le Grand Rosaire*) — так эта книга называется, потому что превосходит все другие подобные трактаты, — гравюру на дереве, которая для чистого ока мудреца вовсе не представляется чем-то нечистым? Вот почему мы без всякого сомнения воспроизводим этот образ философского совокупления на жидко-текучем ложе, раскинутом меж крутыми и обнажёнными берегами, над которыми начертана латинская надпись, означающая цель философской операции: *Coniunctio sive coitus — la conjunction ou coït, смешение сиречь сношение*. Эта иллюстрация содержится в трактате *Арислей в видении (Arisleus dans sa vision)*, и мы без всякого страха перед нечистым ея толкованием приводим и само повествование о кровосмесительной природе супружества двух царственных и пылких любовников, отождествляемых с солнцем и луной:

«Итак, совокупи возлюбленного твоего сына Габрикуса с его сестрой Дóброй (Beya), каковая есть блистательная, сладкая и утончённая девица. Габрикус есть муж (mâle), Дóбра же жена (femelle), отдающая ему всё, что из нея исходит. О, благословенное естество, благословенно делание твое, соделывающее несовершенное совершенным. Посему не избирай того естества, которое ещё не очищено, не благоуханно, не зрело, не чарующе, и, увь, всё ещё земное и естественное. Ибо, если сделаешь иначе, не преуспеешь. Бди и пойми — ничего не будет, если оставить наш камень в одиночестве. Итак, соедини нашего слугу с его благоухающей сестрой, и пусть они породят сына, который не будет растворён в родителях. Но так как Габрикус есть носитель (porteur) Добры, никакое рождение невозможно без Габрикуса. Несомненно, бракосочетание Габрикуса и Добры уже состоялось. Ибо Дóбра взобралась на Габрикуса и затворилась во чреве его так, что ея вовсе не стало видно. И она с такою любовью обняла Габрикуса, что вобрала в себя собственное естество, разделившись на неделимые частицы»¹⁵.

¹⁵ Arisleus in visione. Coniunge ergo filium tuum Gabricum dilectiorem tibi in omnibus filiis tuis cum sua sorore Beya quæ est puella fulgida, suavis et tenera. Gabricus est masculus & Beya fœmina, quæ ipsi dat omne quod ex ipsa est.

О natura benedicta, & benedicta est tua operatia, quia de imperfecto facis perfectum. Idcirco non assumas ipsam naturam nisi puram, muridam, crudam, amœnam, terream & rectam. Si vero secus feceris non proderit quicquam.

Приведённый нами вариант (латинский текст дан в сноске) этой известной притчи показывает, сколь лёгок и ясен слог анонимного *Розария*, обильно цитируемого в *Atalanta Fugiens* Михаилом Майером вместе с самыми уважаемыми авторами средневековья, в том числе раннего. Сколь же велико было наслаждение, испытанное нами при перечитывании этих строк, написанных густою и сосредоточенною латынью, подверженного — не без некоторого ущерба — влиянию родного языка придворного медика Императора Рудольфа, а также при переводе стихотворных эпиграмм и прозаических толкований этого великолепного сборника! Многозначительные паузы, подобные освежающим зелёным оазисам, тут и там разбросанным в засушливой пустыне... Несомненно, наш алхимик имел столь глубокие познания в латинском языке и его синтаксисе, что многое мы готовы включить в наш словарь в качестве примеров наподобие тех, что извлёк из трудов различных авторов учёнейший Анри Гельцер (Henri Goelzer).

Несомненно, что Михаил Майер, как и большинство медиков и химиков его времени, не имел возможности владеть и пользоваться тремя томами *Искусства Златоделания, Химией именуемого*, теми самыми, что держал в руках юный Римбо сто пятьдесят лет спустя в Шарлевилле — иначе он, без сомнения, обогатил бы новыми свидетельствами свой герметико-мифологический памятник с глубокомысленным и длинным заглавием и, ставшими знаменитыми, гравюрами на меди работы Яна Теодора де Бри (Jean-Théodore de Bry)¹⁶, изображающими различные обстоятельства Великого Делания.

¹⁶ Atalante Fuyante, c'est-à-dire, les Nouveaux Emblèmes chimiques touchant les secrets de la Nature, appropriés, en partie, aux yeux et à l'intelligence, par des figures gravées sur cuivre, des sentences, des épigrammes et des notes ajoutées; en partie, aux oreilles et, plus ou moins, à l'amusement de l'esprit, par cinquante fugues musicales de trois voix, dont deux correspondent à une simple mélodie très convenable aux distiques qu'il faut chanter. Non sans un singulier charme, ces emblèmes doivent être regardés, lus, médités, compris, discernés, chantés et entendus. Par l'auteur Michel Maier, Membre du Conseil Impérial, Médecin, Docteur, Chevalier exempté, etc... De la Typographie de Jérôme Galler d'Oppenheim. Aux frais de Jean-Théodore de Bry. M.DC.XVIII.

Убегающая Аталанта, или Новые Эмблемы Химические касательно Тайн Естества, предлагаемые, в частности, зрению и уму и соделанные в гравюрах на меди, в изречениях, эпиграммах и заметках; особо для улаждения слуха и улаждения духовного содержат пятьдесят музыкальных пьес для трёх голосов, двум из которых вменяется мелодия простая, сопровождающая двустийшия и для пения пригодная. Не без очарования эмблемы сии могут быть рассматриваемы, читаемы, почитаемы, обдумываемы, уразумеваемы, различаемы, распеваемы и осознаваемы. Сочинены Михаилом Майером, членом Императорского Совета, Медиком, Доктором, Вольным Дворянином. Отпечатаны в Типографии Иеронима Галлера из Оппенгайма. На средства Яна Теодора де Бри. M.DC.XVIII.

Гравюра изображает сцены из мифа о Аталанте. Слева и внизу — любовные излияния, раздражающие Кибелу, из которых Овидий сделал вывод о порочности естества. Фулканелли утверждал, что, согласно древнейшей греческой версии, заголовок [Atalanta Fugiens, (неистово) Убегающая Аталанта] означает неистовую (fouguluse) любовную игру Гиппомена с его молодой женой в полном соответствии с первой фазой Великого Делания, во время которой сухое жадно впитывает свою влагу (*le sec pompe avidement son humide*).

VI. Atalanta fugiens (титульный лист)

Среди сочинений, составляющих *Ars aurifera*, порой очень небольших по объёму, нет, однако, ни одного, в котором не говорилось бы об обязательном плодотворном гниении (*putréfaction*), идеально проявляющемся как чёрный цвет, лежащий у истоков всякой философской операции и абсолютно для нас необходимый. Сокрытая тьма, чернота, чернь (*sublime noirceur*), божественная альфа, безжалостно отвергаемая недостойными, надевшими маску оккультизма в самом унижительном смысле этого слова, сектантами, слугами лжи и искателями мелких выгод, жадными до своей доли разрываемого на куски наследства закланного старика...

*А — чёрный полог мух, которым в полдень сладки
Миазмы трупные и воздух воспалённый,
Заливы млечной мглы.*

Настойчиво указываем: необходимое для всякого порождения гниение не может совершиться без предварительного распада (разложения, dissolution), которое всегда сопровождается тьмой, сумерками, гиперболически именовавшимися древними как *чёрнь чернее чёрной черни* (*un noir plus noir que le noir même*) — *nigrum nigrius nigro*. При этом признаками смерти и тления всегда являются не только цвет траура, но ещё и заразные миазмы, которые точнее всех описывал «древнейший философ Артефий»:

«И в этом гниении и разложении тела появляются три знака, а именно чёрный цвет, распад тела на части с их разделением, и зловонный запах, подобный исходящему из гробниц»¹⁷.

Впрочем, не далеко от этого и чёрное руно, треугольной формы, тонкое, но сокрывающее под собою омерзительную клоаку ночной тьмы и ужасных испарений.

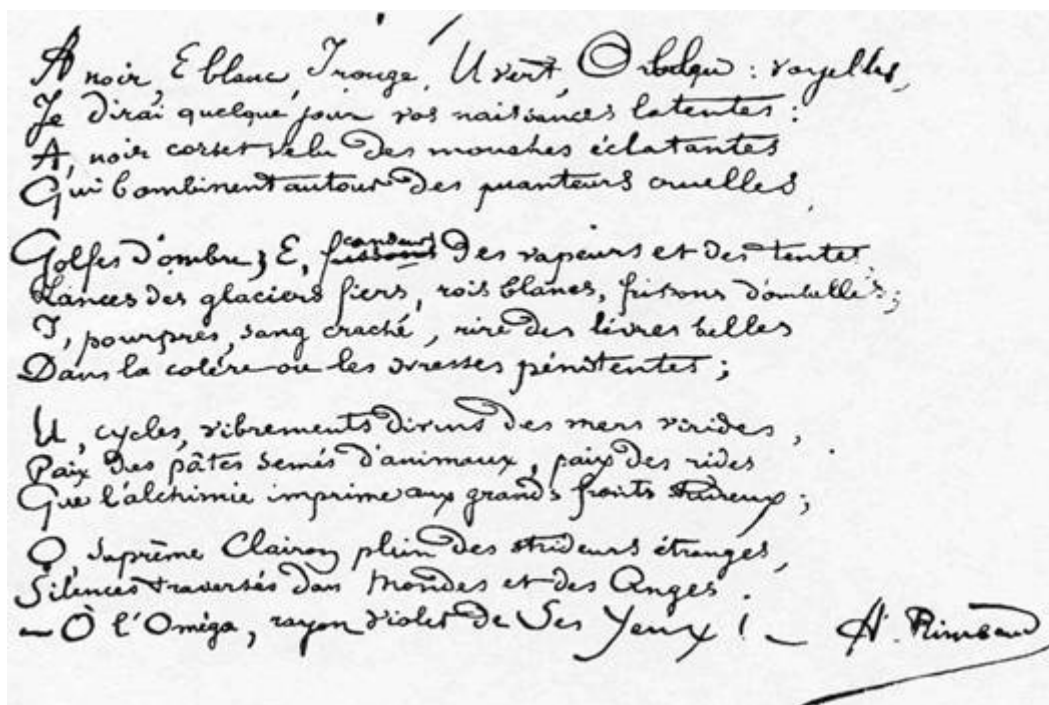
*U — трепетная гладь, божественное море.
Покой бескрайних нив, покой в усталом взоре
Алхимика, чей лоб морщины бороздят.*

Всякий, кто желает действительно внимательно изучить рукопись знаменитого сонета, заметит: в среднем стихе первого терцета Римбо написал *pâtes* (массы, тесто), а не *pâtis* (пастбище, выгон, в русском переводе — нивы — перев.), слово, возникающее в сознании читателя как по смыслу, так и по правописанию. Вмешательство инобытийных сил в поэтическое вдохновение налицо. Философские *пастбища* или *нивы* (*pâtis*) действительно представляют собою *массу* (*pâte*), очень похожую на драгоценное стекло, в глубинах которого, подобно *духам* (*esprits*) возникают и исчезают, окрашивая все и вся, *цвета* (*teintures*).

Когда эта многолетняя и многотрудная стадия Великого Делания уже позади, виски мастера действительно озаряются возвращёнными зёрнами бесконечного и незаходимого покоя.

Воистину, мирно разглаженные морщины алхимика это уже успех труда и знамение наступающей зрелой старости, достигнутой тяжкими испытаниями, добродетелью, постоянством и непрестанным учением. Искомая цель уже не столь уж далека для того, кто обрёл мирное пастбище-ниву, на которой резвятся животные, описанные Сендивогием в седьмой главе *Трактата о Сере*. Вместе с двумя маленькими пастухами они составляют зодиакальное трио весны, ещё недавно столь благоприятной для Великого Делания, а ныне лишённой созидательных свойств экспансией научного прогресса. Равновесие температур, порядок времён года, всё нарушено, всё лишено изначальных свойств плодотворного чередования.

¹⁷ Тайная Книга в Трёх Трактатах по естественной Философии, доселе не напечатанных. *Le Secret Livre, dans Trois Traitez de la Philosophie naturelle non encore imprimez*. Paris, chez Guillaume Merette, M. DC. XII.

(рукопись А. Римво)

Артур Римво ГЛАСНЫЕ

А черный, белый Е, I красный, U зелёный,
О голубой — цвета причудливой загадки.
А — чёрный полог мух, которым в полдень сладки
Миазмы трупные и воздух воспалённый.

Заливы млечной мглы, Е, белые палатки,
Льды, белые цари, сад, небом окроплённый;
I — пламень пурпура, вкус яростно-солёный —
Вкус крови на губах, как после жаркой схватки.

U — трепетная гладь, божественное море,
Покой бескрайних нив, покой в усталом взоре
Алхимика, чей лоб морщины бороздят.

О — резкий Горный Горн, сигнал миров нетленных,
Молчанье Ангелов, безмолвие Вселенных;
О — лучезарнейшей Омеги вечный Взгляд!

Перевод Владимира Микушевича

VII. Автограф сонета Римво

Увы! не умолчим о разрушительном воздействии на земледелие, небесное и земное, равно как и на человеческий мозг, ужасных последствий препятствования солнечному излучению, создающих мысленный экран облаков нашего безумия!

Приведём драгоценное и щедрое свидетельство Философа, не побоявшегося занять место своего учителя Александра Сетона, из посвящённой соли первой главы третьей части преисполненной всяческой мудрости книги. Как это и полагается, оно изложено иносказательно.

«Здесь мы увидим проходящих мимо овнов и туров: а вот и два юных пастушка, которых алхимик спрашивает: — Скажите, кому принадлежит этот лес? — Это Сад и лес нашей нимфы Венеры, — отвечают пастухи»¹⁸.

¹⁸ Трактат о Селе. Второе Начало Естества. *Traité du Soulfhre. Second Principe de la Nature*. A Paris, chez Jean d'Houry. M. DC. LXIX, p. 72.

Трактат о Соли. Третье Начало. *Traité du Sel. Troisième Principe*. Там же, кн. 3, p. 4:

«Если читатель хочет извлечь пользу и совершенствование из сих речей и понять мою мысль, ему прежде следует с великим вниманием изучить творения других истинных Философов и особенно Сендивогия, о чьих трудах мы уже упоминали».

Вернёмся, однако, к *зелёному цвету (vert)*, пробуждающему образы питательных нив и пастбищ (*râtures*), цвет, который Римбо в своём видении соотносит с гласным U. Налицо фонетическое, то есть голосовое, *гласное* единство этого слова (*vert*) с латинским *ver* — весна, время плодородного порождения нежной теплоты. По-старофранцузски оно именуется *primevere* и корнесловно образует понятия *лучший (meilleure)* и *первый, изначальный (premiere)*. U — зелёный, U — трепетная гладь, U — круговорот; что могли бы мы добавить? — U — стекло, U — чаша (*vase*)... Вот почему стекловидно-студенистое яйцо мудрых (*l'œuf hyaloïde des sages*) или алхимический микрокосм, сотворённый по образу как человека, так и вселенной с её четырьмя циклическими эпохами, микрокосм, обязанный своим развитием вибрациям макрокосма, изображается графическим символом V, согласным, совпадавшим в прежние времена с гласным U.

Из сердца этих зелёных лугов, столь милых сердцу алхимика, истекает, как порождение его искусства, чистейший источник; он берёт начало в небесных божественных морях (*mers virides*) и лучах луны. Русло его — философская тайна, стихотворно изъяснённая Жаном де ла Фонтеном (Иоанном от Источника, *Jean de la Fontaine*) в его сочинении о *Возлюбленных Науки*, действующие лица которого уже с первых строк входят в благословенный *viridarium*.

*Вот месяц май приходит к нам на лугу.
Двойственный трепет он принёс на бегу.
С ним я вхожу в зелёный фруктовый сад,
В нём Зефир садовник и хранитель врат¹⁹.*

О небесных лазурных водах юный поэт, повинувшись странному вдохновению, говорит как о голубом гласном О, четвёртом в алфавите, но почему-то пятом в сонете. Столь же странен несравненный скульптурный ансамбль, сооружённый епископом Гильомом в Соборе Владычицы Нашей в Париже на внешней стороне опорного арочного столба, где обычный порядок зодиакальных созвездий вдруг оказывается нарушен. «Виновник» тому — знак Рака, символ влажного начала. Эспри Гобино де Монлуизан (*Esprit Gobineau de Montluisant*), дворянин из Шартра, «в среду, 20 мая 1640 года, в день славного Вознесения Господа нашего и Спаса Иисуса Христа», при осмотре порталов этой парижской церкви записывает относящийся к этому изображению вывод следующим образом:

«Поверх Блинецов здесь находится знак Льва, который никак не соответствует принятому порядку, ибо место это должно принадлежать Раку, и это весьма загадочно...

Рак, также расположенный в вышине, согласно свидетельствам, всегда преисполнен лунною сущностью, однако не столь изобильно, ибо Плеяды, также влажное по своей природе созвездие, вбирает её в себя»²⁰.

¹⁹ *Источник Возлюбленных Науки* в кн. *Металлическое Превращение. La Fontaine des Amoureux de Science, dans la Metallique Transformation*. A Lyon, chez Pierre Rigaud, M.DC. XVIII, p. 5.

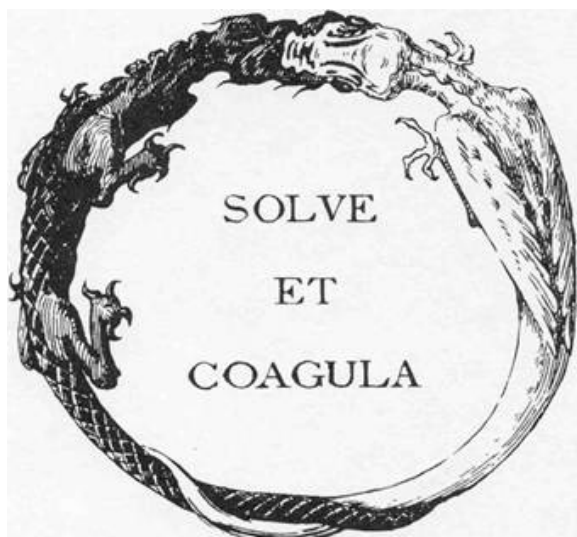
Смотри также публикацию этого текста Ашилем Жантти (*Achille Genty*), очень точную и снабжённую занимательным Предисловием. Paris, Poulet-Malassis et de Broise, 1861, p. 41.

²⁰ *Очень любопытное объяснение Загадок и иероглифических физических фигур главного портала кафедрального и епископального Собора Владычицы Нашей в Париже. Explication tres curieuse des Enigmes et Figures hiéroglyphiques, physiques, qui sont au grand portail de l'église cathédrale et métropolitaine de Notre-Dame de Paris*.

В четвёртом томе *Библиотеки Химических Философов (Bibliothèque des Philosophes Chimiques)*, собранной Гийомом Сальмоном (*Guillaume Salmon*), издание второе, исправленное и расширенное J.M.D.R. (*Jean Maugin de Richebourg*). A. Cailleau, Paris, 1740 — 1754.

Небольшой трактат Г'обино был отпечатан в 1955 году в *Новом Соборе Химических Философов (Nouvelle Assemblée des Philosophes Chymiques)* Клода д'Иже (*Claud d'Ygee*). Dervy-Livres, Paris, VIe.

Этот труд представляет собой принадлежащую одной частной библиотеке очень красивую рукопись XVIII века, украшенную множеством рисунков, выполненных пером, которые мы со всею возможною точностью перерисовали; здесь мы воспроизводим двух драконов — символ хорошо известный и располагающий к бесконечному размышлению, весьма любимый Николаем Фламельем.

РАСТВОРЯЙ И СГУЩАЙ

Два дракона, один из которых бескрыл, суть два противоположных естества (natures), неподвижное (fixe) и летучее (volatile); справа — особый символ первоматерии, окружённый четверословным надписанием веления Заратустры: *Знать, мочь, дерзать, скрывать*.

VIII. Два символа рукописи Гобино де Монлуизана

Совершенно очевидно, что поэт-алхимик Слова восстановил изначальный порядок гласных, для которых он ещё двумя годами раньше *изобрёл* цвета. Мы употребляем слово *изобрести* (*inventer*) в его изначальном смысле *из-обрести, обнаружить* (*rencontrer*), *открыть* (*découvrir*), то есть приподнять логическую завесу над *сокрытой*, но безошибочной внелогичностью подлинного озарения.

Безусловно, алхимик за работой может с полным основанием повторять про себя:

*О — резкий Горний Гори, сигнал миров нетленных,
Молчанье Ангелов, безмолвие Вселенных.*

И воистину нет лучшего подтверждения этой физико-химической истины, чем содержание гравюры, предваряющей одну из основных классических книг по герметической науке. Это сочинение называется

*Немая Книга, в коей представлена в иероглифических фигурах вся герметическая Философия, посвящённая всемилостивому Богу, трижды трикраты благому и тривеликому и обращённая только к сынам искусства автором ея, имя коего Высокий*²¹.

Этот краткий текст, лишь поясняющий основное изоповествование, сопровождается цифровым шифром из трёх сокращений, наложенных на некие два слова, понять смысл которых вначале очень трудно. Это становится, однако, очень просто, если прочитать их справа налево:

21. 11. 82. Neg.

93. 82. 72. Neg.

82. 31. 33. Tued.

Gen(esis) — Genèse — Бытие. 28. 11. 12.

Gen(esis) — Genèse — Бытие. 27. 28. 39.

Deut(eronomium) — Deutéronome — Второзаконие. 33. 13. 28.

В последней строке в изданиях Манже (Manget), Нурри (Nourry) и Дерена (Derain) 31 стоит на месте 81, 13 — на месте — на месте 18. По-видимому, это ошибка гравёра-копировальщика, которая, безусловно, нарушает заданную гармонию. Так или иначе стих 13 говорит о *розе* (*rosée*), а стих 28 — о *плодах небесных*. («И вселится Израиль уповая

²¹ Mutus Liber, in quo tamen tota Philosophia hermetica, figuris hieroglyphicis depingitur, ter optimo maximo Deo misericordie consecratus, solisque filiis artis dedicatus, autore cuius nomen est Altus.

един на земли Иаковли, в вине и пшенице: и небо ему облачно росую».)

Немая книга изначально дарована Естеством трудящемуся (*opératif*) алхимику и, если открыть ее, оказывается, удивительно щедрой. Более того, истинное ее прочтение может избавить от изучения любых других фолиантов.

IX. Титр издания Манже (акварель)

Право на публикацию этого первого издания было выдано на имя Якоба Саулата (Jacob Saulat). Считалось также, что надпись в конце, *obis oculatus* (Ты, ставший ясновидящим) — анаграмм латинской записи имени и фамилии *Jacobus Sulat*. Однако, на наш взгляд, этого недостаточно, чтобы утверждать, будто Сьер де Морез и был философом, скрывшим своё имя под псевдонимом Высокий (Altus).

X. Mutus Liber — Титульный лист первого издания (безводный декор).

Ниже мы рассмотрим стихи 11 и 12 главы 28 Первой Книги Моисеевой и о лестнице Иакова; что же до двух других стихов и главы 33 Пятой Книги, то в них подчёркивается особое значение *небесной росы* (*rosée de ciel, ros cæli*, «небо облачно росой»), которую автор *Mutus Liber* представляет скорее нашему умному, нежели телесному взору.

Однако дабы сокрыть загадку библейских отсылок, на самой же гравюре наш Высокий аноним изображает ночное светило в его последней четверти, которая считается философски

противоположной всем алхимическим операциям.

На переднем плане — алхимик, погружённый в сон, лежит на огромной скале (roche), служащей ему изголовьем, возле каменной полости, из которой быстрым потоком к ногам его истекает ручей-водопад. На *лестнице Философов* — scala philosophorum — направленной в ночное небо, усеянное звёздами и озарённое лунным серпом в его последней четверти, стоят два ангела, трубящие в *горние горны*, очень похожие на трубы церковной иконографии. Небесные посланцы, один выше, другой ниже, указывают на два пути к обретению Великого Камня — первый, долгий и подробно описанный — влажный путь — и второй, тайный и краткий — сухой путь.

Всё это тождественно *молчанию Ангелов, безмолвию Вселенных* — бездонной тьме киммерийской ночи.

Иаков, духовно возвысившийся до неприступных сфер²², исполненных невидимых цветов и неслышимых звуков, «*обрете место и оусне тамо, зайде бо солнце, и взя от камня место того, и положи в возглавие себе и спа на месте оном: и сон виде, и се лествица оутверденна на земли, еяже глава досязаша до небесе; И Аггли Божии восхождаху и нисхождаху по ней*²³.

Некоторые Мастера, в частности Фулканелли, строго разделяли два пути физического восхождения к Философскому Камню. Мы уже упоминали, что первый путь *влажный*, совершается с приведением философских реагентов в жидкое состояние, с использованием умеренных температур и стеклянной посуды, а второй, *сухой*, требует помещения тугоплавкой и огнеупорной чаши в пылающую печь, *пещь огненну*. При совершении этого полного действия вместо цветowych явлений наблюдаются странные скрипы и свисты.

Вот почему фронтиспис первого издания *Mutus Liber*, отпечатанного в Ля Рошелле (Рупелле) (La Rochelle, Rupella) в 1677 году, отличается от описанного нами выше прежде всего пейзажем — безводным и сухим. Мы можем утверждать это с полной уверенностью благодаря превосходным фотографиям одного образованного лондонского книголюба, сделанным по нашей просьбе с величайшей любезностью как из дружеских чувств, так и из общего интереса к Науке.

До того, как проблема двух путей не прояснилась в целом и окончательно, нам всегда казалось необъяснимым, почему даже такой книговед-знаток, как Магофон (псевдоним Пьера Дюжоля) не указывал на столь существенные аномалии фронтисписов даже в своей блистательной *Гипотипозе* 1914 (l'Hyphotypose — яркая риторическая фигура — перев.), в которой использованы лучшие гравюры Жан-Жака Манже. Иначе различия пейзажей — с водой и без воды — в сознательно по-разному оформленных изданиях не объяснить. Предоставляем возможность судить об этом самому читателю, приведя в нашей книге титульный лист первого издания, отретушированный знаменитым медиком.

Крайняя полоса видимого солнечного спектра — фиолетовая, в которой Римбо увидел не только омегу, но и оттенок радужной оболочки глаз возлюбленной:

*O l'Omega, rayon violet de Ses yeux!
O, лучезарнейшей Омеги вечный взгляд!*

(«Лучезарнейший» как превосходная степень спектра и есть, по сути, фиолетовый и даже невидимый ультрафиолетовый — перев.).

Для возлюбленной поэта пройти О означает замкнуть магический круг, соединить голубизну меркурия с краснотою серы дабы химические вибрации обрели видимость для обычного зрения. Если мы тщательно изучим окружающие нас атмосферные состояния, то несомненно обнаружим, что ультрафиолетовое излучение особенно активно в ясные росистые ночи в определённые периоды года, когда само естество как бы становится

²² Бытие, XXVIII, II.

²³ Veditque in somnis scalam stantem super terram, & cacumen illius tangens caelum;. Angelos quoque Dei ascendentes & descendentes per eam. *Genesis*, cap. XXVIII, 12.

вместилищем *воды мудрецов*, которая являет крайне высокую преломляемость. В такие ночи чистый и прозрачный небосвод не препятствует воздействию *ионосферы*. Это научное словообразование вовсе не случайно совпадает с греческим *ἰονοῦ*, *ἰονοῦ* — *фиалка*, *йони*, *голубка* и *σφαῖρα* — *сфера*, *круг*, *завершение*, *Омега*. Так высвечивается тайный, хотя внешне не всегда заметный смысл: *круг фиолетовой сущности* (*sphère de la violette*).

Среди скрепляющих сонет гласных, выражающих последование цветов делания Мудрецов, белый Е — второй, после изначально-чёрного. Таков незыблемый закон неизменного Естества. Двойственность чёрного и белого выражается в алхимических трактатах двумя повелениями: *Solve et coagula*; *растворь и сгущай*.

Жан Лальман, несомненно, бывший adeptом герметической науки, среди прочих знаков расположил на потолке своей домашней часовни-лаборатории заглавное Е по числу своих эмблем — обозначение очищения (purification) или «убеления» (albification), при котором *капиллярная белизна* (*blancheur capillaire*) может быть обретена только посредством воздействия огня.

XI. Потолок в Отель-Лальман (l'Hôtel Lallemand) (фрагмент)

Графическая схема тройного очищения, использовавшаяся до XVIII столетия спагиристами и алхимиками, представляет собою три перпендикуляра, берущих начало в единой линии, так, что фигура выглядит как лежащая заглавная буква Е, то есть Ш. Именно так изобразил ее Жан Лальман (Jean Lallement) на одном из лепных кессонов потолка своей домашней часовни — Ш горит в живом и трепетном огне. За этой геральдической связкой — уменьшенных размеров жезл с подвешенными гуттами — прибавочным гербовым знаком — *младшей ветви* рода Адепта из Буржа — следует раковина пилигрима, продолговатая и твёрдая, как орех. Из ея отверстия, как бы выскребаемые *гребешком Иакова* — *pecten Jacobeus* — одна за другой выпадают жемчужины, каждая из которых по мере приближения к земле становится всё крупнее. Эта похожая на паука раковина снабжена на следующем лепном кокиле, имеющем вид восьмёрки, филактерией без надписи. Этот предмет держат выступающие «из-за той стороны» когти. Странная композиция, составленная по правилам

тайной науки, уже одним своим образом вызывает к любопытству и мудрости посетителя часовни.

Филактерия с надписью или без надписи, — пишет Фулканелли, — вне зависимости от его внешнего сюжета указывает на внутренний, сокрытый смысл, тайное значение, разгадка которого предлагается искателю смыслов уже самим своим присутствием»²⁴.

Сгущение медленно свершающееся в лоне матери-воды (l'eau-mère) — первая стадия созидания пятой сущности (quintessence), печатным знаком которой в алхимии является заглавная буква Е. Таковой она осталась и в химии, вплоть до Лавуазье, где обозначала всякое вещество, искусно утончаемое до достижения им совершенства.

Едва ли есть другой такой декоративный ансамбль, где господствующее значение стихийного (elementaire) огня в оперативном аспекте алхимии подчёркивалось с такой настоятельностью, как в усадьбе в Бурже. При подходящем уровне тепла, когда *огонь белеет*, меркурий философов, твёрдый в обычном состоянии, не разжижается, но становится подобен царственным и трепетным цаплям, тонким и ясным кристаллам, которые Филалет сравнивает с белоснежным пухом и называет *голубками Дианы*:

*Заливы млечной мглы, Е, белые палатки,
Льды, белые цари, сад, небом окроплённый.*

Свет возникает из тьмы, из сумерек, а запах гниения переходит в благоухание, как утверждает Бернар граф де ла Марш Тревизан (Bernard comte de la Marche Trevisane) в *Потерянном Слове*:

«Я расскажу тебе, призывая Бога в свидетели, что Меркурий после возгонки облекается великою белизной, подобной белизне снега на горных вершинах, а после отворения тайной чаши обретает такую тонкую кристалличность, сладость и благоухание, каковым подобия нет в мире сем»²⁵.

Вслед за девственно-белым, сладостным и лёгким Е вертикально взмывает красный I, вовсе белому цвету не противоположный, но, напротив, белым пробуждаемый и вновь всё белое пробуждающий.

*I — пламень пурпура, вкус яростно-солёный —
Вкус крови на губах.*

Образы юноши-поэта, что и говорить, очень сильны; он явно далёк от спокойствия и невыразительности, которые таит в себе привычное представление о *непорочном зачатии*. В этих строках незримо присутствует тайный и изначальный реактив тысячелетней алхимии — *пурпур, purpura — огонь огня (feu du feu)*: πῦρ, πυρός, *pur puros*, кабалистически читаемое как *pur du pur — чистота чистоты*. Кровеносно-прекрасная, чистейшая кровь, тождественная пятой сущности (sang quintessence), «созидается в рудных жилах» умным Естеством.

Уста, прекрасные в своей улыбке, обрамляют и украшают естественное устье, поэтически именуемое Михаилом Манером *Os Sacrum* или *священные уста*²⁶.

²⁴ Философские обители и герметическая Символика в ея связи со священным Искусством и Эзотерикой Великого Делания.

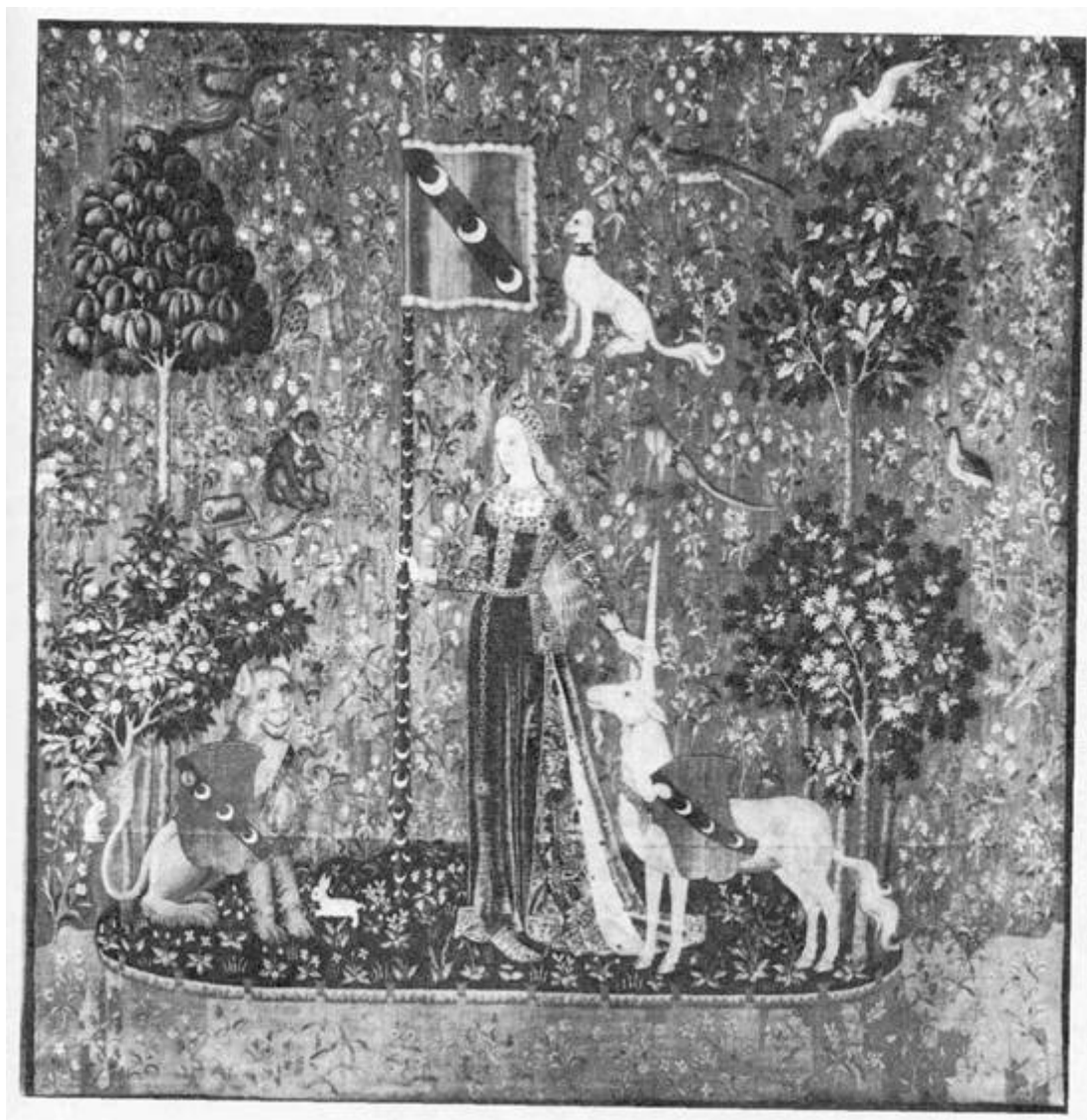
Les Demeures Philosophales et le Symbolisme hermétique dans ses rapports avec l'Art sacré et l'Esotérisme du Grand Œuvre. Préface de Eugène Canselier F.C.H. Работа содержит сорок иллюстраций, скопированных с оригиналов Жюльеном Шампанем (Julien Champagne). Paris. Jean Shemit, Libraire, 1930, p. 192.

²⁵ В *Трёх Трактатах естественной Философии, ранее не печатавшихся. Trois Traitez de la Philosophie Naturelle*, non encore imprimez. A Paris, par Jean Sara, rue S. Jean de Beauvais, devant les Escholes de Decret, 1618, p. 14.

²⁶ *Aialanta Fugiens*, op. cit., *Emblema XIII, Discursus XIII*, p. 62.

Nihilominus miraculoè in partu humano os sacrum se aperit, ut fœtus per id exire possit, velut per ostium, inque hoc Deus Opt(imus) Max(imus) per naturam supra naturam operatur.

«Тем не менее священные уста чудесным образом отворяются при человеческих родах так, чтобы младенец (enfant) мог пройти ими как дверью, во имя чего Трижды Благой и Трижды Великий Бог творит в естестве, превышая естества чу (par la nature au-dessus de la nature)».

Рука должна быть чистой и опытной при прикосновении к жезлу, от удара которого меркуриальная и светлая вода истекает из скалы.

XII. Повелительница Единорога (музей Кпюни)

Присутствие эротического начала в этих описаниях очевидно, однако религиозная живопись умеет выразить его целомудренно и неприступно, живописуя Пречистую Деву чистыми руками. Так в музее в Кольмаре выставлено панно работы Мартина Шёнгауэра, на котором изображена юная Дева, будущая Мать Спасителя, ласкающая ладонью десницы витой геральдический кол — рог робкого и пугливого единорога, которого только Она способна удерживать, умиротворить, утишить.

Трактат о *Двух алхимических жилищах*²⁷ включает репродукцию шедевра знаменитого немецкого живописца: внутри сада, огороженного (*jardin clos*) зубчатыми стенами — *hortus conclusus* — Мария, как бы ушедшая в себя, небрежно указывает на полным цветом цветущую перед нею лилию. Слева от нея — корзина, полная яблок и белоснежное руно, повитое лентами со словами молитв. В этом образе напрямую соединены предметы мистического поиска двух древних путешествий, более того, два мифа, два времени: *Urna aurea*, золотая чаша, *urne d'or* и *vellus Gedeonus*, руно Гедеоны, *toison de Gédéon*.

К этим чарующим созданиям добавим и великолепный ковёр из музея Кпюни в Париже с его мотивом *прикосновения*, увы, имеющем для толпы воспитанных на банальном

²⁷ За Бортом Науки и Истории. *En Marge de la Science et de l'Histoire*; иллюстрированный сборник с одиннадцатью рисованными и фотографическими иллюстрациями. Paris, Jean Shemit, 1945, p. 145.

экзотеризме школяров значение пошло-скабрёзное и кощунственное. И, хотя между всеми этими образами есть и различия, которые бросаются в глаза в первую очередь, сама по себе символика Повелительницы Единорога (*Dama à la Licorne*) одна и та же; внутренне она глубже и многозначительнее, чем на общепринятых изображениях *Благовещения*.

Восхитительно облегаемая *зелёным* платьем, украшенная драгоценными камнями и редкими украшениями, как и подобает царице, единая избранная Жена, овевая всю премудрость мира, вздымает вверх *боевое копьё* (*lance de joute*), на которое надето как бы плывущее в пространстве знамя с перевязью цвета небесной лазури, украшенное тремя полумесяцами, столь любезными *Диане де Пуатье* (*Diane de Poitiers*). Кабалистически имя этой знаменитой дамы можно понимать как *луна в треть веса* (*la lune de poids tiers*): в конце первой операции заранее подготовленная меркуриальная компонента весит примерно одну треть от первоначальной массы.

Красный лев, на плечевой перевязи которого также три растущих полумесяца, — знак светлого духа, огненного сульфура, серы, минеральной спермы, озаряющей и оплодотворяющей меркуриальную материю, сущностно очищенную в три стадии обработки солью и огнём. Художнику, как и герметическому льву, вменяется в этой связи II стих Псалма 91 Царя Давида:

И вознесётся яко единорога рог мой, и старость моя в елей мастите.
Et exaltabitur sicut unicornis cornu meum, & senectus mea in miséricordia uberi.

Чрезвычайно важная стадия Великого Делания, соединения (*conjonction*) — одновременно самая тайная и самая трудная. В своих *Двенадцати Ключах* Василий Валентин, монах-бенедиктинец из Эрфурта, даёт длительное разъяснение этого союза, на несомненную каноничность которого, выраженную через благословение епископом царственных супругов, указывает иллюстрация, выполненная, как и все остальные, Жаном Гобиллем. Вот что утверждает Василий Валентин в шестом Ключе:

«Мужчина без женщины считается как бы телом, разделённым надвое, а женщина без мужчины, по подобию, — полутелом, ибо, будучи отделённой, не способна принести плод. Однако, когда они соединены супружеским союзом, тело обретает совершенство, и семя их производит преумножение²⁸».

Андрогинат, вещь в этом мире почти невозможная, ибо у людей свершается только в высших точках их бытия, создается алхимиком в металло-минеральном микрокосме в середине процесса Великого Делания, когда минеральный гермафродит оказывается только ступенью на долгом и опасном пути к полному освобождению. *Великие Чётки* (*le Grand Rosaire*) указывают на эту двуполоую сущность одною из гравюр, над которой, по-видимому, подперев подбородок, склонял взъерошенную голову озарённый юноша Артур Римбо в Шарлевилле. Несомненно, он читал о физико-химической сущности, *ens*²⁹, порождённой, согласно Сирано, «жаркой схваткой» между Рыбой-Прилипалой и Саламандрой³⁰. Поэти-лицеист не мог не обратить внимания на утверждение неизвестного Адепта, отождествлявшего *розы* (*roses*) и *чётки* (*chapelet*) в мистическом *розариум* (*Rosaire*) — те и другие именовавшего *великими* и, несомненно, посвящёнными Деве:

«В то же время камень, о коем здесь говорится, мы именуем Ребисом (*Rebis*), ибо он

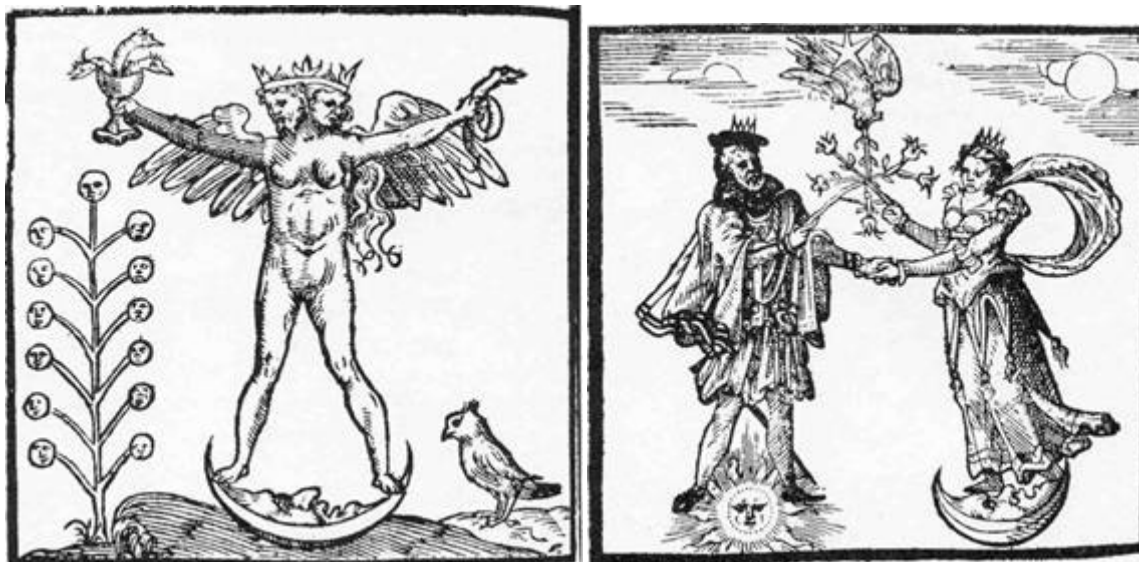
²⁸ *Двенадцать Ключей Любомудрия*. Перевод, предисловие, комментарии и истолкование рисунков исполнены Эженом Канселье. *Les Douze Clefs de la Philosophie*. Traduction, introduction, notes et explication des images, par Eugène Canseliet. Paris. Les Editions de Minuit (1956), p. 153.

Mas absque foemina pro dimidiato habetur corpore, & foemina absque viro similiter dimidii corporis vicem obtinet; nam singuli per se nullum fructum edere possunt. Cum vero coniugali foedere coniuncti vivunt, corpus perfectum est, & per semen eorum augmentatio sequi potest (in *Tripode aureo*, Franconfurti apud Iennis, 1618, p. 42).

²⁹ Следует рассмотреть два латинских имени существительных: *Ens*, *бытиё, объект, être, objet* и *Ensis*, *сталь, клинка, меч, битва*.

³⁰ См. Fulcanelli. *Les Demeures Philosophales*, op. cit, p. 244.

есть одна вещь, созданная из двух вещей, иначе говоря, тела и духа, солнца и луны, тела очищенного и находящегося в состоянии брожения (*fermenté*)³¹».

Философский Андрогин, по-иному именуемый Ребис или Compositum de compositis — Состав составов.

XIII. Ребис — две гравюры из *Rosaire* (Ars aurifera)

Приведённые нами иконографические фигуры взяты из второго издания анонимного трактата, содержащегося в сборнике под названием *Ars aurifera*, до сих пор находящегося, по крайней мере уже с начала XIX века, в Шарлевилле. Гравюра и ксилография из двух изданий, вышедших с промежутком в пятьдесят лет, сильно отличаются друг от друга. Если одна преисполнена кокетливой прелестью Ренессанса, то другая — наивно простотой, переполнявшей сердца изографов готического искусства, творцов рукописей и первопечатных книг.

С самого начала мы обязаны указать на универсальную сущность нашей науки, корни которой — в психейных глубинах творения. Внутри всеобщего, клубящегося и тяжёлого хаоса *сокрытых зарождений* (*naissances latentes*), о котором неустанно говорили древние авторы, предшествует истление (*fumier*), без коего невозможно никакое порождение. Это и есть *caput mortuum*, *мёртвая голова*, отделяемая при очищении любой глубинной сущности. Попытаемся уразуметь в связи с этим, что хотел сказать Андре Либо (Andre Libau) на сто двенадцатой странице *Четвёртой Книги Штудий металлических о Камне Философов*:

«Оттуда является чернь чернее чёрной черни. Если коснёшься ея перстом, она прильнёт к нему так плотно, что иначе не отмоешь ея, кроме как полным очищением (*lavage*). Если же отпустишь ея в воду, то выпадет в осадок, а затем вся вода почернеет, образуя смесь. Поистине только водой отмоешь ея, и тогда, наконец, она отделится от своего тела»³².

Блез де Виженер (Blaise de Vigenère)³³ и Наксагор (Naxagoras)³⁴ были убеждены в том,

³¹ Item, prædictus lapis dicitur Rebis, id est una res quæ fit ex duabus rebus, id est corpore & spiritu, vel ex sole & luna, ex corpore mundato & fermentato.

³² Andreæ Libavii Commentationum metallicarum Liber quartus de Lapide Philosophorum. Francofurti, 1597:

Unde & nigrum nigrius nigro nuncupatur. Si digitus contrectes; ita adhæret subtiliter ut non nisi lotionem tollatur. Si aquæ inspergas; subsidet, ubi prius cum ea mistus exactè denigraverit. Potest quidem per aquam ablui, ita ut planè secedat à suo corpore;...

³³ Трактат об Огне и Соли, прекрасная и редкая книжица господина Блеза де Виженера, из рода Бурбонов, найденная среди бумаг по его кончине. Издание второе, дополненное и исправленное.

Traité du Feu et du Sel, excellent et rare opusculum du sieur Blaise de Vigenere, Bourbonnois, trouvé parmy ses papiers après son deceds. Dernier edition reveuë et corrigée. Jacques Caillone, M. DC. XLII.

ЖЕНЩИНА БЕЗ ГОЛОВЫ

«То, что внизу, подобно тому, чтоверху, и то, чтоверху подобно тому, что внизу; через эти вещи созданы чудеса одной единой вещи».

(Изумрудная Скрижаль Гермеса)

Алхимики Буржа. В Городском каталоге этой старинной беррийской столицы вдруг замечаешь название маленькой, старинной улицы — улицы Алхимии! Дошедшее до нас издревле, оно по мере веков меняло звучание имени — улица *Архимии* (*d'Arquemye*), *Алкимии* (*d'Alkemye*) и, наконец, *Алхимии* (*d'Alchymie*). Интересно, что, согласно Справочнику Бидара 1706 года, ещё в начале XVIII века именно на этой улице находилась «Школа, в которой некогда среди прочего обучали *Архимии*». Точно такое же «звуковое движение имён» замечаем, говоря об улице *Мосекре* (*Maixecret*), которую когда-то называли также *Улицей Моей Тайны* (*rue Monsecret*), в соответствии с кабалистическим, точнее, звуковым ассонансом, использованным учёнейшим Грассе-д-Орсе, никогда не прибегавшим к ложному корнесловию.

Моя Тайна! Именно эти слова — *Meum Secretum* — можно прочесть на витраже замка Сюлли на Лауре, где они сопровождают изображение земного шара с крестомверху. Хорошо известно, что пересечённый круг — астрологический знак *земли*. В алхимии же это символ первоматерии Великого Делания, а в спагирической медицине — обыкновенной сурьмы, которую можно купить в аптеках.

Воспоминание об одной из встреч с Фулканелли связано для нас с весьма захватывающим сюжетом — загадкой разрушенной статуи на улице Перекупщика (*rue Le Regrattier*), расположенной на острове Святого Людовика — рядом с местом, где находилась древняя Лютеция.

Этот затерянный, тихий и неподвижный парижский квартал хранит на себе следы прошедших эпох, завораживающих философа и художника волшебными чарами ветости, обаянием провинции... Там, в глубокой нише на углу набережной Бурбонов и уже упомянутой улицы Перекупщика, покоятся обломки каменной женской фигуры.

Если верить книге Жоржа Обо де ля Ольт-Шамбра (*Georges Aubault de la Haute-Chambre*) *Парижские острова* (*Les Iles parisiennes*), ещё десять лет назад эта женщина стояла там «обезглавленная, с чашей в руке». Книга не датирована, однако, имеет регистрационный знак Национальной библиотеки от 1922 года; из этого можно сделать вывод, что ещё в 1912 году скульптурное изображение было цело.

Однако, нам представляется, что автор лично, *de visu*, не проверял своих утверждений: мы сами тщательно исследовали место разлома, оставившего лишь складки платья внизу; и исследование показало, что статуя была разрушена значительно раньше.

Гораздо более точным и безусловным являются сведения тщательно описывавшего любую мелочь Совалья (*Sauval*), содержащиеся в его бесценной книге *История и Исследования Древнего Города Парижа*. Этот автор утверждает, что в середине XVII века в северной части улицы Перекупщика висела вывеска, изображавшая «женщину без головы, державшую в руке чашу, на нижней части которой было высечено: «*всяко зде добро зело*» (*tout en est bon*)».

Так как обломок статуи находится на северном конце улицы (бывшей Перекупщика), разделённой на две почти равные части улицей Сен-Луи-ан-Лиль, можно сделать вывод, что скульптура женщины была с самого начала без головы, и именно она послужила моделью для рядом висевшей вывески, описанной знаменитым историографом старого Парижа. Какого рода перекупку товаров обозначала такая фигура, он не упомянул, но то, что на вывеске была изображена именно эта несчастная и таинственная женщина, сомнению вряд ли подлежит.

В то же время гравированная на камне в правом углу цоколя углового здания нашей

улицы надпись, которая, судя по хорошо сохранившейся форме букв и орфографии, относится к царствованию Людовика XIII, содержит прямое указание на исследуемую нами обезглавленную фигуру. Написано же там не больше не меньше как *Улица Женщины без Головы* (Ruë-de-la-Femme-sans-Teste).

Даже не входя поначалу в исторические и археологические рассуждения, всё равно легко понять, что ни один мало-мальски сообразительный торговец или владелец кабачка не станет выставлять и тем более надписывать изобретение, столь непочтительно-пугающее для прекрасного пола. Загадка, предлагаемая проницательному и опытному исследователю, весьма далека как от грубой шутки, так и от банального ребуса, используемых порою в целях рекламы; совершенно очевидно, что разгадка ее лежит в области символично-посвятительной.

Для нашего исследования большой интерес представляет также рассказываемое знатоком Парижа Жоржем Кеном (Georges Cain) в его книге *Парижские закоулки* (Coins de Paris).

«Изуродованная дева в глубине грота на углу улицы Перекупщика — прежде улицы Женщины без Головы — излюбленный образ поэтов-романтиков, а потому и место встреч всех парижских влюблённых прежних времён».

Это указание кое-что добавляет к герменевтике изображения, а именно слово «дева». Однако, кого бы ни изображала фигура — Пресвятую Матерь нашего Спасителя или просто смертную женщину — в ней легко увидеть волнующее, строгое и реалистическое изображение цели и результата трёх операций, составляющих Делание алхимической работы. Известно, что юная дева мудрецов, ведомая на брачное ложе, предстаёт обнажённой пред восхищённым взором опытного труженика во всей своей чудесной и соблазнительной наготы.

Такой, согласно описаниям философа Солидония (Solidonius)³⁵, видят ее *влюблённые в науку*; в свою очередь и мы также приводим акварельную копию ее изображения «в естественных цветах».

«Деву, выдаваемую замуж, наряжают во множество драгоценнейших одеяний ради услаждения жениха ее и воспламенения в нём жажды любовных объятий. Но в брачную ночь она все свои одежды снимает и отдаёт жениху и больше уже их не носит, ибо они не были даны ей Создателем при рождении ее»³⁶.

Женщина без головы исполняет свою миссию в ходе Великого Делания прежде всего тем, что держит чашу — вне всякого сомнения, не обычную чашу для питья, но благороднейшего назначения кубок (coupe) или просто священную чашу (calice sacré, калиту — перев.). Уместно напомнить в связи с этим молитвенные имена Пресвятой Девы из посвящённой Ей Литании — *Чаша Духа* (Vase de l'Esprit, Vas spirituals), *Чаша Всечестная* (Vase honorable, Vas honorabile) — и указать на связь их с *чашею естества* (Vase de nature) старых алхимиков, содержащей *адамическую землю* (terre adamique), составленную из *их меркурия* или *вина мудрецов*. Точно так же *Святая Грааль* заключает в себе *евхаристическое вино*.

«Имамы же сокровище сие в скудельных сосудах, да премножество силы будет Божия, а не об нас». (II Кор. 4:7).

«Habemus autem thesaurum istum in vasis fictilibus: ut sublimitas sit virtutis Dei, et non ex nobis». (Второе Послание святого апостола Павла к Коринфянам, гл. IV, с. 7).

³⁵ Первый, кто получил печать четырёх стихий, отмеченных Богом и любезных Естеству. Рукопись, украшенная восемнадцатью рисованными Фигурами. Le premier qui a sceu accorder les quatre Elemens, fávourisé de Dieu et cheri de la Nature. Manuscript orné de Dix-huict Figures peinctes.

³⁶ Брат Василий Валентин, Бенедиктинец. Двенадцать Ключей Любомудрия. Перевод, Предисловие, Примечания и Истолкование Образов Эжена Канселье. Les Editions de Minuit (1956), p. 116.

Как некая юная царственная дева, оставляющие свои богатые одеяния накануне брачной ночи, чтобы отдать супругу свою девственную наготу и пышность, так и камень отбрасывает один за одним свои удивительные цвета, чтобы сохранить только алую прозрачность своей восторженной плоти, после чего сама краснота по мнению мудрейших оказывается ложной.

XIV. Рисунок Философа Солидония (раздевание юной девы)

В связи с этим весьма уместно со вниманием исследовать, из чего, собственно, сотворена эта чаша. Без сомнения, в состав скудели, то есть глины, входят соль и стекло, извлечённые из земли в самом начале работы. Ответ на наши вопрошания даёт милостивый и щедрый анонимный автор *Света, самоисходящего из тьмы* (*La Lumière sortant par soy-mesme des tenebres*):

«Дабы соделать чашу из стекла, следует со тщанием и в тонком духе извлечь из пепла (зола, cendres) естество стекла. Но да охранят и не разобьют Ученики Искусства эту чашу, ибо сие есть Философское стекло, и да вникают в значение, а не в звучание (au sens, et non pas au son) слов: таково моё предупреждение, сделанное ради сострадания и милости»³⁷.

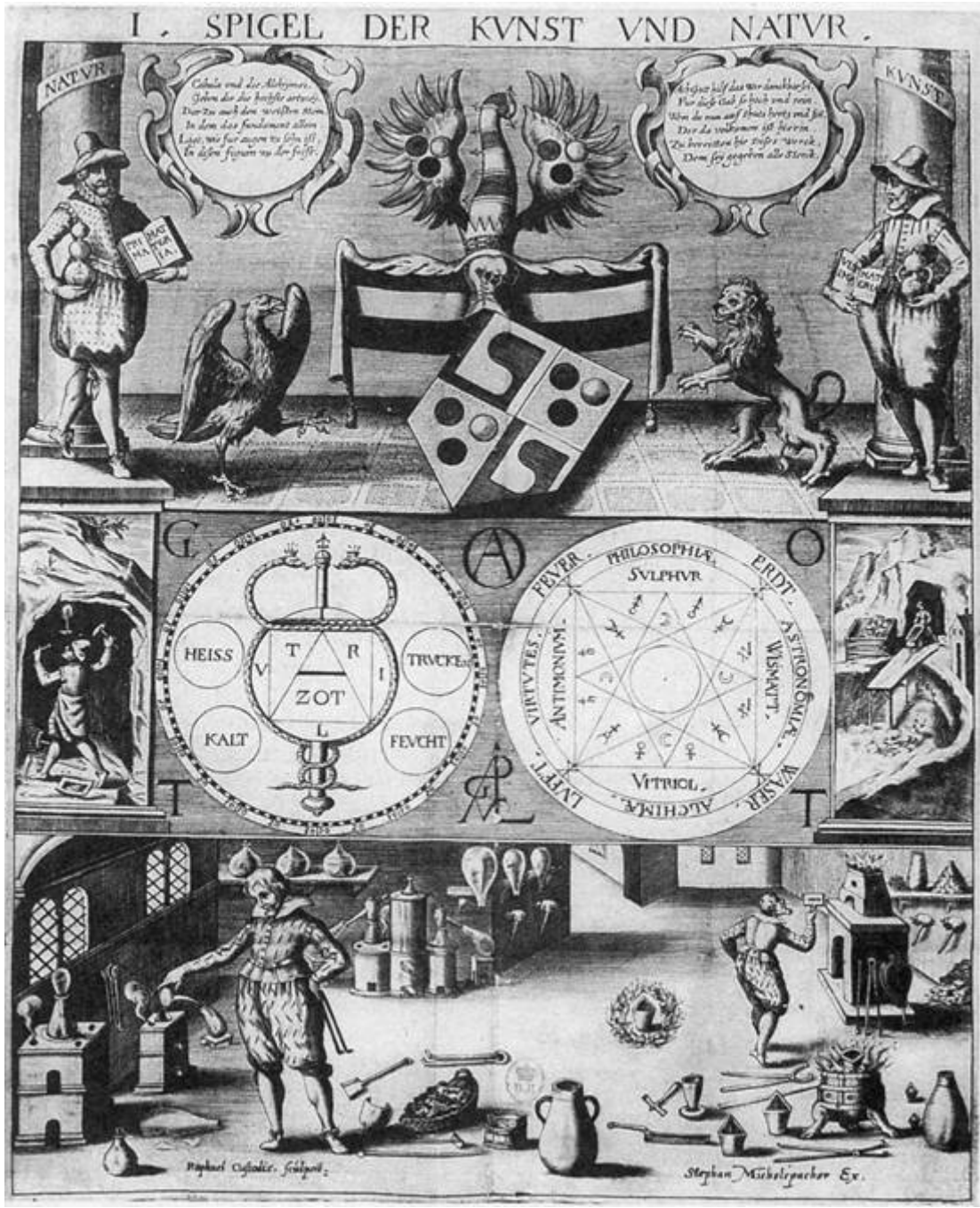

Именно пассивность *всеобщего растворителя* в Великом Делании является причиной того, что эта сущность часто изображается в алхимической иконографии в виде женщины. Как женщина обычно подчиняется мужчине, так и *меркурий* остаётся слугою *серы* (*сульфура*), постепенно ея в себе растворяя и с нею соединяясь. Так, изначально чёрная, женщина становится белой; свет, рассеиваясь в гнусной и тяжёлой массе, отделяется от тьмы и становится небесною водой, ясной и лёгкой; такова *Пламенеющая Звезда*, вспыхивающая как последний символ посвящения в *Мистериях Исиды*, запечатлевая всё совершенное канонически, божественно и духовно.

Эта звезда и есть *знак (signe)* Великого Делания. Своим появлением она *накладывает печать (scelle)* на философские плоды и удостоверяет художника в том, что он действительно обрёл единый свет мудрецов. Звезда окончательного ведения, звезда Гермеса

³⁷ *on veritable theorie de la Pierre des Philosophes...* A Paris, chez Laurent D'Houry, 1687, p. 140.

с необходимостью должна появиться в самом начале созидания микрокосма как знак и подтверждение совершенного *усекновения главы (decapitation)*, безошибочного отделения чистой белизны от всего бесконечно чёрного, именуемого Мастерами *чернью чернее чёрной черни* — *nigrum nigro nigrius*. А поскольку такое отделение свершается в конце первой ночи, философы именуют эту звезду *Звездой Утренней*. Видимый всеми образ ея — появляющаяся в предрассветных сумерках *Звезда Пастуха*, Венера, многими изыскателями, рабами буквального смысла отождествляемая с медью.

Орёл и лев; летучее и устойчивое; начало и конец материи.

XV. Кабала, Зерцало Искусства и Естества (1 рисунок)

Утренняя звезда называется также и *Звездой Моря (Etoile de la Mer)*, ибо мудрец, привыкший держать взор долу, у лона *матери-земли (terre, sa mère)*, а не возносить его к небесам, будущему своему жилищу (*demeure*), может легко увидеть отражённый свет этой звезды в лоне чистой волны герметического источника. Именно поэтому алхимики дали

тихим и ясным водам своего моря имя *Зерцала Искусства (Miroir de l'Art)* — в них можно созерцать лучистую звезду яснее и изобильнее, чем даже на *ночной тверди*.

В музее Сен-Жермен-ан-Лэ (Saint-Germain-en-Laye) хранится алтарь VII века, бордюрное украшение которого имеет несомненно философское содержание — оно состоит из шести воронов и шести голубок, расположенных гуськом с четырёх сторон вензеля с именем Иисусовым.

Философское разделение (separation), осуществляемое на начальной стадии работы, во всех подробностях изображено на четырёх великолепных гравюрах на металле, завершающих очень редкую книжицу Михаила Шпахера, изданную по-немецки и по-латыни³⁸. В нижней части первой гравюры — изображение лабораторных работ; справа — сухой путь с большим количеством печей, слева — влажный. Разочарованный адепт пути влажного задумчиво смотрит на лежащую на земле разбитую реторту.

Наше разделение алхимически осуществляемо с помощью двух видов огня — стихийного (élémentaire) и тайного (secret). Оба они очищают философскую супругу путём усекновения её главы, как это описано в герметических сказках Шарля Перро, где Синяя Борода перерезает горло каждой из своих жён, а Людоед отсекает головы дочерям. Однако полный смысл всей операции лучше всего выражен в нашем скульптурном символе, надпись на котором когда-то, как рассказывает Соваль, гласила:

ВСЯКО ЗДЕ ДОБРО ЗЕЛО.

Эта простая, до крайности лаконичная констатация, казалось бы, не несущая в себе ничего особенного, тем не менее является предметом высшего знания и высочайшего, преисполненного особой значимости, созерцания. Ея невозможно изъяснить словами, но именно на ней настаивали авторы с наилучшей репутацией. Этим возгласом они обозначали первые проявления изменений сущности, блистательных и великолепных, но и способных в то же время соблазнить оператора в самом начале и увести его в сторону, во тьму внешнюю, где всё бесполезно, всё лишено всякого значения и смысла.

Да, *всяко zde добро зело*: эти четыре слова кратко указуют на необходимость соблюдения осторожности при осуществлении Великого Делания, которое — никогда не лишне об этом сказать — является на поверхности нашего земного мира единым путём восхождения к единой Истине. Ибо есть неотъемлемая часть наследия предков, дошедшего до нас из древнего Египта и несчастной, исчезнувшей под волнами и лавой, Атлантиды.

Февраль 1934.

АТЛАНТИС

³⁸ *Cabala, speculum Artis et Naturæ in Alchimia...* Impressum Typis Christophori Schmidt, sumptibus Ioannis Weh, Bibl(iopolæ) Aug(ustanæ). Anno M. DC. LXVII.

Мы сделали фотоснимки гравюр с немецкого издания, вышедшего на полвека раньше, чем латинские. Оно, к тому же, несомненно, лучше.

АЛХИМИЧЕСКОЕ ДРЕВО

*От дерева же, еже разумеши доброе и лукавое, не
снесите от него, а вонь же еще день снесите от него,
смертию оумрете.*

(Быт., II, 17).

De ligno autem scientiæ boni & mali ne comedes: in
quoeumque enim die comederis ex eo, morte morieris.

(Genesis, cap. II, 17)

В начале, когда Бог извлёк Еву из плоти Адама и мужа и жену сотворил их, первобрачный андрогинат был невинен. Книга Бытия не уточняет, каким именно было *дерево еже ведети разуметьное доброго и лукавого (arbre de la science)*, *дерево науки, ведения*, именуемое также *адамическим деревом (arbre adamique)*, плоды которого разрушили совершенное единение двух естеств. Но она указывает на двойственный образ, в котором это дерево и дерево жизни (*arbre de vie*) неотделимы друг от друга, образ, открывающий широкий простор для раздумий философа и герметика:

«И прозябе Бог еще от земли всякого дерево красное в видение, и доброе в снесь: и дерево жизни посреде рая, и дерево, еже ведети разуметьное доброго и лукавого»³⁹.

Об этой символике рассказывает А. де Габриэлис в книге «*Monumenta cryptarum Vaticanæ*» — *Памятники Ватиканских склепов*. Дерево жизни богато плодами, полезными для употребления в пищу. *Дерево науки (arbre de la science)* или *дерево познания, точнее, ведения*, содержит нечто совсем иное. Репродукция древней ватиканской скульптуры, приводимая в книге, изображает его осеняющим стоящую на земле чашу с четырьмя лилиями.

При *порождении (genèse)* алхимического микрокосма философы аналогически воспроизводили образы этих двух древ в начале своего *творения*, строго рассчитанного в соответствии с первообразом шестоднева Творения Божественного. При этом обязательным было именно строгое соответствие философского образа райскому первообразу. Так, наша знаменитая *адамическая земля* — *terra adamica* — скудельный сосуд, *солёная и глиняная чаша (vase salée et gluante)* или, что то же самое, липкий, красного цвета *humus*, оставленный *матерью-морем (la mer — la mère)* при его *отливе (reflux)*, не есть ли то, из чего Бог, согласно древнейшему преданию, изваял человека? Более того, не есть ли само *дерево жизни*, сердцевина алхимического и религиозного образных рядов, та самая драгоценная семенная частица первоматерии, которая была оставлена во вкушение людям благой воли в недрах первородного *хаоса*, ещё не разделённого на начала и стихии, тьму и свет, то есть, собственно, того хаоса, о котором и говорят алхимики?

Несомненно, ибо в герметической символике его дополняет *сухое дерево (l'arbre sec)*, иероглиф мёртвой, лишённой души плоти, которую следует восстановить и одушевить *живой водой*. А две как бы противоположные грани философского *малого мира (petit monde)*, не отделимые друг от друга, и есть *два дерева*, из которых одно имеет корни в небесах, а другое — под землёй.

Так нам становится понятен смысл скульптурного изображения на фасаде старинного дома на углу улиц Древней Комедии (*de l'Ancienne-Comedie*) и Полковника Данфера (*du Colonel-Denfert*) в Пуатье: бородатый «*мужик*» («*rustique*») первозданно-неотёсанного вида держит в правой руке перевернутое дерево — корнями вверх и листвою вниз.

Сухое дерево, также давшее имя одной из улиц Парижа (благодаря готической вывеске, существовавшей ещё во времена Соваля), — ко всему прочему ещё и жезл Ааронов, с восходом солнца процветший листвою, цветами и миндальными орехами (*amandes*):

«Au jour suivant de son retour, il (Moïse) trouva que la verge d'Aaron avait poussé dans la

³⁹ Produxitque Dominus Deus de humo omne lignum pulchrum visu, & ad vescendum suave: lignum etiam vitæ in medio paradisi, lignumque scientiæ boni & mali. *Genesis*, cap. II, 9.

famille de Lévi, et que, des bourgeons s'étant gonflés, les fleurs avaient surgi qui, par leurs feuilles ouvertes, se formèrent en amandes».

«И бысть на оутрие, и вниде Моисей и Аарон в скинию свидения: и се прозябе жезл Ааронъ в дому Левине, и израсти ветвь, и процвелоша цвести, и израсти орехи». (Числа, XVII, 8.)⁴⁰

Дева, готовая родить — *Virgo paritura* — которую почитали ещё Друзиды. Шартр, возле Колодца Берлог, в до сих пор не разрушенном склепе под хорами собора.

XVI. Рисунок из рукописи Авраама Еврея (беременная Дева)

Подобный образ мы встречаем и у греков: палица Геракла, кстати, посвящённая Меркурию, после победы над Гигантами превращается в дикую оливу, пустившую корни и ставшую огромным деревом.

И если мы действительно задумаемся об эзотерическом смысле жезла, то есть *древа* Ааронова, породившего *миндальные орехи*, то мы легко поймём очевидную тождественность этого образа и эллиптического ореола вокруг изображения *Девы*, который в религиозном

⁴⁰ *Secuenti die regressus invenit germinasse virgam Aaron in domo Levi: & turgentibus gemmis eruperant floras, qui, foliis dilatatis, in amygdalas deformati sunt. Liber Numerorum, cap. XVII, 8.*

искусстве именуется *мистической миндалиной* (*amande mystique*). Но тогда нас уже не удивит и то, что *миндалина*, символ *девства* Девы Марии, также именуется *рыбьим пузырьём* (*vesse de poisson*) — *vesica piscis*!

При исследовании изначальной сути имён существительных нам мало чем поможет этимология *Огюста Браше* (Auguste Brachet), столь напичканная разными учёными премудростями, что выглядит она чрезвычайно забавно. Поэтому мы приведём из его Словаря начало и конец статьи о слове *amande*, содержащей истинную тарабарщину:

«*Amande*, миндалина, по-старофранцузски *amende*, испорченное латинское *amygdalum* (миндаль, миндальный орех). — *Amygdalum* по законам латинского произношения (ср. *asperge* — *спаржа*) переходит в *amygd'lum* — латинское *gd* становится *d*... Мы уже видели, как французское *allumer* (*освещать, озарять*) произошло из латинского чрез трансформацию *dl* в *ll, l*: поэтому *amind'lum* должна была дать не *amande* (миндальный орех), а *amanlle, amanle* подобно тому как *brandler* даёт *branler* (*трясти, в грубом значении — мастурбировать*)».

Не будем углубляться в лабиринты грамматических взаимоперетеканий и слияний, но просто сверим полученные значения с *Thesarus*'ом Анри Этьена (Henri Estienne), где греческое прилагательное ἀμάνδαλος, amandalos переведено как *тёмный, невидимый* и прямо поставлено в связь с ἀμύδαλον, amygdalon, *amande*, миндальный орех.

Мистическая миндалина! Таинственная тьма! Незаходимый мрак! Мы дерзаем привести здесь живописную вклейку из прекрасной *рукописи Авраама Еврея*⁴¹, которая в реалистической манере, в соответствии с удостоверенной наукой вселенской истиной, в самом начале XVI века, при неодолимом взлёте алхимии, указывает на *новое и фантастическое* — nova & phantastica — представление о Непорочном Зачатии.

Воистину, если миндальный орех содержит в своей скорлупе плод, и зерно и семя сокрыто в таинственной тьме, в незаходимом мраке, то именно оно и есть «дивное, бесценное снадобье», о котором говорит Франсуа Рабле в *Прологе к Гаргантюа*.

Если понимать два символических дерева как образы двух противоположностей — а без такого понимания невозможно никакое исследование *пятой сущности* (*l'abstraction de la quintessence*), будь оно духовное или физическое, — сравнительно легко, то гораздо труднее воплотить понимание на практике, то есть вырастить и собрать сухой миндаль зелёного дерева, равно как и сочные плоды *дерева сухого*.

Развивая свою *Притчу* о чудесном Острове, Александр Сетон, он же Космополит, устами Нептуна рассказывает о двух шахтах, где добывают *Золото* и *Сталь*, (*Auri & Chalybis*). Шахты эти сокрыты под скалой, а по соседству, посреди луга, в ограде — множество разных деревьев, *достойных взора* (*dignissimus spectatu*). Адепт указывает на семь, *известных своими именами, среди коих*, как он пишет, *я вижу два дерева главнейших, превыше прочих, из них же едино плод носит Солнечный, светлый и сияния исполненный, листва же его подобна Золоту. Иное же дерево плодами усеяно белыми, прекраснейшими, нежели цветы Лилии, листва же его из чистого серебра. Нептун именует едино Древо солнечное, иное лунное*⁴².

Семь металлов, как благородных, так и простых, Александр Сетон изображает под

⁴¹ Национальная Библиотека, рукопись, франц. фонд № 14765.
⁴² ...nominibus insignitas, ac inter, has duas præcipuas, aliis eminentiores observavi, quarum una ferebat fructum instar Solis lucidissimi & fulgentissimi, à folia eius erant instar Auri. Altera verò producebat albissimos Liliis candidiores fructus, & folia eius erant sicut argentum finum. Vocabantur autem hæ Arbores, à Neptuno una solaris Arbor, & altera lunaris. (Novum Lumen chymicum, e Naturæ fonte manuali experientia depromptum, & in duodecim tractatus divisum, ac iam primum in Germania editum. Cui accessit Dialogus Mercurii, Alchymistæ & Naturæ, perquam utilis. Colonia, apud Antonium Boötzerum. Anno M. DC. X — (*Новый Химический Свет, извлечённый из источника Естества чрез опыт ручного труда, разделённый на двенадцать трактатов и впервые изданный в Германии. С дополнением крайне полезного Диалога между Меркурием, Алхимистом и Естеством. Отпечатан в Кёльне, у Антона Бётцера. В лето 1610*).

видом деревьев, окружающих молодой дуб, — мы видим этот образ в *Герметическом музее* — *Musæum Hermeticum*⁴³ — на фронтисписе одного очень хорошего трактата, не изданного на французском языке. Полное название его таково:

«Gloria mundi, aliâs, Paradysi Tabula, hoc est: Vera priscæ scientiæ descriptio, quam Adam ab ipso Deo didicit. Noe, Abraham & Salomo, tamquam summorum divinorum donorum unum, usurparunt, omnes Sapientes, omnibus temporibus, pro totius Mundi Thesauro habuerunt, & solis piis post sese reliquerunt».

Слава мира, или Стол Рая сиречь Истинное описание древнего ведения, Самим Богом Адаму вручённого. Ной, Авраам и Соломой чтити его как единый великий божественный дар, все же Мудрецы всякого времени его хранили как целокупное Мира Сокровище, следом же за ними ныне хранят только справедливые.

Прекрасное изображение, значительно превосходя его в деталях, повторяет гравюру на дереве титульного листа труда, ложно приписываемого Василию Валентину. На гравюре с двух сторон от алхимического древа стоят *Senior et Adolfus* — *Старец и Адольф* — и второй обращается к первому со следующими словами:

«Почтенный Старец, вы столь давно выказываете себя стоящим возле сего дерева, что я уже и сам не знаю, как мыслить о вас, и смиренно прошу дать мне возможность приблизиться к вам, дабы узнать о предмете ваших раздумий»⁴⁴.

На немецкой гравюре на меди, в отличие от парижской ксилографии, пять звёзд на дереве лишены знаков металлов или планет. Они расположены среди густой листвы полукругом, который внизу продолжен слева солнцем, справа — лунным серпом. Луну представляет Диана с серебряным полумесяцем на голове и с безжалостным луком в руках; Диану по бурным волнам несёт дельфин, перед которым мы видим орла. Солнце представлено в виде царя, чья голова в короне охвачена пламенем. Держа в одной руке скипетр, а в другой — пред собою — щит, царь восседает на льве. Под ними зияет подземное логово, из которого выползает дракон, изрыгающий на хищную и жадную птицу смертоносный огонь своей глотки.

Вокруг густой листвы нашего дерева — семь круглых медальонов со сценками, расположенными тремя парами, и один над всеми: они указывают на три основные фазы Великого Делания Мудрецов.

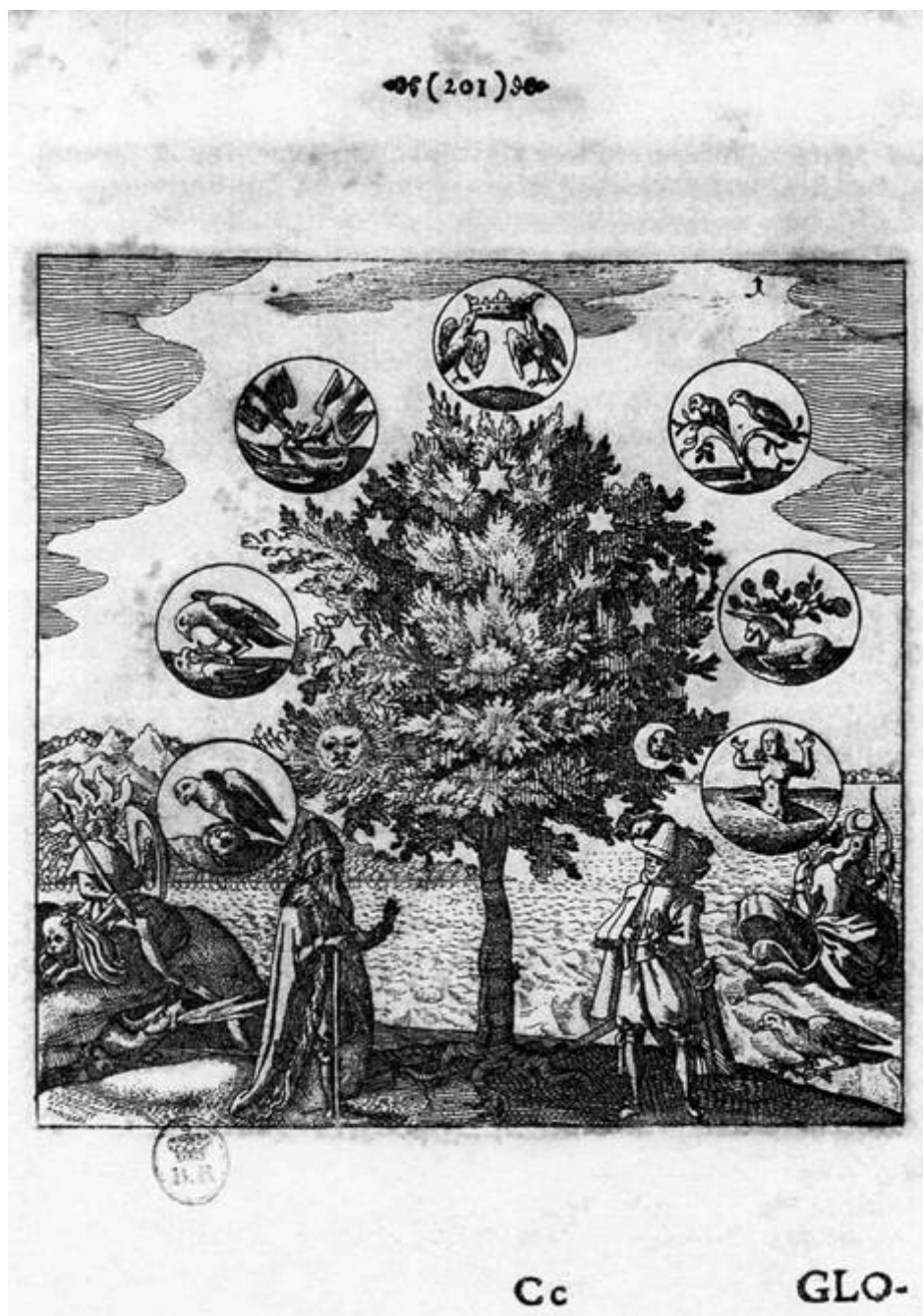
Плод древа жизни — *источник юности* древних алхимиков, или, что то же самое, *источник воды живой*, бьющий из-под корней *старого дуба*⁴⁵. Именно такой источник, согласно апокрифическому Евангелию Детства, заставил бить из-под земли отрок Иисус в Матарее. Этот чудотворный источник, по свидетельствам древних авторов, был под именем Айн Шем почитаем мусульманами вплоть до XIV века. По-арабски это — *источник солнца*; так же называлось когда-то и мусульманское селение, расположенное невдалеке. Сегодня этого источника нет — он высох — а когда-то обильнейшими струями бил из-под земли на расстоянии примерно сорока метров от *древа Девы (l'arbre de la Vierge)*, того самого, под которым укрывались во время бегства в Египет младенец Иисус, Его Матерь и старик Иосиф.

⁴³ Continens tractatus chimicos XXI præstantissimos. Francofurti. M. DC LXXVII. — Содержащего 21 знаменитый химический трактат и изданного во Франкфурте в 1677 году.

⁴⁴ *Азот, или Способ изготовления сокрытого Золота Философов. Просмотрено, проверено и расширено 2-м Ланьо Медиком. Azoth ou le Moyen de faire de l'Or caché des Philosophes. Reveu, corrigé & augmenté par Mr. L'agneau Medecin. A Paris, chez Pierre Moet, Libraire Juré, proche de Pont S. Michel, à l'Image S. Alexis. M. DC. LIX, p. 3.*

Согласно Фулканелли, автором этого трактата был сеньор Задит (Senior Zadith), который подарил нам книгу «*Химический Стол, появляющийся на свет в переводе с арабского на латинский. — Tabula chymica, ex arabico sermone latino facta*». Написан этот труд был, видимо, в конце XII в.

⁴⁵ Согласно Адольфу Пикте (Adolphe Pictet), греческое слово Δρῦς, *Drus, chêne, дуб*, хорошо известное нам от *галльских Друидов*, происходит от санскритского *Dru* — дерево. «Дуб, — утверждает учёный филолог, — может означать просто *дерево как таковое...*»

Металлы — планеты, благородные и простые, среди листвы символического дерева, подобные природным плодам, но разной степени зрелости. Все они имеют общее происхождение и питаются от одного ствола, из чего наши авторы никогда не делали тайны.

XVII. Фронтиспис книги *Gloria Mundi* (дерево)

Древо Девы, также называемое *Матарейское дерево* или *figus sycomorus*, ничуть не похожее на обычный клён наших широт, на самом деле — разновидность смоковницы или фигового дерева (*figus religiosa*), такого же, как и покрытое густой и таинственной листвою дерево, осенявшее последнее бдение Будды.

Мы знаем также, что во время бегства Святого Семейства *путём пустыни* (*per viam eremi*), *маленький мальчик* (*infantulus*) Иисус, *покаясь на груди Матери* — *laeto vultu in sinu matris suae residens* — приказал некоей пальме преклониться долу, и Мария собрала со дерева плоды так, что *все насытились* — *quibus omnes refecti sunt*. А затем Спаситель приказал покорному растению:

«Поднимись, пальма, и утешься, и будь братом Моим Древам, еже суть в Раи Отца Моего. И отвори под корнями своими вены вод подземных в насыщение нам»⁴⁶.

В соответствии с кабалистической точностью корнесловия наши средневековые алхимики много веков спустя изображали порождающее древо в виде *дуплистого дуба* (*chêne creux*), из-под корней которого бьют струи философских вод. Мы находим такое изображение на третьей гравюре Книги Авраама Еврея, попавшей в руки Николая Фламеля и ставшей причиной его путешествия в Галисию, к мощам святого Иакова Звездоздателя (Saint-Jacques de Compostelle, Santiago de Compostela).

Фламель, известный парижский философ, в своих *Иероглифических фигурах*⁴⁷ говорит об алхимическом древе как о дубе, на стволе которого мы находим наросты — *галлы* (*la galle*) и корьё (*tan*) — символы, в том числе фонетические, материи и времени (*temps*) — двух великих загадок Делания Мудрецов.

«На пятом листе *Книги Авраама* изображён прекрасный розовый куст посреди прекрасного сада. Он растёт напротив дуплистого дуба. Возле куста бьёт Фонтан белой прозрачной воды, которая, растекаясь, проникает в язвины земли, но проходит, не задерживаясь, мимо рук и сквозь пальцы людей, пытающихся поймать её струи; они слепы, и у них ничего не получается, кроме как у одного, созерцающего гирию весов».

Соломон Трисмосен (Salomon Trismosin), подобно большинству его предшественников, не отказался от классического обобщающего иносказания. В своей книге *Золотое Руно*⁴⁸ он даже дополнил его изображением некоего человека, который взбирается на древо и в глубине кроны среди белых птиц обнаруживает *чёрного ворона* — *le corbeau noir* — *le beau corps noir* — прекрасное чёрное тело — о котором намеренно и очень часто забывают. Это изображение — пятый рисунок в книге; рисунок плохо окрашен, содержит много графических неточностей, что объясняется, как и в других случаях, техническим несовершенством и большим количеством копий.

«Наступает ночь, — иносказательно рассуждает со своей стороны добрый Тревизан, — и ея должен я прежде изучить, и только потом обсуждать. Я нашёл маленький, прекрасный и светлый ручеёк, бьющий из-под великолепного камня. Камень этот лежит под старым дуплом дуба и ограждён стенами, дабы ни коровы, ни звери дивие, ни пернатые здесь не купались»⁴⁹.

⁴⁷ ...как они изображены на четвёртых воротах, возведённых на Кладбище Невинных Младенцев в Париже при главном входе с улицы Сен-Дени, по правую руку, с объяснениями, данными Фламельем. В Трёх Трактатах естественной философии, до сих пор не напечатанных... Dans Trois Traitez de la Philosophie naturelle non encire imptimez... A Paris, chez Guillaume Marete, rue Saint Jacques, au Gril, pres Saint Benoist. M. DC. XII.

⁴⁸ ...Цветок Сокровищ, в котором кратко и последовательно говорится о Камне Философов, о его великолепии, действии и непревзойдённом достоинстве. Также о его Происхождении и правильном способе доведения его до совершенства. Снабжена фигурами и цветными рисунками, живо представленными, в соответствии с которыми с необходимостью приходим к исполнению сей прекрасной Работы, и собранными из наиболее серьёзных памятников Древности у Халдеев, Евреев, Египтян, Греков, Латинян и других Авторов, заслуживающих одобрения. Переведено с Немецкого на французский и пояснено в виде Переложений каждой главы, выполненных L.I. ...ou la Fleur des Thresors, en laquelle est succinctement, et methodiquement traité de la Pierre des Philosophes, de son excellence, effects & vertu admirable. Plus de son Origine, & du vray moyen de pouvoir parvenir a sa perfection. Enrichies de figures, & des propres couleurs représentées au vif, selon qu'elles doivent necessairement arriver en la pratique de ce bel Œuvre, & recueillies des plus graves monuments de l'Antiquité, tant Chaldeens, Hebreux, Égyptiens, Arabes, Grecs, que Latins, & autres Autheurs approuvez. Traduit d'Alemand en François, et commenté en forme de Paraphrase sur chaque Chapitre par L.I.. A Paris, chez Charles Sevestre, rue S. Iaques devant les Mathurins M. DC. XII.

⁴⁹ Книга достопочтенного немецкого Доктора Господина Бернара графа Тревизанской марки.

Древо с чёрной птицей на верхней ветви — очевидно символ корня всех металлов, чудесным образом сопротивляющегося силам окисления, свидетельство чему — гармоническое рождение ворона, тёмной земли, резко отличающейся от нижней части, белой и летучей. Двое старых и исполненных опыта людей оживлённо обсуждают, как поймать ворона — задача, требующая силы и сноровки.

XVIII. Золотое Руно Соломона Трисмосена (рисунок 5-й).

Тот же самый символ *ручья под деревом* содержится на гербе семейства *Фонтене-су-Буа* (*Fontenay-sous-Bois, Ручей в Лесу*). Лазурная глава шута с белоснежным кристаллом возвышается над традиционным могучим дубом с огромными желудями и пышной листвой, из-под корней которого пробивается источник, дающий начало двум ручьям.

Множество любопытных лингвистических замечаний можно сделать и по поводу самого *дуба*, который, именно когда он *стар* и *дуплист*, именуется по-древнегречески *σαρώνίς, sarônís*, почти совпадая с *σάρων, sarôn* — *женский пол*. *Χήν, khên*, тождественно-созвучное *chêne*, на лангдойле, «гусином языке» (*langue d'oïl*), то есть пикардийском диалекте французского, где *ch* не шипящее, означает *гуся*, птицу-символ меркурия в древнейших трактатах, которая и обязана своим именем греческой герметической игре. *Χήν* происходит от *χαίνω, khainô* — *приоткрываться, открываться, зиять*. Отсюда *χάος, khaos* — не только как *мировая тьма*, сумерки (*ténèbres*), но и как *широкое отверстие, пропасть, бездна*... Для тех, кто знает, что алхимики называли хаосом их материю, их *матерь (mater)*, понятно, почему младенец Христос появился на свет именно в пещере, вертепе:

«И, как сие передают, ангел, ибо пришло время Марии родить, приказал животному, на котором ехала Мария, остановиться, а Марии спешиться и войти в пещеру подземную, в нейже от света не было ничего, но только тьма, ибо луч дневной в пещеру не проникал»⁵⁰.

Наше Древо — это не что иное, как любимое детьми Рождественское Древо, *Иггдрасиль (chêne Yadrasil)* скандинавских легенд, *Мировое Древо (arbre du Monde)*, чья вершина увенчана облаком благословенной *росы (rosée)*. *Вечнозелёное* дерево, высящееся над *источником Урда*. Мы встречаем его в собрании северных легенд и преданий, приписываемых Сёмунду Мудрому (*Sœmond le Savant*) и обозначаем вместе как *Эдда*, то есть *Прабаба* — от санскритского *atta* — *мать*.

⁵⁰ Et cum hæc dixisset, jussit angelus stare jumentum, quia tempus advenerat pariendi; et præcepit descendere de animali Mariam et ingredi in speluncam subterraneam, in qua lux non fuit unquara sed semper tenebræ, quia lumen diei penitus non habebat. (Liber de Ortu Beatæ Mariæ et Infantia Salvatoris, a Beato Matthæo Evangelista hebraice scriptus et a Beato Hieronymo Presbytero in latinum translates — *Le Livre de la Naissance de la Bienheureuse Marie et de l'Enfance du Sauveur, par le Bienheureux Matthien l'Évangéliste, écrit en hébreu, et par le Bienheureux Jérôme Prêtre, traduit en latin*. Chap. XIII, 2.

Забывшее в южной части Европы в целом, Рождественское Древо почитается, тем не менее, в Провансе под этим же названием или в ещё более красноречивом образе *Розы Иерихона* (*rose de Jéricho*). Увядшую розу погружают в воду, где она постепенно оживает, раскрывается и предстаёт в полном цвету на удивление и радость гостям, приглашённым на традиционный ужин в Рождественскую ночь.

Как в механике древом называют железную или деревянную ось колеса, так и *алхимическое древо* и *мировое древо* есть первое — ось, вокруг которого вращается *огонь колеса* Великого Делания, духовный или вещественный, второе — ось, вокруг которой неотвратимо свершается великое циклическое вращение. Фулканелли объяснял смысл *огня колеса*⁵¹ вслед за Иренеом Филалетом, отождествляющим его с *тайной серой* и вращательным порывом (*elan*, тж. *лось* — перев.) огненного начала:

«Совершенно очевидно, что эта духовная металлическая сера на самом деле есть первоагент, управляющий колесом и заставляющий вращаться ось»⁵².

Такой же образ священного древа — оливы, которую мудрая Минерва извлекла из земли ударом копья, а Геракл насадил на Олимпе после свершения двенадцати подвигов, мы находим и в Коране (сура XXIV, стих 35). Считаю уместным привести здесь этот отрывок в великолепном переводе нашего большого друга, дипломата и философа Махмуда Мухтар-Паши (Mabmoud Mohtar Pacha):

«*Dieu est le flambeau qui éclaire les cieux et la terre. Sa lumière ressemble à celle qui s'échappe d'une niche de cristal où brille une flamme inextinguible. Le cristal est une étoile de perles dont l'éclat vient d'un olivier béni qui n'est ni d'Orient, ni d'Occident. Son huile éclaire sans le contact du feu. Il y a là lumière sur lumière. Et Dieu accorde sa Lumière à qui lui plaît*».

В русском переводе И.Ю. Крачковского:

«Аллах — свет небес и земли. Его свет — точно ниша; в ней светильник; светильник в стекле; стекло — точно жемчужная звезда. Зажигается он от дерева благословенного — маслины, ни восточной, ни западной. Масло её готово воспламениться, хотя бы его и не коснулся огонь. Свет на свете! Ведёт Аллах к Своему свету, кого пожелает, и приводит Аллах притчи для людей. Аллах сведущ о каждой вещи!»

11 ноября 1934.

АТЛАНТИС

⁵¹ См. *Le Mystère des Cathédrales*, 1926, p. 26 et 100; *Les Demeures philosophales*, ; 1930, p. 216 et 260.
См. в русск. переводе: «В Средние века центральная Роза, расположенная на портале, называлась Rota, колесо. Rota — это алхимический символ времени, необходимого для выплавки философского камня и символ самой плавки. Постоянно поддерживаемый во время этой операции огонь получил название *огонь колеса* (*feu de roue*). Но, помимо теплоты, необходим ещё один агент, тайный или философский огонь. Именно этот огонь, вызванный обычным теплом, и крутит колесо, производя различные алхимические реакции (См. Фулканелли. *Тайны Готических Соборов*. М., 1996, с. 48).

⁵² Patet proinde, quod sulphur hoc spirituale metallicum sit revera movens primum, quod rotam vertit, axemque volvit in gyrum. (Introitus Apertus ad Occlusum Regis Palatium, cap. X, IV. — *Врата Отверсты Царска Дворца Затверста*.)

*И вестъ приемше во сие не возвратится ко Ироду, иным
путём отидоша во страну свою.*

(От Матфея Святое Благовествование, II, 12.)

Et response accepto in somnis ne redirent ad Herodem, per
 aliam viam reversi sunt in regionem suam.

(*Sancti Matthæi Evangelium*, cap. II, 12.)

Зачастую попадая в затруднительное положение, я менял одежду, сбривал волосы, одевал парик, присваивал себе новое имя и исчезал в ночи, дабы не впасть в руки подстерегавших меня злодеев, одержимых жаждою золота.

(Филалетовы Врата Отверсты Царска Дворца Затверста, гл.

XIII, IV.)

Ita quod non semel summis cum molestiis, mutatis vestibus, raso capite, crinibusque aliis indutus, alterato nomine noctu fugam facerem, aliter in manus nequissimorum hominum mihi insiduantium (ob solam suspitionem unâ cum auri siti sacerrimâ conjunctam) incidissem.

(*Philaethæ Introitus apertus ad occlusum Regis Palatium*, cap.

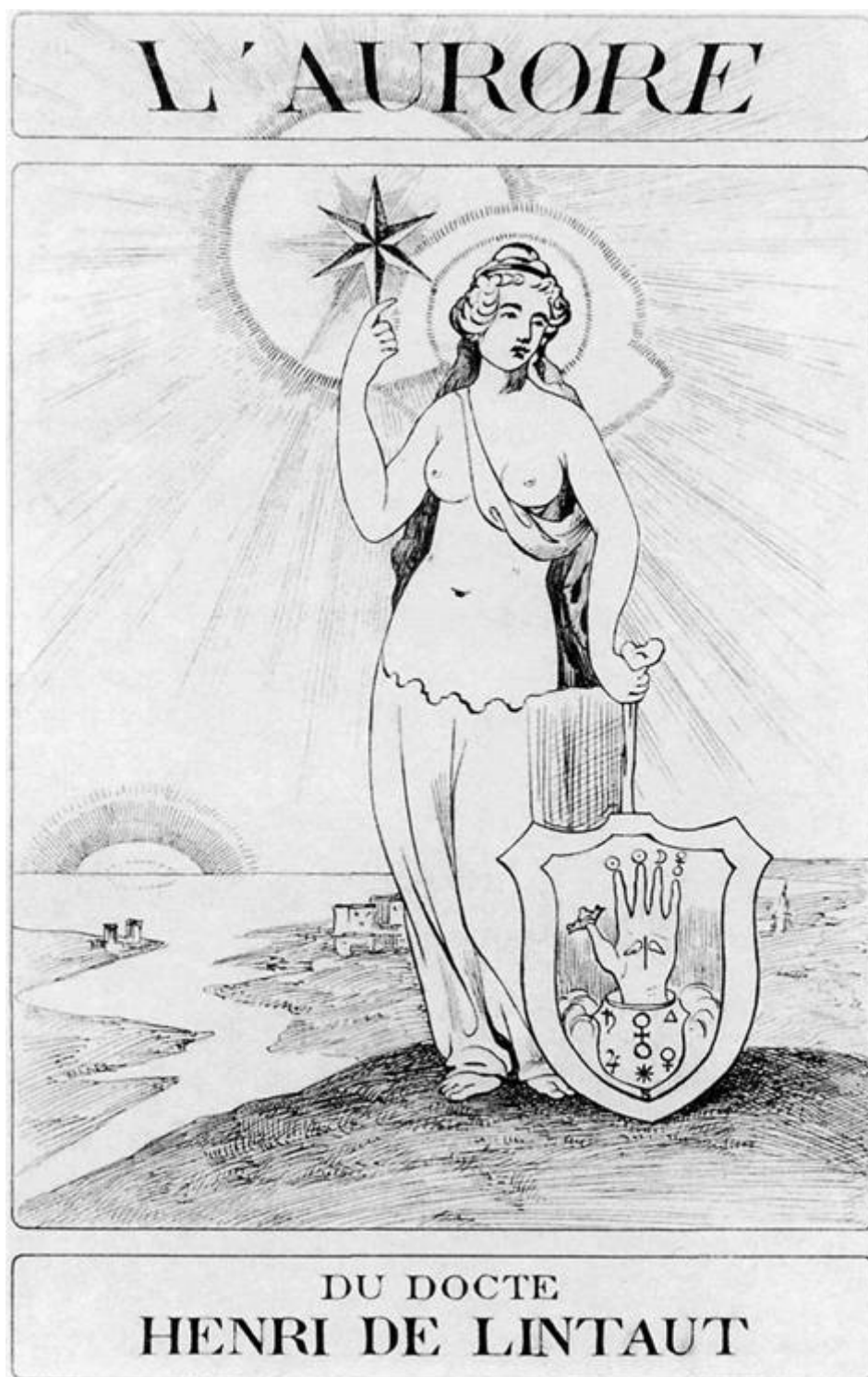
XIII, IV.)

Весьма дерзновенно, если не опасно, если вообще не невозможно и по крайней мере призвано быть сдержанно-кратким исследование сущностных и изначальных герметических категорий, необходимых для глубокого понимания алхимической символики Богоявленного пирога (Лепёшки Царей, *Galette des Rois*). Вот почему мы ограничимся только основными символами, следуя кратчайшим, а значит, наиболее верным путём.

Вне всякого сомнения, среди наших читателей найдутся очень немногие действительно влюблённые в старинную науку Гермеса; но будут и другие, пусть менее учёные, но способные воспринимать веяние единой Истины, прекрасной и вечной, как Сам Бог, и прозревать ея очами душ своих. Но не было ещё случая, чтобы общепринятым ясным языком, а не с помощью подобий, иносказаний и аллегории передавались бесценные знания, которые должны становиться достоянием лишь немногих и разглашение которых всегда достойно осуждения, независимо от мотива, и никому никогда не приносит пользу.

Вспомним, как делили пирог с запечённым сюрпризом ещё в начале нашего века и какие чарующие предания, полные герметических и в высокой степени посвященных смыслов несёт праздник Богоявления в канун Рождества — праздник Царей-волхвов — увы, сохранившийся едва-едва, в усечённом виде! И всё же он по-прежнему привносит в наш профанический и просто языческий мир древние смыслы, против которых в поразительном единении так ополчались янсенисты, лютеране и кальвинисты, в слепоте своей ненавидящие всё эзотерическое, не доступное «новому свету» их «чистого разума». Вспомним, какую шумную возню устроили все они когда-то по поводу этого праздника, называемого в народе *Пьяный Король (Roi boit)* и приоткрывающего всё древнее, всё священное, столь почитаемое высшими избранниками и суверенами-аристократами — с одной стороны, с другой — простыми детьми из самых бедных семей — и как вся эта возня едва не повлекла за собою смерть храбрейшего из Королей — Франциска Первого.

Дама Рыцаря (Chevalier), держащая его щит, в котором, как в зеркале, хиромантически отражена его правая рука, — ни в коем случае не левая, не способная к совершению никаких действий.

XIX. Аврора Линто (Женщина со звездой)

Хозяин дома, в котором происходит праздничная игра, обращается с вопросом к ребёнку, спрятавшемуся под столом, именуюя его *Phæbe Domine! Seigneur Phèbus! Gonodin Феб!* Это выкликание, через кабалистический ассонанс легко превращается в *Fabæ Domine* или *Seigneur de la Fève!* *Господин Бобовое Зёрнышко! Правитель Фив!* Именно об этом бобовом зёрнышке упоминает Плутарх в знаменитых описаниях пиршеств — древние Египтяне, Фиванцы, считали бобовое зерно божественным и хранили в храмах под покрывалом — точно так же, как и мы прячем его в пироге или под скатертью стола.

Но не относится ли это обращение также и к солнцу, именуемому в мифологии Фебом,

чей восход всегда предваряется появлением утренней звезды по имени *Люцифер* (*Светоносицы* от *lux, lucis, lumière, свет* и *fero, je porte, я несу* — букв, *я сам несу свет* — перев.), в равной степени и ко младенцу Иисусу — ведь Его сокрытое в вертепе, то есть пещере, Рождество также предваряется появлением чудесной звезды, Звезды Царей? И точно так же, как Цари Востока, предрассветную «звездоу учахуся», пришли к яслям Царя-Богомладенца, так и алхимик в своём труде, отмеченном печатью Звезды Волхвов, следует за ней в святилище недр земли, *матери-материи* (*mater, mère*), скрывающей философское золото или *маленького царя* (*petit roi, regulus*).

Появление звезды Великого Делания всякий раз возобновляет *Богоявление*, отмеченное звездой, торжествующей над всеми звёздами небесными. Святой Игнатий в своем *апокрифическом* Первом Послании к Ефесянам описывает это космическое чудо, пожалуй, даже более выразительно, чем святой Матфей:

«Звезда сияла в небе, превосходя блеском все иные звёзды, и свет ея был неизречённым; и новизна ея вызывала восхищение. Все же прочие звёзды вкупе с Солнцем и Луной являли клир, сопровождающий эту Звезду. Сама же она рассеивала свет свой повсюду; и явилось волнение, откуда пришло новое сие необычайное светило»⁵³.

Указывая на первичность этой звезды в небесах алхимического микрокосма, мы приводим на рассмотрение читателя сделанную нами в 1924 году полурисованную копию первой страницы трактата об Авроре, оставленного нам Анри де Линто, господином Львиной Горы (*Henri de Linthaut, sieur de Mont-Lion*)⁵⁴.

Бобовое зёрнышко есть не что иное, как символ нашей серы, заключённой в материи, истинного минерального солнца, рождающегося золота, не имеющего ничего общего ни с одним драгоценным металлом, золота — источника всякого на земле блага. Это золото в прямом смысле слова молодо-зелено, оно одарит художника, который сумеет довести его до состояния зрелости, тремя благами — здоровьем, богатством, мудростью. Вот почему выражение *найти зерно в пироге* (*trouver la fève au gâteau*) означает *сделать важное и великое открытие, совершить прекрасное и доброе дело*.

В то же время замечательно то, что бобовое зёрнышко в Богоявленском пироге часто заменяют куклой младенца, которую называют *купальщиком* или маленькой фарфоровой рыбкой, «солнышком» (*sol, soils, soleil*) и что первые изображения Христа в римских катакомбах были именно в виде *рыбы*. Но и само слово *рыба*, ἰχθύς, *Ikhtus*, записанное как монограмма, по первым буквам в древности означало *Иисус Христос Сын Божий, Спаситель*.

Сам же пирог, испечённый из слоённого теста, напоминает страницы книги, образа *сухой воды, не моющей рук*. Об этой воде много пишут Философы, называя её *землёй белой и слоистой*.

«Я глубоко сожалел бы, если бы вы, познав истинную материю, подобно мне, провели в трудах, опытах и размышлениях пятнадцать лет, не сумев за это время извлечь из камня драгоценный сок, хранимый в его недрах, а потому и не обретя тайный огонь мудрецов, истекающий из этого древа, то есть воду, не моющую рук»⁵⁵.

⁵³ *Stella in caelo fulsit, splendore exsuperans omnes Stellas, & lux illius ineffabilis erat; & stuporem incussit ipsius novitas. Omnia autem reliqua astra, una cum Sole & Luna, chorus fuere Stella: ipsa vero lumen suum extendebat super omnia: & perturbatio erat, unde prodiret illis novitas dissimilis. XIX.*

⁵⁴ Conf., Bibliothèque de l'Arsenal, ms. du XVIIe siècle, № 3020.

К первой оригинальной рукописи, посвящённой *Авроре*, за ветхостью трудно читаемой, подшит ещё один трактат, бесспорно дополняющий первый, под названием *Друг Авроры* (*L'Ami de l'Aurore*). Однако эту вторую часть, увы, читать вообще невозможно. Прозаические и стихотворные строки перепутаны из-за порванной и подклеенной бумаги, букв не видно по причине взаимоналожения. Чернильные надписи расплываются и почти стёрты, множество интервалов и слов, просто превратившихся в пятна.

Трактат *Друг Авроры*, уничтоженный временем и химическими процессами, остался нерасшифрованным, а мысль автора, вероятно, утеряна навеки.

⁵⁵ *Триумф герметический, или Победоносный Философский Камень. Письмо истинным Ученикам Гермеса.*

В этой воде и рождается алхимический *гомункул* или маленькая рыбка, которую герметики называли *рыбой-прилипалой* и которую они с присущей им любовью к духовным играм советуют ловить в лоне их *моря (mer)*, кабалистически — *матери (mère)*. Эта пластинчатая *материя* и есть та самая *Немая Книга* старых мастеров, *Великая Книга Естества (Grande Livre de la Nature)*, которая лишь одна, как неустанно повторяют они, являет собой *Нить Ариадны (Filet d'Ariadne)*, незаменимую для стремящихся *безопасно войти в Лабиринт герметической философии*⁵⁶.

Это также и знаменитая книга иносказаний Николая Фламеля, *золочёная, очень старая и очень широкая*, сперва явившаяся ему в видении, а затем неожиданно купленная этим народным алхимиком из прихода Святого Иакова при Мясных Лавках (Saint-Jacques-de-la-Boucheue) за два флорина, после чего он ценою огромных трудов сумел довести до совершенства изготовление Философского Камня⁵⁷.

Мы настаиваем вот на чём. Слоёный пирог из *Ослиной шкуры (Peau d'Ane)*, сказки, которая есть в сборнике Шарля Перро, равно как и у *Матушки Гусыни (Ma Mère l'Oie)*, есть символ всё той же сущности, в недрах которой медленно и терпеливо развивается металлический зародыш. Это и есть тайный обитатель Богоявленского пирога — голый или запелёнутый *bambino*, всё ещё соединённый с древней плацентой и закрытый от противоположностей внешнего мира.

В иносказательной сказке, обращённой прежде всего к детям, к *малым сим, к parvuli*, препятствовать приходу ко Христу которых воспретил Он сам, Пирог — это преображённая *Ослиная шкура*, печёт его несказанно прекрасная принцесса, сама завернутая в эту шкуру. Ея переодевание, то есть сбрасывание ветхих одежд — это преображение персонифицированной первоматери *субъекта мудрецов (sujet des sages)*.

Это вещество даже в чистом виде, в том, в каком оно встречается в шахтах, вид имеет омерзительный. Она черна, и к черноте ея добавляется ещё и отвратительный запах; она мараёт руки всех, кто ея касается, и отвратная по природе своей, как бы соединяет в себе всё самое неприятное. Так героиня повествования Шарля Перро, облачённая в жалкую ослиную шкуру, кажется столь грязной и пакостной, что на нея смотреть никто не хочет, не то, чтобы с ней разговаривать. Ибо она не побоялась последовать совету феи, ея преданной и заботливой крёстной матери:

*Хорошенько спрячься ты в шкуру эту,
Не поверит ведь никто — столь ужасна —
Будто есть в ней хоть одна капля света.*

Принцесса царского рода, наделённая необычайными достоинствами, облачается в ослиную шкуру, скрывая изначальную красоту, и только будущий супруг ея, тоже царевич, опознаёт существо, сродное себе, по украшенному *изумрудом, смарагдом* колечку, спрятанному в испечённом царевной *слоёном пироге*. Отзвуком этой истории является другая, о *хрустальной, стеклянной (de verre)*, зеленоватой туфельке *Золушки — Cendrillon* — которую зовут иногда *Луция — Cuscendron* — и обозначают греческим X (кси) как *луч в золе (le rayon dans le cendres)*. Этот луч очень легко отождествить именно с бобовым зёрнышком Богоявленского пирога.

«После белого цвета не ошибись, помни, что чрез огаепитание приведёшь вещь в состояние золы. Некто сказал так: не презирай золу, ибо Бог соделает ея жидкой»⁵⁸.

⁵⁶ Выделенные нами, из уважения к архаизмам, слова (*pour entrer avec seureté dans le Labirinte de la Philosophie hermetique*) воспроизводят заголовок очень авторитетного трактата, автором которого был, возможно, Анри Батсдорф (Henri Batsdorf). Книга издана Лораном д'Юри (Laurent d'Houry) в 1695 году.

⁵⁷ Слово *livre* (книга), происходящее от латинского *liber*, имеет греческий эквивалент, используемый в Философии: древнее *λιβρός, libēros*, или также *λιβρός, libros*; то и другое означает: влажный от росы (*humide de rosée*) и тёмный (*obscur*). Очевидна связь их с существительным *λίβος, libos* — *капля жидкости*, или, согласно словарям древних грамматиков, — *священный пирог*.

⁵⁸ *Зерцало Алхимии* Жана де Менжа, Иоанна из Мэнга (Jean de Meunge). *Le Miroir d'Alquimie* de Jean de Mehun.

Смарагд мудрецов драгоценен именно зелёным цветом — цветом универсальной души. Бесконечно важно, что указание именно на этот цвет содержится в самом названии *Изумрудной Скрижали* (*Table Smaragdine*, от латинского *smaragdina*, то есть *Смарагдовая*) Гермеса Трижды Величайшего, *отца философов*. Напомним также, что Виктор Гюго в своём романе о *Соборе Владычицы Нашей в Париже*, полностью написанном под алхимическими чарами, делает юную и соблазнительную *Эсмеральду* (*Смарагдовую*) объектом любовной страсти конного (*chevalier* — рыцаря) *Феба* (*Phèbus*).

При философской работе именно зелёный цвет свидетельствует о нерушимом союзе и полном согласии двух начал, прежде противоположных — *меркурия* и *серы*, а также об обретении ими способности к росту. На это, в свою очередь, указывает фонетическое созвучие слова *fève* — *бобовое зёрнышко* (по -старофранцузски *febve*, по-латыни — *faba*) — и греческого *φάψ*, *faps*, в родительном падеже *φαβός*, *fabos* — голубка.

Эта белая птица, носительница вести примирения с Богом, возвращается в Ноев ковчег, держа в клюве *ветвь оливы*.

Но тогда не эти ли загадочные *голубки Дианы* (*colombes de Dianes*), столь дорогие не менее загадочному Филалету, соимённые зачинаемой в недрах Богоявленного пирога чистейшей и драгоценнейшей снеди?

*Итак, изучи,... что есть дуплистый дуб, под которым Кадм пронзил змею. Изучи и что суть голубки Дианы, побеждающие своею ласкою льва, зелёного льва...*⁵⁹

Алхимическая эзотерика *Богоявления* или Праздника Царей ни в чём не противоречит религиозной традиции, более того, полностью с ней совпадает. Вплоть до XVII столетия в Церкви при праздновании всех великих праздников использовались те же самые три основных цвета, сменяющие друг друга на решающих стадиях Великого Делания. Так, в канун Богоявления три коронованных каноника, изображавшие Царей-Волхвов, предстояли Богомладенцу один в *чёрном*, другой в *белом*, а третий в *красном*. Ведомые Звездой, они склонялись над яслями и пели *Спаси нас, Царю Веков!* — *Salve Princeps Sæculorum* — принося Ему золото, ладан и смирну (*l'or, l'encens et la myrrhe*).

Следует напоминать, что герметически синий цвет соотносится с чёрным, а *ворон* (*corbeau, corps beau* — прекрасное тело) превращается в простонародное ругательство *corbleau*, изначально обозначающее гниение, разложение (*putréfaction*), сопровождаемое обычно окрашиванием вещества в *цвет воронова крыла*, то есть в чёрно-синий. Отсюда понятно, почему Ослиная Шкура потребовала у Царя — недостойного отца, сватавшегося за свою собственную дочь, — три богатых одеяния: цвета *времени* (тёмно-синего), *луны* (белого) и *солнца* (красного).

⁵⁹ Dice igitur, ... quæ sit cava quercus, ad Cadmus serpentem transfixit. Disce, quæ sint Dianæ columbæ, quæ leonem mulcendo vincunt, leonem, inquam, viridem, ... *Introitus ad Palatium Regis*, cap. II, III.

Изображение жалкого на вид субъекта, лишённого наследства, который один способен в изобилии обрести и принести загадочное золото мудрецов.

XX. Гостиница Кайзерворт (человек-дукат)

Царь, исполнив все три просьбы своей дочери, оказывается вынужден исполнить и четвёртую — залить своего любимого осла кровью, содрав с него шкуру, и тем открыть царевне дорогу для бегства. Нимало не колеблясь, он убивает Осла,

Колиту его наполняшаго златом.

Именно как «златодей», Осёл был глубоко почитаем во Дворце и занимал среди придворных особое место:

*Тако Оsla изваяла Природа,
Что его кал особлива извода.
Золотые эю — солнца частицы
Королю Луи он приносил, а тот*

*На скатерть белую их клал круглый год
Каждое утро, как запоеют птицы.*

Без сомнения, это то же самое животное, которое *принесло в Церковь золото Аравии, ладан и смирну Савы*⁶⁰, как гласит богослужебное последование, бывшее в употреблении до XVII века. Текст его до сих пор можно прочесть на стене собора Святого Этьена в Бове:

Ecce magnis auribus	Ушеса огромнейши,
Subjugalis filius	Чадо подъярёмниче —
Asinus egregious	Осёл досточтимейший,
Asinorum dominus ⁶¹ .	Над ослами главнейший.

Тот же мотив униженности, убожества всякого, кто приносит людям богатство и могущество, выражен в человеческом образе в одной из скульптур королевской резиденции *Кайзерворт* в Госларе⁶², старинном прусском городе, в котором часто и подолгу жили германские короли. Гослар расположен в земле Гарц, недалеко от Раммельбергских шахт, где добывают содержащий серебро свинец. Что до скульптуры, то это голый уродец, весь в мозолях и бородавках, держащийся за желоб абака на заострённом консоле. В точности как осёл Шарля Перро, он испражняется кусками золота, вылезающими из его свисающих над горшком *ягодиц* (*fesses*), которые по самому звучанию слова кабалистически перетекают в *кал* (*feces*).

Ну и пирог! (*Mince de galette!*) — восклицает уличный парижский мальчишка, для которого *Гостиница Монет* (*l'Hotel de Monnaie*) звучит как *мельница Пирога* (*Moulin de la Galette*). Это древнее аргю, восходящее непосредственно к нравам Двора Чудес, прямо соотносящееся со *златодеем* — *aurifaber* — в прямом смысле этого слова, то есть *Делающим золотом «по-большому»* — средневековым пакостником, удивляющим современных туристов даже своим прозвищем — *Человек-дукат*, *Dukätenmann*.

Те же посвятельные указания раскрывают и воспоминания Фредерика Мистрала, в которых провансальский поэт рассказывает о троекратно случившемся с ним в детстве злосчастном приключении. Трижды ему пришлось менять одежду, и всегда по одной и той же причине — собирая прекрасные цветы, растущие на *глинистой земле*, он падал в *колодезь с железным воротом*. Первый раз Фредерик был одет в будничный костюм, второй — в воскресный, а третий — в праздничный. Не есть ли это поэтическое указание на тройное очищение с помощью железа, точнее, стали (*acier*)? Но знаком железа, металла как воинственного, так и порождающего, является именно *венчик со стрелой, устремлённой в воздух*, то есть как бы *золото с алебардой*; позднее из всех металлов именно этот металл и его знак больше всего захватывал воображение будущего поэта Mirello, крещённого по настоянию священника и мэрии Фредериком, а не Нострадамусом, как о том просила его мать⁶³.

Любопытно совпадение нашего цветоперехода с французским государственным флагом — герметическим символом революционного франкмасонства. Вертикальный триколор обозначает три части, из которых состоит *Уроборос* — *змея, пожирающая собственный хвост*, — *serpens qui caudam devoravit* — непроницаемая и непреложная, графически выраженная герметическая аксиома, означающая единство материи:

⁶⁰ Aurum de Arabia
Thus et myrrham de Saba
Tulit in Ecclesia
Virtus Asinaria.

⁶¹ См. *Glossarium Cangii*, в статье на слово *festum*.

⁶² Мы обязаны этими сведениями нашему большому шведскому другу Арне Веттермарку, блистательно описавшему это изображение по-французски.

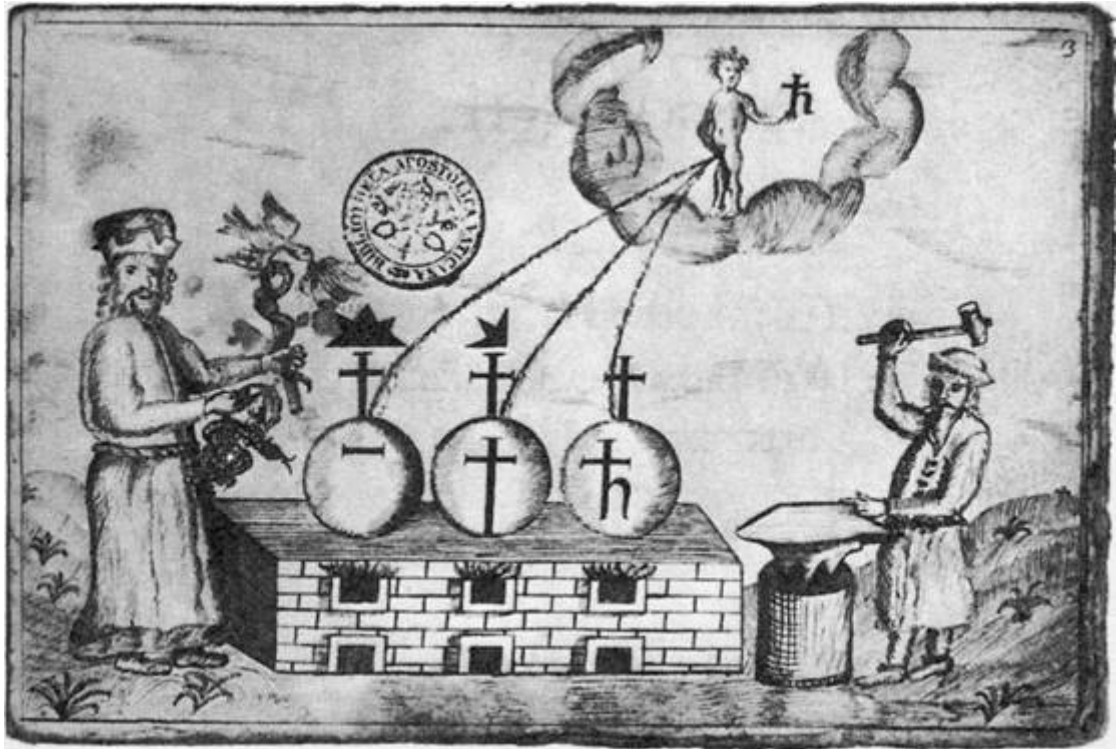
⁶³ *Моё происхождение. Воспоминания и записи Фредерика Мистрала. Mes origines Mémoires et récits de Frédéric Mistral*. Перевод с провансальского. Paris, Plon-Nourrit et Cie. Chap, premier et passim.

* * * * *

Если на одной стороне нашей пластинки изображён квадрат, разделённый на девять секторов, в которых в особом порядке записаны первые девять цифр арифметического ряда, и если этот квадрат действительно содержит важные указания, то, значит, имя Сатурна, к тому же ещё помеченное пятиконечной звездой на другой её стороне, заключает в себе некую чрезвычайно важную тайну. Более того, не есть ли само это слово главный *ключ Великого Делания*, те самые *вселенские месячные (menstrue universel)*, которые и являются нашей темнотой материи и первоначальным естеством?

«Ключ, — отмечает Луи Дельбек, — содержится уже в нижней части астрологического знака планеты Сатурн (♄). Тот, кто хоть немного разбирается в иероглифах, увидит в нём знак двух начал Великого Делания, начала устойчивого и начала летучего. Крест, всегда указывающий на числовое знание, — ещё и образ духовного начала, распятого *несовершенной* материей. Нижняя же часть сатурнического знака, имеющая вид параболы, линии, которую нельзя провести с помощью циркуля и угольника, а можно лишь создать усилием ума, отражает именно духовное начало.

Парабола, как часть очертания *яйца*, во все времена была знаком посвящения. Но она же ещё и знак адского судии, косы Сатурна, пожирающего всё, что не есть Юпитер, или, в герметической терминологии, всё, что не летуче»⁶⁴.

Сколь красноречивым представляется также рисунок на кессоне в Плесси-Бурре, где молодая женщина, подобрав до пупка подол платья, стоит и испускает горизонтальную струю в то время, как мужчина, совершенно обнажённый, ловит эту струю шляпой.

XXI. Рисунок из *Speculum Veritatis* (Ватиканская Библиотека)

В дополнение к этой цитате рассмотрим замечательное изображение, художественное несовершенство которого с лихвою окупается философским ведением его автора. На гравюре представлено превращение исходного субъекта в *свиноец философов*. В этот вопрос, касающийся выбора материи, часто умышленно вносят путаницу самые авторитетные авторы. Фрагменты сатурнического знака, начертанные на внешней стороне трёх шаров-микрокосмов Мира Мудрецов (*Monde des Sages*), которые осенены исчезающей сначала наполовину, потом на три четверти чёрной звездой, сверху омываются струёй *небесной щелочи (alcali céleste)*, испускаемой стоящим в облаках юным проказником — «Manneken-

⁶⁴ *Ключи Иерусалима. Les Clefs de Jérusalem*, Ypres, Lambin, 1858, pages 3 et 4.

Pis», — держащим в руке всё тот же знак, указывающий на его полное единение со *всем, что на земле*. Работа кузнецов при этом соотносится с деяниями магов, на что в бесценной ватиканской рукописи, в *Зерцале Истины* (Speculum Veritatis), указывает короткая подпись, исполненная, как и все другие, написанными от руки готическими буквами:

«Очищение Материи и приведение сырого Порождённого к подвергнутому обжигу Порождающему, так, что их моча оmyвает Меркурия».

«Purgatio Materiae et reductio Geniti crudi in Genitorem coctum ut Vrina sua lavet Mercurium».

Самое трудное при Великом Делании — определить, что представляет собой первоматерия, которую франкмасоны изображают заглавной буквой, вписанной в лучистую звезду. Символическая ценность этой буквы столь высока, что масонский катехизис обращает на нея все помыслы новоначального брата. В катехизисе можно найти следующие вопрос и ответ:

— Зачем Вы пришли в наше братство?

— Чтобы познать букву G.

Познать букву G означает стать способным внятно произнести имя первоматерии, одновременно искомой и хорошо всем известной. Первым, конечно же, приходит на ум *гален* (γαλήνη, *galènè*, *морская гладь, тишина*), означающий также природный *сернистый свинец*, единственное сырьё для неблагородного металла, о котором говорил древнейший философ Артефиус, перевод творения которого оставил нам П.Арнольд, командующий конницей города Пуатье.

«Сурьма имеет природу Сатурна, а потому Сурьмистый Свинец подходит для Солнца, ибо содержит ртуть, без которой ни один металл не может быть превращён в золото»⁶⁵.

Статья XIV устава тайного Братства Неизвестных Философов гласит, что мастер, принимающий новоначального, шёпотом на ухо говорит ему пароль ордена, а потом на языке мудрецов подлинное имя *Магнезии*, единственной истинной материи, из которой получают камень философов»⁶⁶.

О Магнезии говорится и в уже цитированном нами катехизисе⁶⁷, который приводится в этом же сборнике. Более того, она сама и называется *Пламенеющей Звездой*:

— Что выражает она на самом деле?

— Божественное дыхание, *центральный и всеобщий огонь, оживляющий всё сущее*.

В конце концов задаётся главный вопрос. За ним следует и ответ.

— Каким словом обозначается Магнезия?

— Вы же знаете, как я должен ответить на вопрос — *я храню тайну этого слова*.

Увы! Скорее всего в Ложках вообще нет никакой тайны; франкмасоны, претендующие на то, что владеют *оставленным* (*délaissée*) или *потерянным* (*perdue*) словом, сами давно утратили *verbum dimissum*, то есть всё то, что Бернар Тревизан вынес в заголовок небольшого трактата, начинающегося так:

«Первое, что относится к тайной науке о превращениях металлов, это знание материи, из которой мы извлекаем ртуть философов и их сульфур, лежащие в основе их божественного камня»⁶⁸.

⁶⁵ *Тайная Книга из Трёх Трактатов Естественной Философии, до сих пор не напечатанных. Le Secret Livre, dans Trois Traitez de la Philosophie naturelle non encore imprimez.* A Paris, chez Guillaume Marete, 1612, p. 8.

⁶⁶ *Пламенеющая Звезда, или Общество франкмасонов, рассмотренное со всех сторон. L'Etoile flamboyante ou la Société des Franc-Maçons, considérée sous tous les aspects.* A l'Orient, chez le Silence, 1810, tome troisième, p. 80.

⁶⁷ *Ibidem*, p. 93-139. *Катехизис, или Поучение для превращения в адепта сиречь всему обученного тайного и неизвестного Философа. Cathéchisme ou Instruction pour le grade d'adepte ou apprenti Philosophe sublime et inconnu*, p. 94.

⁶⁸ *В Трёх Трактатах Естественной Философии, до сих пор не напечатанных. Dans Trois Traitez de la Philosophie naturelle non encore imprimez.* A Paris, par Jean Sara, rue S. Jean de Beauvais, devant les Escholes de Decret. M. CD. XVIII, p. 3.

Мы уже имели возможность указать, что как звезда вела волхвов к пещере Богомладенца, так ведёт она и алхимика к его цели, когда он совершает свое пещерное действие⁶⁹. Именно поэтому старые авторы называли нашу минеральную звезду не только печатью Гермеса (*sceau d'Hermès*), солью мудрецов (*sel des sages*, *sel* кабалистически переходит в *seel* — печать), не только полярной звездой. Вот почему Иреней Филалет советует ученику следовать по пути звезды Севера⁷⁰.

Согласно Протоевангелию святого Иакова Младшего, звезда, возвестившая о Рождестве Христовом, появилась в небе Иудеи и затмила блеском своим все другие звёзды. Тот же апокриф в версии, отличной от канонической, содержит весьма ценное указание, подтверждаемое в процессе лабораторной работы, при которой звезда останавливает своё движение непосредственно над нашей вещью:

«И волхвы шли за звездой от Востока, где её впервые увидели, и звезда вошла в пещеру, и становилась там, над входом в пещеру»⁷¹.

Переводчик, комментируя эти строки, указывает, что, согласно святому Иоанну Златоусту, «звезда остановилась над коньком кровли дома, где пребывал Богомладенец, прямо над Его головой, а затем исчезла». Он приводит также сведения, которые дополняют посвятельную значимость и усугубляют причудливость рассказа:

«Григорий Турский (*de Miraculis*, lib. I, cap. I) и Эгмон утверждают, что звезда упала в Вифлеемский колодец и там её потом видели. В часе ходьбы от Иерусалима, действительно, находится колодец, который называют Колодцем Звезды или Колодцем Волхвов».

Возвращаясь к нашему квадрату с шифром, мы видим, что все его линии нумерически, то количественно, то символически или пропорционально указывают на присутствующие вещества и на основные или последовательные стадии Великого Делания, то есть на полный цикл *modus operandi*.

Числа в решётке следует читать так, чтобы крестом отметить четыре конца, угла (angles) — сначала слева направо — 2, 4, 6, 8, затем по центральной разгородке сверху вниз: 5, 7, 9, 3, 1. Эти линии точно передают герметическую работу двух начал, двух субъектов (sujets) — активного и пассивного, — один из которых, представленный цифрой 4, посредством шестёрки соединяется с другим, весящим вдвое больше, т.е. 8. Затем совершаются серии возгонок или сублимаций, которые Филалет называет орлами (*aigles*). Уважаемый адепт указывает при этом, что пятое повторение операции растворяет луну, седьмое — солнце, и советует доводить их количество до девяти:

Главная часть нашего труда совершается числами семь или девять⁷².

Так три последовательных растворения претворяют в жизнь знаменитую аксиому *Solve et Coagula*, и к линейному режиму окончательной варки рождается абсолютное единство Философского Камня.

⁶⁹ *Le Trésor des Lettres*, январь 1935. Алхимическая символика Божоявленного пирога (см. предыдущую главу — перев.).

⁷⁰ ...cursum dirigat per aspectum stellæ septentrionalis. (Introitus apertus ad Regis Palatium. De Magnete Sophorum, IV, II, Врата Отверсты Царска Дворца Затверста. О Магните Мудрых.

⁷¹ Апокрифические Евангелия. *Les Évangiles apocryphes* par Gustave Brunei. Paris, 1863. p. 130.

⁷² Præstantissimè autem opus perfici septenario numero aut noveno. *Introitus apertus ad Palatium Regis*, op. cit., VII, II.

Всегда, будь то в печи при сухом пути, или в реторте при пути влажном, духовный и чистый аспект нашей вещи, готовый к освобождению, восходит к месту своего происхождения, именуемого философами их Небом.

XXII. *Atalanta Fugiens* (эмблема XXXIV)

Этот магический квадрат — кабалистический лабиринт, по которому герметик и алхимик может пройти тёмными коридорами, ведомый нитью Ариадны или *светом духа*. Наименее ясным здесь оказывается значение суммарного числа 15. Возможно, хотя мы на этом не настаиваем, речь идёт о числе солевых добавок, производимых до того мгновения, когда двое минеральных протагонистов сливаются для невозможного порождения *прекраснейшего человеческого младенца*:

«Он зачат при купании в водяной бане, он рождён в воздухе, но, становясь красным, он бороздит воды», — утверждает Михаил Майер и добавляет к этому такую эпиграмму:

*В море зачат младенец, в воздухе он рождён.
Красным же став, у ног своих воды видит он,
Когда он бел, к вершинам горным иди за ним —
Мудрейшими из людей в тех горах он храним.
Камень он и не камень, Божий дар от небес.
Всех счастливее тот, кто нашёл его и исчез⁷³.*

⁷³ Латинский вариант этого стихотворения предваряет гравюру в трактате *Serutinium Chymicum*, излагающем все подробности минерального порождения, скрытые под покровом мифогерметического иносказания.

На переднем плане изображены два светила, Философские Солнце и Луна, готовые к соединению, которое, однако, весьма неудобно, поскольку оба стоят ногами в воде до паха, и всё последующее может оказаться малособлазнительным и далёким от естественности.

Над загадками подобных любопытных арифметических соответствий долго размышлял широколобый Корнелий Агриппа, которому, однако, не удалось применить их на практике. Но, быть может, именно эта неудача породила удачу, побудив великого германского философа, опередившего своё время, но не очень упорного в достижении своей цели, к созданию его знаменитой *Настоятельной Речи о Недостоверности Наук*, «De Incertitudine Scientiarum Declamatio invectiva». Так или иначе, для нас бесполезно будет понять природу силы, как доброй, так и злой, исходящей от нашего магического квадрата, первого среди квадратов, посвящённых планетам, причём расположенного в точном соответствии с системой Птолемея:

«Говорят, что если эта таблица, выгравированная на тонкой свинцовой пластинке, сделана при восхождении Сатурна, то она помогает при родах, придаёт человеку уверенность и могущество, приносит успех при обращении к князьям и другим властителям; если же сделать её при заходе Сатурна, то с её помощью можно воспрепятствовать строительству, посевам и другим подобным вещам; в этом случае она отдаляет от человека почести и достоинства, порождает ссоры и вражду, рассеивает наступающие войска⁷⁴».

Со своей стороны Парацельс учит нас, что эта печать должна быть сделана из чистого виллахского свинца⁷⁵ — *sigillum hoc fieri debet ex puro finoque Villacensi plumbo* — и повторяет утверждение Корнелия Агриппы об особом времени, потребном для её изготовления.

Это время кратко, и требуется весьма напряжённая работа, дабы таким образом совершить её как можно быстрее — *ut nimirum hoc pacto expeditius opus procedat*:

«Дождись часа, когда в день Сатурна Луна в её первой фазе войдёт в созвездие или Тельца, или Козерога, а планета Сатурн находится в удобном положении⁷⁶».

⁷⁴ Dicunt hanc tabulam fortunato Saturno in lamina plumbea sculptam, adiuvere partum, reddere hominem tutum & potentem, atque præstare successus petitionum apud principes & potestates: si vero infortunato Saturno fiat impedire ædificia & plantationes & consimilia hominem deiicere ab honoribus & dignitatibus, gignere rixas & discordias, & dispergere exercitus. Henrici Cornelii Agrippæ, *de Occulta Philosophia libri tre*. S. 1., anno 1533, mense Iulio, p. 141.

⁷⁵ В округе Виллах, расположенном в центре Иллирийской Каринтии, находятся шахты по добыче ртути, железа и серебросодержащего свинца. В главном городе этого округа в 1534 году скончался отец Парацельса.

⁷⁶ Deinde attende, quando die Saturni Luna Tauri vel Capricorni gradum primum ingrediatur, & planeta Saturnus boni cursus & naturæ sit. Aureoli Philippi Theophrasti Paracelsi Bombast ab Hohenheim, *Opera omnia*. Genevæ M.D. CLIX (sic.) Volumen secundum, liber Septimus. Archidoxis Magicæ, p. 716.

Весьма отличный от всех остальных портрет алхимика, которому современная медицинская наука обязана лучшими методами терапии.

XXIII. Портрет Парацельса

В связи с этим мы чрезвычайно рады представить читателю прекрасную иллюстрацию, на которой изображён не кто иной, как он сам — alterius non sit qui suus esse potest. Да, конечно, это тот самый вспыльчивый оратор и спорщик из Базеля, которого все мы помним безбородым, с лысым черепом или в смешной шапочке. Перед вами сделанная Франсуа Шаво акварельная копия с подлинного портрета автора *Архидоксов*, среди которых в числе прочих «изопсефических квадратов» мы найдём и сатурнический талисман из Марли-ле-Руа. Вот он, *Ауреол Филипп Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм*, глаголемый *Парацельс*, писал же его с натуры современник его Джакомо (Иаков) Робусти, глаголемый Тинторетто. Он же сделал к изобретению и таковую надпись:

*Наследовал Парацельс предков дар и правы —
Швейцария ныне сияет, полна славы, —
Вот черты его лица, очи нелукавы,
Зрящие всех вещей повсюдусущую суть,
К коей простёрт, исполнен труда, великий путь.*

Март 1935.

Сокровище Письмён Le Tresor des Lettres

ОЧИСТИТЕЛЬНЫЙ ОГОНЬ И ЕГО АПОКАЛИПТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

«Будет бо тогда скорбь велия, якоже не была от начала мира доселе, ниже имать быти».

(Матф., XXIV, 21)

По общему толкованию Отцов Церкви «знамением Сына Человеческого», должным появиться на небесах в конце времён, будет *крест*, на котором принял смерть Иисус. Не тот ли это самый крест, со сделанным по приказу Пилата начертанием *INRI*, тайным знаком самого Спасителя? Обычно эти четыре буквы толкуют как «*Iesus Nazaræus Rex Iudæorum*» — *Иисус Назарянин Царь Иудейский*. Но есть ещё и внутреннее, эзотерическое, их объяснение — «*igne Natura Renovatur Integra*» — *Огнём Естество Обновляется Всецело*. Старые алхимики не без основания обозначали свою печь, *пещь* (*creuset*, по-старому *croiset* — Э.К.; *chêne creux* или *chêne creuset* — дуплистый дуб, *voie creusée* — *крестный путь* и также Великое Делание — перев.) графическим знаком креста, знаменем огненного очищения материи, о котором сказано в Писании как о *Страшном Судище Христове*, Последнем Суде, отделяющем добрых от лукавых тем же огненным путём, каким золото отделяется от нечистых металлов.

Эттейла (Etteilla), чьё настоящее имя было Алиет (Alliette), одинокий парижский алхимик-парикмахер, живший, согласно его собственной заметке в хранящейся у нас рукописи, в доме 48 по улице Щавеля на Болоте (48, rue de l'Oseille, dans le Marais). В этом его небольшом и очень редком трактате указано на ту же самую основную философскую истину, причём автор комментирует эти указания так:

«Поскольку мир уже был однажды истреблён водой, теперь он должен погибнуть от огня, а наши тела — разложиться и очиститься огнём, дабы мы могли достойно встретить пришествие Божие»⁷⁷.

Алхимик чрез троекратное проявление *меркурия*, истекающего от *Петра-Камня*, во время варки (*cocion*), отмеченное знаком (*signe*) троекратного пения лебедя (*cugne*), повторяет страшное троекратное отречение апостола Петра от своего Учителя, опознанное им самим по пению *петуха* (*coq*). Уже после этого испытания святой Петр напишет:

«*Таится бо им сие хотящим, яко небеса беша исперва, и земля от воды, и водою составлена, Божьим Словом. Темже тогдашний мир водою потоплен быв погиге: а нынешняя небеса и земля темже Словом сокровена суть, огню блюдома на день суда и погигели нечестивых человек*»⁷⁸.

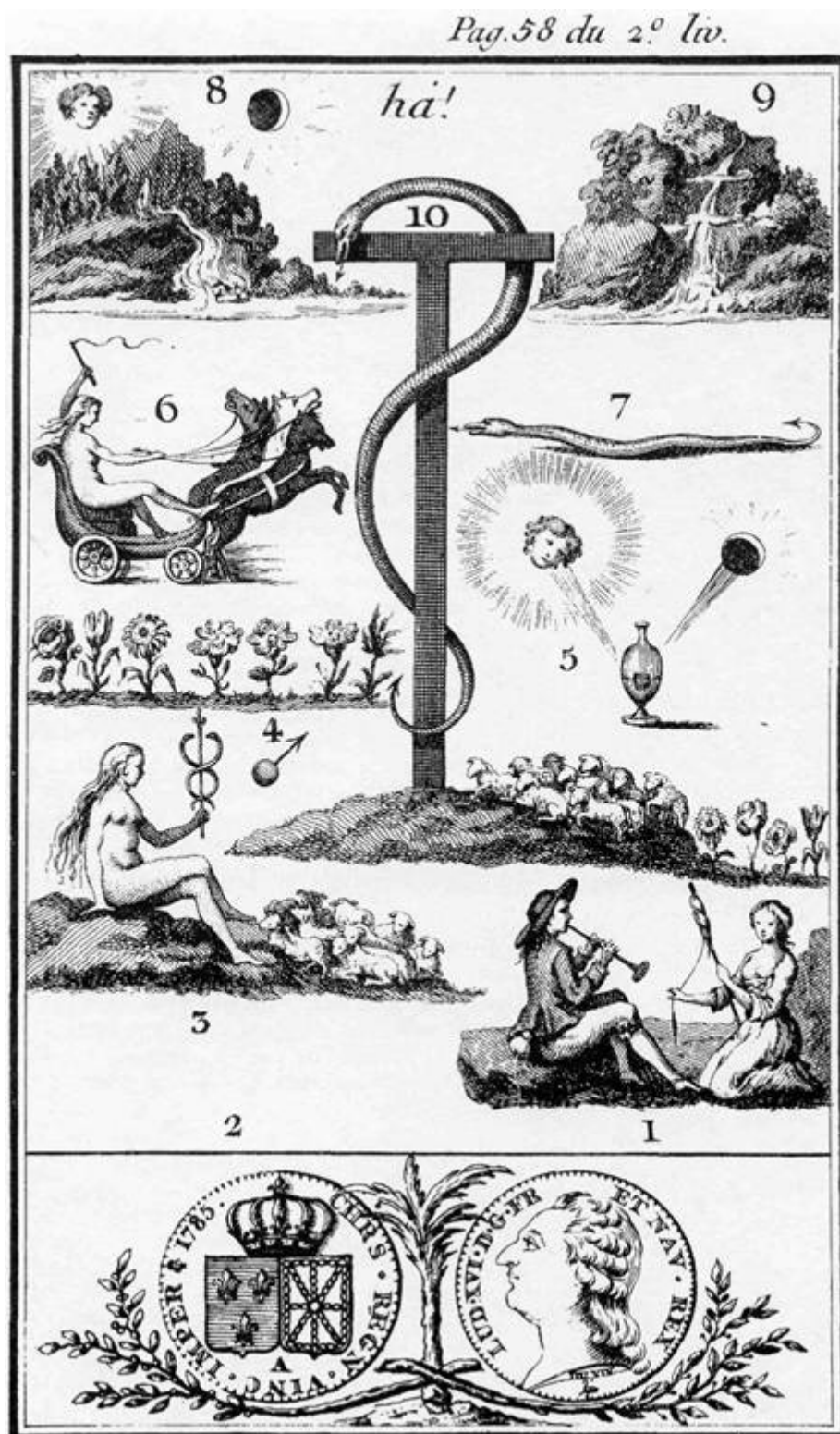
Мы не стали бы цитировать в связи со столь важными вещами знаменитого парижского карточного гадальщика, если бы не замечание Магофона (Пьера Дюжоля де Валуа) об этом алхимике-прорицателе как о жадном фигляре, сделанное в его в целом блистательной *Риторической Фигуре на Немую Книгу* (*hypotypose an Mutus Liber*), переизданной в 1914 г.

⁷⁷ Семь Оттенков Делания Философского герметического, за коими следует трактат о Совершенствовании Металлов, предваряемый Начертанием. L.D.D.P. Les Sept Nuances de l'Œuvre philosophique-hermétique, suivies d'un traité sur la Perfection des Métaux mis sous l'Avant-Titre. L.D.D.P. (Le Denier Du Pauvre — Ленга Бедняка, однако, возможно, не упоминаемый Эттейлой франкмасонский девиз Рыцаря Востока или Шпаги — *Le Droit de Passage* — *Право Прохода*). Место и год издания не указаны. С. 23.

⁷⁸ Latet enim eos hoc volentes, quod cæli erant prius, & terra, de aquâ & per aquam consistens Dei verbo; per quæ, ille tunc mundus aqua inundatus periit.

Cæli autem qui nunc sunt, & terra, eodem verbo repositi sunt, igni reservati in diem iudicii, & perditionis impiorum hominum.

Второе Соборное послание святого апостола Петра, III, 5-7.

Ах! Вот великое сокровище, которое никогда нельзя разглашать.

1. Счастлив меня открывший.
2. Подготовка Материи.
3. Я — Дева, питающая вас.
4. Не полагайтесь слишком на этот цвет.
5. Всё меньше небесной росы даётся своим, но за нея заплачено.
6. Я веду их, равных предо мною, в царство, дарованное им превыше Стихий.
7. Такова Материя.
8. Я делаю твёрдым благодаря своей влажности и плавлю своим жаром.
9. Я укрепляю и окрашиваю.

10. Когда меня вдохновляют двенадцать знаков, я изменю всё и исцелю Больных.

Эти изречения были написаны по-латыни на «Оригинальной Картине», которая, как полагал Эттейла (Etteila), была написана «более века назад». Он владел этой картиной и очевидно сам сделал с нея гравированную копию. Латинский оригинал не сохранился; Эттейла утверждал, что он сделал перевод по книге, автора которой не назвал.

Перед вами серия небольших герметических рисунков, которые, без сомнения, могут способствовать оправданию в глазах потомства знаменитого карточного гадалщика.

XXIV. Фронтиспис книги *Семь Оттенков Делания* (Etteilla)

Впрочем, после многих лет нашего собственного опыта, нас посетила мысль о «двойной игре», которую вёл хитроумный Эттейла и без которой была бы невозможна тихая *варка* в задней комнате парикмахерского *ателье*. Те, кто получал туда *право входа*, вероятно, имели возможность быть зрителем воистину чудесного зрелища — формо- и цветопереходов, однако не в философской, а самой обычной смеси, в колбе из огнеупорного стекла, постоянно подогреваемой медленным огнём горелки! Путь Великого Делания долог, — возможно, говорил он своим гостям, и, разумеется, все они думали, что видят лишь малый его отрезок. Разумеется, приглашение, содержащееся в его маленьком томике, никак не соотносится с предписаниями полной тайны всех философских работ:

«Истинно любопытствующим о Великом Делании и приходящим ко мне вместе со мною созерцать его переходы предлагается вместо того, чтобы платить 3 liv, за каждое посещение, стать моими пансионерами, 30 liv. в месяц, что позволит каждому из них по желанию превратиться или в Знатока или в Любителя»⁷⁹.

Мы полагаем, что Эттейла, принимая образ обманщика, лишённого подлинного знания, обретал возможность избегать тех опасностей, которыми грозит репутация настоящего алхимика. Одновременно собранные им с помощью ложных демонстраций деньги он, по-видимому, тратил на более серьёзные секретные опыты, связанные с огненным, сухим путём, почему и не раскрывался в своих книгах и обликал истину в фантазии уходящего века, когда господствовало мировоззрение иллюминатов.

Можно вообразить, как очарованы были все эти недостойные любопытные медленно сменяющими друг друга стадиями микрокосмического творения, этим многоцветным калейдоскопом, воспроизводящим в стеклянной колбе феерию нового рождения мира, о неизбежном конце которого все забывают:

«*Нова же небесе и новы земли по обетованию Его чаем, в нихже правда живёт*⁸⁰».

Догадка о такой уловке хитроумного Эттейлы пришла в 1931 году, когда неожиданно, после четырнадцатимесячного труда, нам самим удалось наблюдать явления, описанные Филалетом в его *правилах*.

При этом, несмотря на неудачу опыта в целом, нам, благодаря увиденному, удалось прийти к очень важному выводу. Он заключается в следующем: явно ложный соблазнительно-софистический путь можно всё же по закону аналогии превратить в некое указание на путь подлинный.

Об этом Эттейла особо не распространяется, но высказывает приводимое ниже соображение о двух диаметрально противоположных препятствиях, неизбежно возникающих при работе, об их относительной природе, независимо от того, какой из двух способов выбран, и из его слов непосредственно вытекает, что он использовал как минимум два философских пути, даже если в конечном счёте и не достиг окончательной цели.

«На двух путях, сухом и влажном, следует прежде всего опасаться следующего: на первом пути — высушивания вод, и на втором — их переизбытка, иначе в первом случае происходит сжигание, во-втором — потопление и гниение, в результате в обоих случаях

⁷⁹ *Les Sept Nuances de l'Œuvre*, op. cit., p. 23.

⁸⁰ *Novos verò cælos, & novam terram secundum promissa ipsius expectamus, in quibus justitia habitat. (Petri Epistola secunda, cap. III, v. 13.)*

Второе Соборное Послание святого апостола Петра, III, 13.

Естество предоставляет нам не искомое вещество, а совсем другое, не имеющее никакого отношения к Деланию»⁸¹.

Разумеется, между микрокосмом герметического философа и миром Божиим, макрокосмом, нет и не может быть полного тождества, — первый есть только образ второго; вот почему Адепты о нём говорили, что *существует зеркало, в котором виден весь Мир* — «est speculum in quo totus Mundus videtur». Зерцало художника-естествоиспытателя, в котором, как бы сквозь некое стекло, можно узреть ошеломляющие тайны Естества, — именно на них указывает анонимный Всемудрый философ (Janitor Pansophus), чьи пояснения сопровождают полный текст *Изумрудной Скрижали Гермеса*.

Заглавие загадочного и трудного для понимания труда, изданного в конце XVIII столетия, является прямым указанием на единство алхимической работы и превращений Естества в их единой подчинённости космическим законам, определяющим удел человеческий:

Великая Книга Естества, или Откровение философическое и герметическое. Любопытный труд, в коем рассказывается о тайной Философии, о Уразумении Иероглифов Древних, об Обществе Братьев Розы и Креста, о Превращении Металлов и о Сообщении Человека с Существами высшими и посредствующими между ним и Великим Архитектором. Рассмотрено Обществом Неизв... Фил... и напечатано Д... в лето от 1 до 1790. В Полдень, в Типографии Истины.

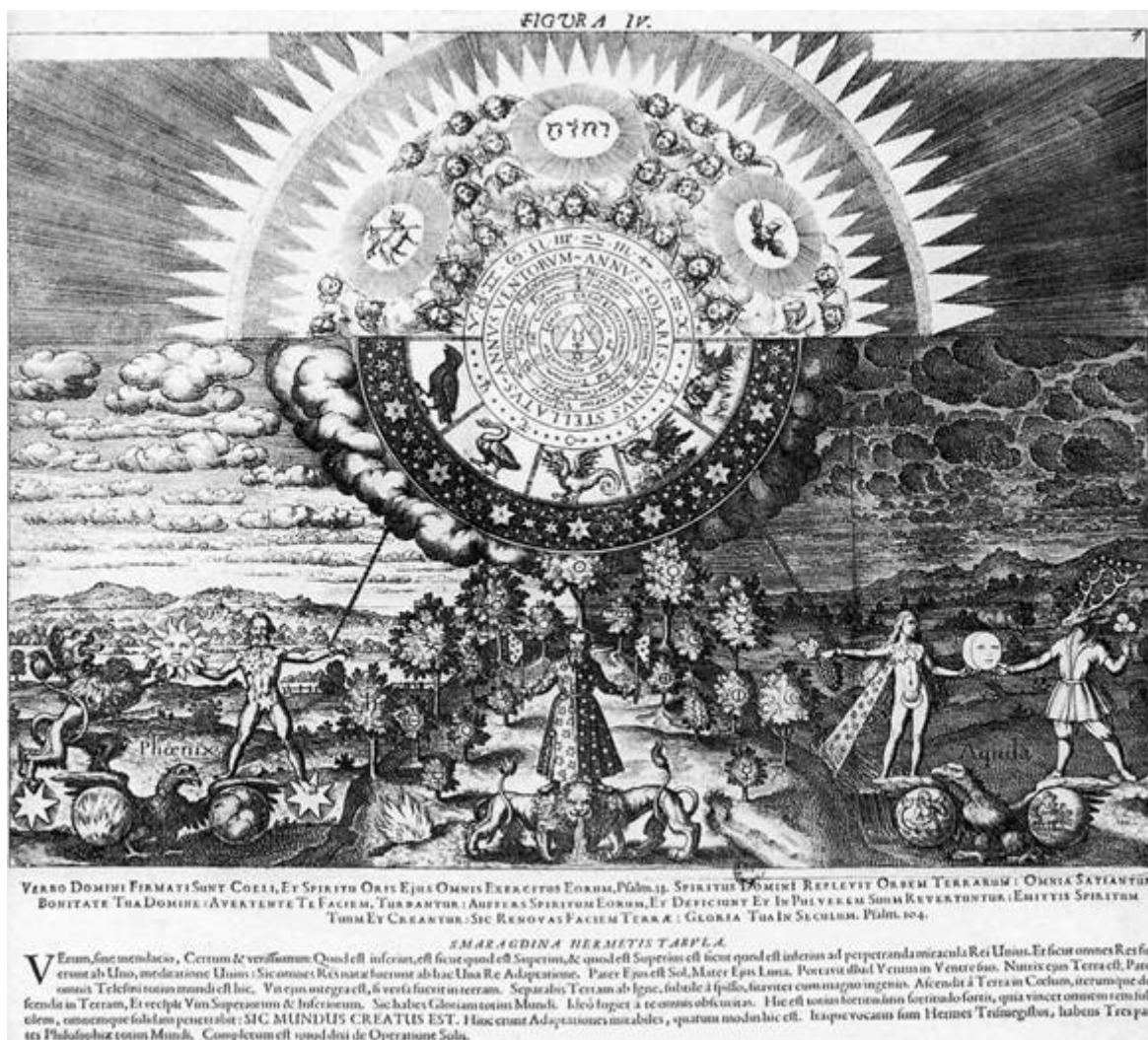
*Le Grand Livre de la Nature ou l'Apocalypse philosophique et hermétique. Ouvrage curieux dans lequel on traite de la Philosophie occulte de l'Intelligence des Hiéroglyphes des Anciens, de la Société des Freres de la Rose-Croix, de la Transmutation des Métaux et de la Communication de l'Homme avec les Etres supérieurs et intermédiaires entre lui et le Grand Architecte. Vu par line Société de Ph... Inc... et publié par D... depuis 1 jusqu'à l'an 1790. Au Midi et de l'Imprimerie de la Vérité*⁸².

Инициал «D.» обозначает возможного автора этого учёного трактата Дюшанто (Duchanteau). Таков был псевдоним известного господина Тузе (Touzey), живописца по профессии, прошедшего всем известный опыт, многих озадачивший и противоречивший глубокой мудрости опубликованной им небольшой книжки.

Чем же объяснить это странное намерение, этот физиологический опыт, в котором Дюшанто без всякого отвращения сам выступил одновременно атанором и дистиллятором? Причиной этого весьма опасного, но с философской точки зрения бессмысленного предприятия могли оказаться иллюминатские воззрения, пришедшие из Германии и царившие в ту пору в масонских ложах. Так или иначе, Тузе, член ложи *Соединённых Друзей*, пытался найти в собственных извержениях, а затем использовать как Универсальное Лекарство хорошо знакомый всем алхимикам *армоньяк* (*harmoniac*). При этом он ничего не ел, а только из раза в раз пил свою собственную мочу!

⁸¹ *Traité sur la Perfection des Métaux on L.D.D.P.*, cit. p. 51.

⁸² Этот труд был переиздан в 1910г. Пьером Дюжолем с предисловием Освальда Вирта. Пьер Дюжоль, он же Магофон, выпустивший замечательную *Риторическую Фигуру* на *Liber Mutus*, хранил его в своей *Библиотеке Чудесного* (*Librairie du Merveilleux*) — увы! — закрывшейся навсегда и безвозвратно с началом ужасной бойни 1914 года.

Поистине головокружительно истолкование текста *Изумрудной Скрижали Гермеса*, кратко и совершенным образом излагающее основы Великого алхимического Делания.

XXV. Всемудрый (Janitor Pansophus). Гравюра и текст *Изумрудной Скрижали*

Могло ли из этого получиться что-либо иное, кроме внезапной смерти философа, сочетавшего столь опасные опыты с несомненными дарами и знаниями испытанного кабалиста?

Вот что утверждает автор *Великой Книги Естества*, кем бы он ни был и был ли он действительно ея единственным автором:

«III — Я раскрываю тайны и мудрость величайшего из Царей. Я познал древние языки и до краски в лице стыжусь прошлых ошибок».

В следующем абзаце, пронумерованном, как и все абзацы во всех девяти главах, уже зреет, словно зерно, исполненная страхом и трепетом будущая тёмная трагедия, трагедия одного из соблазнённых безумцев:

«IV — Много лет провёл я в изучении книг и в молчании; мой Гений никогда меня не покидал. Пришло время начать работу, но надо было обрести что-то ещё, иначе, вернувшись в лабораторию, я мог потерять жизнь».

Для всякого герметика словесная кабала — драгоценное орудие исследования и проверки, и мы дерзаем думать, что ученики Христа владели искусством плетения словес, ибо Сам их Божественный Учитель и есть всеозаряющее Воплощённое Слово. О владении словесным искусством свидетельствует и один из четырёх евангелистов как об одном из даров, предвещающих апостольскую миссию:

«По мале же приступившие стоящи, реша Петрови: воистину и ты от них еси: ибо

беседа твоя яве ты творит⁸³».

Сам по себе Апокалипсис — также книга *кабалистическая* по преимуществу, и это хорошо видно на цветных иллюстрациях к ней в церкви Святой Капеллы (Sainte-Chapelle). Прямо напротив сердцевины витража, готической Розы, высится благородная и суровая статуя *конного*, всадника. Точно такая же находится под сводом аркады южного портала церкви Святого Петра — Камня — в Мелле, департаменте Дё-Севр (Deux-Sevres), на территории бывшей галло-римской провинции *Metallum*.

Характерно, что этот всадник всегда обращён лицом к югу, к лучам солнца в его наиболее огненной фазе — это свидетельствует о том, что мистический рыцарь, *конный* (chevalier, cavalier или cabalier), появление которого предрекал святой Иоанн, должен восстать в своей огненной, световой и духовной полноте:

«И видех, и се конь бел, и седяй на нём имеяше лук: и дан бысть ему венец, и изыде побеждай, и да победит⁸⁴».

Так, увенчанный венцом и держащий лук Апокалиптический всадник является в лучах неприступной и всеозаряющей Божественной славы. Символика оружия и корона на голове — указания на царское достоинство конного. Поразительно в этой скульптуре соединение царственно-священного прорыва ввысь и лица, исполненного несказанной печали. Такие черты странным образом сближают его с Христом, Царём царей и Господом господствующих, Сыном Человеческим, которого, как пишет Лентулус, никто никогда не видел смеющимся, но многие видели, как Он плакал.

Вечный Посланник Отца Своего неотделим от глубинной тоски Страстей, не избывной до дня и часа последней жатвы среди навлекшего на себя высшую кару постыдного человечества, коего образ — жалкая, опрокинутая фигурка под ногами коня, о которой всадник более не выказывает никакой заботы.

Ученикам, вопрошавшим о *знамениях пришествия дне сего*, Спаситель дал пространный ответ, изложенный в эфиопском апокалипсисе, известном как *Fékkâre Iyasous* (Объяснение Иисуса) и отвергнутом Церковью, усомнившейся в его подлинности:

«Братия, пребудьте на страже. Во дни те беззакония будут бесчисленны... Люди за бесценок станут продавать спутников, братьев и ближних... Что скажут в вечер, не повторят в утро; что скажут в утро, не повторят в вечер.

Братия, пребудьте на страже. Во времена те родятся соблазняющие и насмешники, подобные худшим из христиан, водящим дружбу с демонами, и скажут: *Вот, счастливые времена наступят*. Не верьте им и да речёт всякий из вас: *Не хочу сего...*

Братья, пребудьте на страже... Во дни те беспокойство войдёт в людей через слух и зрение. Но истинно видящие и слышащие не примут их в души свои.

Братья, стойте на страже... Во времена те будут два солнца и луны две, земля же силою огня колеблема. И лето смешано будет с зимой, и многие лета будет идти дождь... Благословением трапезы станут слёзы, скудостью же изобиливание преумножится во всяк день и всяко лето...»⁸⁵

Ирелей Филалет возлагает на лжепророка-соблазнителя, предтечу и *опору зверя и антихриста* — «fulcrum hoc belluæ antichristianæ» — всю ответственность за зло; он заключает свою щедрую книгу не менее щедрым порывом-предупреждением:

«Верьте мне, юные ученики, и вы, старцы, близ есть при дверех...»

⁸³ Et post pusillum accesserunt qui stabant, & dixerunt Petro; Verè & tu ex illis es; nam & loquela tua manifestum te facit. *Sanctus Matthæus*, cap. XXVI, 73. (Матф. XXVI, 73).

⁸⁴ Et vidi, & ecce equus albus, & qui sedebat super illum, habebat arcum, & data est ei corona, & exivit vincens ut vinceret. *Sancti Joannis Apocalypsis*, cap. VI, 2. Откровение святого Иоанна Богослова, VI, 2.

⁸⁵ Рене Бассе (Conf. Rene Basset). *Эфиопские апокрифы. Apocryphes éthiopiens*, XI. Paris, Librairie de l'Art Independant, 1909.

Я указываю миру как пророк, дабы не было сие скрыто от человечества. Книга сия — вестница Илии (Ἡλιος, Elios, soleil, солнца), который уготовит царский путь Господа!⁸⁶
А любимый ученик своим пророчеством на острове Патмос оправдывает утверждения таинственного алхимика и добавляет к ним сладостный бальзам надежды и утешения:
«И видех небо и землю нову, первое бо небо и земля первая преидоша, и моря несть ктому⁸⁷».

Февраль 1936.

АТЛАНТИС

⁸⁶ Credite juvenes tyrones, credite patres, quia tempus adest ad fores...
Hæc præmitto in mundum præcoconis instar, ut non inutilis mundo sepeliar. Esto Liber meus præcursor Eliæ, qui paret viam Domini Regiam!
(Introitus apertus ad occlusum Regis Palatium — *Двери отверсты Царска Дворца затверста* — cap. XIII, § XXXII et XXXIII.
⁸⁷ Et vidi cælum novum, & terrain novam. Primum enim cælum, & prima terra abiit, & mare jam non est. *Apocalypsis*, cap. XXI, V. I. Откр., 21, 1.

ЗОЛОТОЕ РУНО

Достоинство Аргонавтов невозможно оценить, не говоря об их опасном приключении в зыбучих Сыртах, грозящих крушением. Не преодолев песков, Аргонавты не стяжали бы своего бессмертия.

(*Золотое Руно, или Цвет Сокровищ Соломона*
Трисмосена. *Toysan d'Or ou la Fleur des Thresors*,
par Salomon Trismosin).

Если всё же, как мы полагаем, путешествие за Золотым Руном, оставаясь тем, чем оно было, иносказательно указывает при этом на некие таинственные смыслы, их можно разгадать только в свете герметической науки. Воистину храбрецами были весьма мудрые авторы, как древние, так и современные, которые пытались оспаривать историю и хронологию военного похода в Колхиду. Но дело, по сути, не в этом. Достаточно просто понять, что взаимно противоречивые детали этой эпопеи вообще не поддаются рациональному объяснению в рамках линейного и каузального мышления. Это тем более касается истории, географии, хронологии...⁸⁸

Мы вовсе не собираемся ни критиковать, ни сопоставлять различные точки зрения на захватывающие приключения Иасона; в противном случае пришлось бы выйти далеко за границы нашего предмета — возможной связи аргонавтического эпоса и Великого Делания, устанавливаемой методом фонетической кабалы.

Приступая к нашему очерку, укажем на его главного героя — в полном соответствии с его блистательным происхождением и высшим достоинством. Афамант, царь Орхомены Беотийской, сын Эола, *Божества ветра*, самым именем и божественным происхождением указывает на свою особую алхимическую миссию. Именно о нём всегда говорили на своём «тёмном», полном иносказаний, метафор и намёков языке, алхимики, когда повторяли слова Гермеса из *Изумрудной скрижали*: «Ветер носил его во чреве своём».

Безусловно, Афаманта имел в виду Михаил Майер в переведённой нами латинской эпиграмме на свою первую эмблему⁸⁹ из *Убегающей Аталанты*:

*Эмбрион сокрытый есть во чреве Борея,
Но на свет не выйдет он и пребудет, зрея,
Пока Геракл не свершит все свои деянья
Силою тела, души, искусства, познания.
Да не как Цесарь⁹⁰ выйдет и не прежде срока,
Ни по Агриппе⁹¹, но под звезды добро око.*

Фулканелли в своём втором труде⁹² особо указывал на имя Афаманта и Атаманта

⁸⁸ Евстафий, архиепископ Фессалоникийский. *Очерк о Дионисии Периегете*.

⁸⁹ Мы заимствовали это изображение из *Scrutinium Chymicum per oculis et intellectui* — *Исследования химического — зрительного и уразумевательного*. Это, по сути, переиздание *Atalanta fugiens* мы выбрали просто потому, что экземпляр его, хранящийся в Запаснике Национальной Библиотеки, оказался неудобным для перефотографирования из-за того, что был раскрашен несколько ранее.

Raymundi Lullii Codicillus, seu Vade mecum, aut Cantilena, Coloniae, 1572, cap. 32 & 47: Lapis est ignis deportatus in ventre aeris — Камень огонь есть, носимый во чреве ветра. См. также Johannæ-Jacobi Mangetis *Bibliotheca chemica curiosa*, vol. I.

⁹⁰ qui caeso matris utero natus est — который родился из рассечённого чрева матери. Plutarchus. I o. 7, гл. 9. Отсюда *кесарево сечение*, то есть брюшная гистеротомия.

⁹¹ который подчёркивает описание в древней медицине случаи *особо тяжёлых родов* — ab ægro partu, — связанных с тем, что младенец выходит наружу не головой, но ногами вперёд — dicitur quorum nascendo, non caput, sed pedes primi exierunt.

⁹² *Les Demeures Philosophales*. Paris, Jean Schemit, 1930, p. 108. Réimp. chez Jean-Jacques Pauvert.

(Athamas). Фонетически Αθαμάς, *Athamas* — то же самое, что *Adamas*; «дельта» меняется на «тету», в точном соответствии с эолийским диалектом греческого, на котором до сих пор говорят в Беотии. Тем самым Афанант оказывается образом могущественного первозданного Адама, *первого Адама*, противопоставляемого святым Павлом *второму Адаму*. *Первочеловек был создан Богом из красной земли или красной глины*, и это полностью совпадает с тем, что говорит в своём *Dictionarium*'е учёный Амвросий Калепин (Ambrosius Calepinus) о греческом значении слова *Адам*: «Idem est quod Ruber, quoniam à rubra terra factus est. — Он потому красен, что сотворён из красной земли».

Ветер — движение воздуха, управляемое луной. Возникшее ещё до второй четверти XX столетия общепринятое научное объяснение этого явления, основанное на учёте температурных перепадов морей и материков, не является исчерпывающим. Не менее важна теория центрального флюидического ядра земных недр, еле заметное медленное угасание которого неотвратимо приближает нас к белой и ледяной смерти. Образ её — застывшая улыбка полной луны в ясные ночи.

XXVI. *Atalanta Fugiens* (эмблема 1)

Со своей стороны, будучи единственным прямым учеником Фулканелли, я имел счастье, стоя рядом с Мастером, созерцать эту жирную субстанцию ржавого цвета. Именно благодаря этому чудесному эксперименту и его объяснению, которое давал мой Учитель, мне удалось недавно выделить драгоценную солёную и вязкую глину Книги Бытия.

Жену Афаманта, Нефелу (Néphélé), то есть первоначальное хаотическое и облачное (nébuleux) состояние *субъекта мудрецов*, сменяет его вторая жена, Инó — символизирующая медленное превращение этой материи в совершенную свою форму — в желанный мех — руно. Но если имя Нефélη обозначает *облако* или *туман*, окутывающий тайну ея брака или *соединения*, то другое его значение — *тенета*, *невод*, *тончайшая сеть*. Герметические философы также любят использовать мифологическое иносказание о влюблённых Марсе и Венере, застигнутых врасплох Вулканом: оно подчёркивает действие ртути, также называемого *магнетизмом* или *магнитом* по уловлению *стали* (acier), подобное улову *рыбы* с помощью *сети*.

Если этих указаний недостаточно, вспомним о безумии Нефелы, *освобождённой Вакхом* (Дионисом), то есть о летучем состоянии *вещи*, а также солевой добавке, всегда извлекаемой из вина — возбuditеля опьянения. *Субъект мудрецов* — это и есть *безумец* Великого Делания, помещённый во главе двадцати двух карт *таро*, при том, что сам он — свободный от числа, лишённый своего номера тайный меркурий, подлинный художник. Вот почему эта фигура часто называется также *философом* или *алхимиком*.

Главная дымовая труба Дворца Жака Кёра (Palais Jacques-Coeur) в Бурже украшена лепным изображением этого *безумца*, легко узнаваемого по натянутому до ушей дурацкому колпаку и рту, запёртому на замок. Дурак этот несомненно *художник* или *алхимик*, чрез коего действует *безумное Божие* или *буге мира*, в котором, по словам апостола Павла, пребывает подлинная *мудрость*. А замок на устах — это обет молчания; именно о его хранении *серебряных дел мастер* Карла VII не без юмора проговорил:

«В закрытую пасть мухе не попасть».

Плод соединения Афаманта и Нефелы, Фрикс — проявление *Философского компоста* в первое мгновение его появления при странных и загадочных металлических родах, совершающихся на кипящей поверхности раскалённого раствора. Имя *Фрикса*, Phrixos, Φρίξος, происходит от Phrix, Φρίξ, *фрикция*, *содрогание колеблющейся поверхности*, а также *волна*, *вал*. После рождения Фрикса Нефела исчезает, уступая своё место Инó — воплощению ртути, очищенного путём возгонки. Целью этой операции, которую Филалет называет *летучие орлы* (aigles volantes), является действие, чьё греческое название совпадает с именем Инó: Ινῶ, *Inao*, *очищать*, *извергать*, *сливать*. Впечатляющий орёл с покрытой капюшоном головой, легко отыскиваемый в ряду химер на внешней галерее Собора Владычицы Нашей в Париже, с очевидностью соотносится именно с этим аспектом философской науки.

В свою очередь, не лишено смысла некое нарочитое упоминание мифологических родителей Нефелы, в то время, как для второй жены Афаманта они указаны: Инó — дочь *Кадма* (Cadmos) и *Гармонии* (Harmonie), что в алхимии, согласно всем добрым авторам, соответствует их *кадмию* (чёрной земле) и их *соли армоньяку* (sel harmoniac). Благодаря последней философская работа может называться также *музыкальным искусством*, без коего в ходе Великого Делания невозможно ни одно соединение. На шестой гравюре из *Двенадцати Ключей Любомудрия* Василия Валентина изображено действие этой *соединяющей соли* (sel d'harmonie) или, кабалистически, *печати* (scel)^{93*} под видом увенчанного митрой епископа, венчающего философский брак царя и царицы. Кроме того, среди алхимиков эта соль называется *верным слугой*, *посредницей*, *не остающейся в соединении*.

Эту *соль армоньяк*, которую не следует отождествлять с *аммиачной солью* (sel ammoniac), то есть хлоридом аммония, мы вновь находим на рисунке Михаила Майера под видом самого Альберта Великого в митре и плаще, с жезлом в левой руке. Правую же рукой он благословляет и указывает на два соединённых потока, два лица философского ребиса (rebis), то есть *двойное-диной вещи*. Перед вами гравюра из книги о *Символах золота за столом двенадцати языков* — «Symbola aurea mensæ duodecim nationum» (Francofurti, 1617),

^{93*} печать — *печь*, *пещь*, то есть место сплавления.

раскрывающая значение их числа:
 «Все сливаются в одно, делимое на два».

Солевой посредник, необходимый при совершении и нерушимом соединении двух супругов Великого Делания.
 XXVII. *Symbola aurea mensæ* (Rebis)

Всеобщий растворитель, доведённый до необходимой степени очищенности, носит в себе зародыш нового минерального бытия; вот почему Инó рождает на свет *Леарха*, созерцание имени которого раскрывает два греческих существительных: *Λέα*, *Léa*, камень и *ἀρχή*, *arkhê*, начало, принцип. Жертвоприношение Афаната, разбившего Леарха о камень, упрощённо аналогично образу избияния невинных, использованному благочестивым Николаем Фламельем в его *Книге Фигур Иероглифических*, под покровом которых лежит самая великая тайна делания. Причиной свершившейся драмы была преступная любовь Инó к ея пасынку Фриксу, повергшая юношу в бегство. Так же во время алхимической работы

чистая материя отделяется от гниющей массы, бежит всякой опасности и поднимается на поверхность, ведо́мая новым и тонким телом, подобным по совершенству самой этой материи. Гермес, обращаясь к *сынам ведения (fils de sciens)* в своей *Изумрудной Скрижали*, советует:

«С великим умением отдели землю от огня, тонкое от плотного».

Образ этого разделения — *Златорунный баран*, чья чудесная *шкура* была предметом вожделения *Аргонавтов* и их решимости на опасное путешествие. Попытаемся исследовать имя загадочного животного — *Chrysomelle*, — этимологически разложив его следующим образом: Χρυσός, *Khrisos*, *золото*, и μήλον, *mêlon*, — как *баран*, так и *яблоко*. Небезынтересно, что символами златорунного барана являются *золотые яблоки* сада Гесперид:

«Золотое руно (согласно Большой Энциклопедии) есть материя, используемая при Философском Делании, а также символическое имя философского камня»⁹⁴.

Достойно упоминания и то, что Златорунный баран — плод любви Нептуна (Посейдона) и несравненной красоты *девственницы*, ради которой само морское божество обратилось в овна, дабы принять вид животного мужского пола. Так тем более, не исполнено ли особого значения само имя девушки — *Феофания (Théophanie)*! Не прямо ли указывает это слово на небесное откровение, божественное рождение, чудесное проявление чудесного? Мы знаем, что праздник Богоявления — *Epiphanie* — как День поклонения Царей-волхвов, в древности назывался Теофанией. Существительное *θεοφάνεια, théophania* означает явление божества в человеческом образе, то есть для нас, *огненно-световую эманацию в материально-осязаемой форме*. По крайней мере, мы очень высоко ценим водное и меркуриальное естество нашего барана, *отпрыска морского божества*, ибо оно оживляет *всеобщий дух*, световой и звёздный знак коего предстаёт пред художником во время работы. Внимательные читатели пусть взглянутся во второй иносказательный рисунок из *Зеркала Истины*! Это она, чудесная звезда, представшая взорам волхвов в начале прошлого тысячелетия, светом своим озарила ночное небо Иудеи.

«На языке Адептов, — уточнял Фулканелли, — *Золотое Руно* есть как приготовленная к Деланию материя, так и его конечная цель».

Иасонов трофей — альфа и омега работы, символизирующая и начальную материю, и ту же самую материю, доведённую чрез утончение до стадии *Лекарства* в конце операций. Это физический восстановитель, дающий новонаначальному Адепту тройную силу *знания, здоровья и богатства*. Вот почему греческие поэты утверждали, будто бы Зевс (Zeus) — другие называли Ареса^{95*} — дарует человеку, владеющему Золотым Руном, несметные сокровища.

Воздушное путешествие — бегство Фрикса и его сестры на златорунном баране — вменено оперативной фазе получения *эликсира* (ἥλιος, *êlios, soleil, солнце* и ἰξίς, *ixis, прибытие, место прибытия*), отворяющего *солнце, запечатанное звездой* — (*le soleil caché sous l'étoile*) — «latet sol in sidere» — то есть уединённое и устойчивое металлическое зерно. Во время полёта Гелла, сестра Фрикса, падает в море — это свидетельство чисто духовной, огненно-сульфурной сущности «местоприбытия». Вместе с нею в недрах философского *ребиса*, переходящего в состояние *лекарства второго порядка* и освобождённого от разрушительных, мешающих восхищению водных добавок, исчезает всё грубое и опаляемое.

Этот металлический дух, тесно и тайно связанный с новой, хрустально-стекольной и светопроницаемой плотью, в которой раскрывается звуковое и световое пространство последней варки, дух, всего лишённый и почти утративший опору, становится теперь только хранилищем пятой сущности, органом восприятия всяческого божественного достоинства. Мы были счастливы, стоя восхищённым зрителем возле печи нашего Мастера, созерцать это

⁹⁴ В *Исходе* читаем, что скиния была покрыта покровом от кож овних червлёных (XXVI, 14; XXXVI, 19).

⁹⁵ * Ares — анаграмматически *Сера*.

стекло, *проницаемое* медленно сменяющимися друг друга оттенками цветоперехода философской призмы. При этом в самой печи температура была не столь уж высока, равно как, что не менее интересно, относительно слабым был и нагрев самой чудесной субстанции *кристалла, хрусталя, Христовой соли, sel de Christ* (Χριστῶν, *Kristou* и ἄλς — *Cristal*), о которой столь мудро сказано на странице 82 из *Философских обителей*⁹⁶.

Совершенное Фриксом жертвоприношение Златорунного барана Юпитеру — иносказание окончания огромной работы, ход которой мы излагаем очень кратко. Во знамение этой жертвы юноша вешает драгоценное *Золотое руно* на ветви *дуба* возле устья реки *Фасис*. Phasis (Phasis — указание, *видение, явление*). Дуб — символ чёрного и грубого первоначального минерала, наделяемого древними чертами *Люцифера* с отверстою пастью, в то время как роскошный бараний мех — внешнее проявление чудесного деятеля, созидającego чаемый плод алхимической работы⁹⁷.

Отметим, что греческим омонимом французского *chêne* (дуб), хотя и без характерного прищипывания лангдойля является Χήν, *khên* — *гусь*⁹⁸, а корень Χαίνω, *khainô* означает *открываться, отворяться* (подобно старому дуплистому дубу Николая Фламелья), *зиять, широко открывать рот*.

Вспомним теперь, что рассказывает Фулканелли о голове дьявола из Собора Владычицы Нашей в Париже, которую народ называл *Мастер Пётр Краеугольный*⁹⁹. Эта голова с широко отверстой глоткой, расположенная на углу хоров, — не что иное, как иероглифическая фигура *тьмы над бездной, хаоса* первого порядка (primordial), при творении сохранённого Богом на земле для «людей доброй воли». Вот почему греческое *хаос*, Χάος, производное от корня *khainô* означает не только *смешение стихий, тьму, сумерки*, но также и *огромное отверстие, бездну*; в то же время это и таинственный, незаходимый мрак в ведении, отверстый в Вифлееме Иудейском волхвам и пастухам, созерцающим Рождество сáмого малого Дитяти.

⁹⁶ Paris, Jean Shemit, 1930. Эта книга, вместе с предыдущей озаглавленная *Тайны готических соборов* — *Le Mystère des Cathédrales*, содержит все записи и заметки нашего мастера, оставленные им перед уходом, кроме тех, что вошли в его последний труд *Finis Gloriæ Mundi*, призванный завершить трилогию Фулканелли. Réimp. chez Jean-Jacques Pauvert.

⁹⁷ Та же самая идея соединения первоначальной материи и окончательного драгоценного камня (*gemme* — также сапфир, почка, сосновая смола — перев.), *чёрного и красного*, когда-то вдохновляла строителей Собора Владычицы Нашей в Париже. На левом портале, на углу Моныстырской улицы (du Cloître) легко увидеть фигуру *ворона (corbeau)*, чей взгляд и клюв устремлены в некую тайную точку строения. Там, в тайнике, покоится частица *философского камня*, в точном соответствии со средневековой традицией, настаивающей на том, чтобы всякий новый храм, вне зависимости от его значения, был поставлен в строгом соответствии со словами Христа: «И Аз же тебе глаголю, яко ты еси Пётр, и на сём камени созижду Церковь Мою, и врата адава не одолеют ей...» (Матф., XVI, 18). — «Ты еси Симон сын Ионин, ты наречёшися *Кифа*, еже скажется Пётр» (Ин., I, 42). Имя *Кифа*, *Céphas*, происходит от κεφαλή, *képhalé*, означающего *голову, главу*, о чём сам первоверховный апостол писал: «...камень, который выбросили (rejetée — удалили, отсеки — перев.) строители, стал главою угла...» (I Петра, II, 7, 8). (Полный церковно-славянский текст: «...камень, егоже небрегоша зиждущии, сей бысть во главу угла, и камень претыкания, и камень соблазна: о немже и претыкаются, Слово противляющиеся, на нези и положении быша — перев.).

⁹⁸ Известно, что философы очень часто использовали эту птицу для обозначения Меркурия (*Тайная Книга древнейшего философа Артефия* — *Le secret Livre du trez-ancien philosophe Artephius*); им была известна *благородная игра в гусыню (le noble jeu de l'oile)*, включавшая в себя такие расклады как *колодец, гостиница, лабиринт, смерть, тьма*, каждый из которых несёт герметический смысл.

⁹⁹ Часто употребляется в женском роде — *хозяйка Петра краеугольная (la maîtresse pierre du coin ou de l'angle)*.

Плодотворное соединение двух овов — небесного и земного — влекомых друг к другу тайным магнитом мудрецов.

XXVIII. 2-я гравюра из *Speculum Veritatis* (баран)

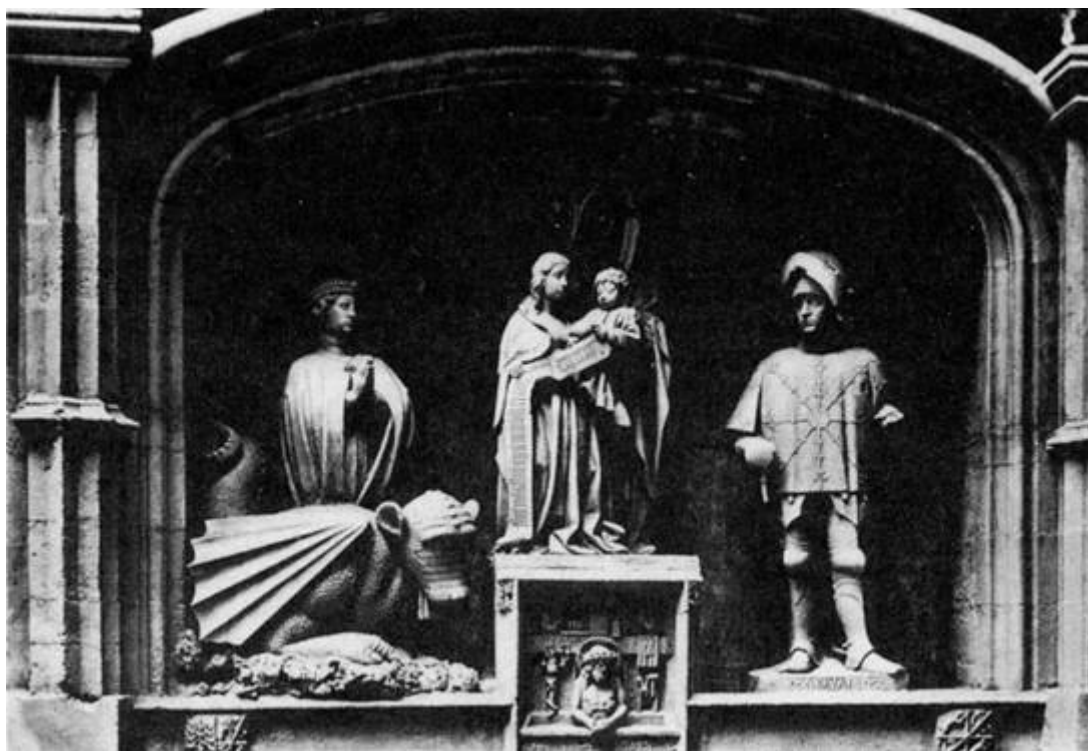

Однако проследуем далее за нашими путешественниками, чьи приключения различными своими обстоятельствами продолжают открывать нам эзотерический смысл их деяния, вдохновляемого и завершаемого обретением чудесного овна и его металлического руна. Всё, что происходит с ними, как мы уже выяснили, — не что иное, как превращения философской материи, вступающие теперь вместе с Иасоном в завершающие и важнейшие фазы *modus operandi*; задачей художника является ныне управление силой действия химических деятелей, усмирение их буйства и сдерживание их бесчинств.

Заметим прежде, что ионийское имя *Иасона* или *Ясона* Ἰάζω, *Iazô* (I произносится как J) несёт два смысла; первый — *говорить на ионийском наречии*¹⁰⁰, а также *стрекотать как птица, болтать, выдавать тайну (jaser)*, второй — *обретать фиолетовую окраску*. Ко второму значению мы ещё вернёмся, а пока да позволит нам читатель обратить внимание на первое и указать на фонетическую кабалу, происшедшую, без сомнения, из первоначального греческого языка, как на основу древнего магического искусства *Медеи* (*Médée*, Μεδεον, *Medeon*, *тот, кто ответственен, кто царствует*, то есть *глава, голова, мастер*).

Без мудрых советов и помощи дочери Эета, царя Колхиды, Иасон никогда не смог бы осуществить своего замысла, так же, как и Тесей не выбрался бы из критского лабиринта без помощи Ариадны. Благодаря Медее, Иасон обрёл несомненное ведение, от нея он получил также чудодейственную огненную воду, на коей, согласно Фулканелли, основывались таплиерских ритуалы с *бафометом*, то есть *Крещение Премудрости* или *Крещение Смеси Породы* — 1er Baptême de *Métée*, Μήτις, *Métis* (*смесь, смешанная порода, мудрость, искусство*).

¹⁰⁰ Древнейшим из всех известных наречий греческого языка. Его использовал Гомер.

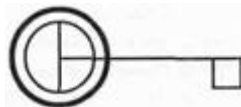
Дева с Младенцем Иисусом, святая Анна, святой Маврикий, святая Марфа и Тараска. Фигура Марфы, торжествующей победу над местным дивом, заставляет вспомнить о символе воина в латах — победителя дракона. Имя святой фонетически связано с богом войны Марсом (в родительном падеже Martis), то есть алхимическим железом.

XXIX. Экс-ан-Прованс. Собор Святого Спасителя. Запрестольный рельеф-ниша. 1470 г. Тараска

Как бы там ни было, опыт, пережитый сыном Эета, странным образом напоминает всё то, что описано достойнейшим Килиани (Cyliani) в его маленьком, но исполненном премудрости трактате. Пришедший в уныние от своих несчастий, мечтательный алхимик, уснувший *возле корней толстого дуба*, удостоился посещения некоего женского существа, обладающего сверхъестественной силой, *нимфы*, доселе *сокрытой внутри дерева*, и обратившейся к нему с такими словами:

*«Я не прибавлю ничего к твоим несчастьям, я только облегчу их. Сущность моя небесна, мой источник — полярная звезда. Сила моя такова, что всё животворит, я звёздный дух, я подаю жизнь всему, что дышит и произрастает, я всеведуща. Скажи мне, что могу я для тебя сделать?»*¹⁰¹

Как и Медея, это небесное существо кладёт в карман Килиани закупоренный сосуд с жидкостью, необходимой для отверстия дверей дворца, где находятся две священные чаши, *охраняемые драконом*. Отметим в связи с этим, что древние называли *ключом* всякую жидкость, равно как и месячное излияние (*menstrue*), способное осуществить основное растворение. Вот почему знаком *Философского купороса* (*vitriol philosophique*) является металлический предмет, отворяющий замки:

Нимфа Килиани лучше, чем возлюбленная Иасона, разъяснила и открыла своему подопечному полный процесс нашего первоначального делания, которое, по общему мнению всех авторов, трудно, мучительно, даже опасно. Однако она, прежде, чем покинуть Килиани, оставила ему *копьё*, которым он должен будет убить дракона, и такой совет: сначала его с помощью обычного огня нужно сделать красным, а затем погрузить копьё как можно глубже в тело чудовища.

¹⁰¹ Разоблачённый Гермес. Hermès dévoilé. Paris, Chacornac, 1915, p. 15.

Дракон, волшебная вода и копьё — три главных участника — женское, посредствующее и мужское начала — этой химической женитьбы, за которой следует невероятный онтогенез, самое странное из всех порождений.

Жак де Воражин (Jacques de Voragine, Яков-Варяг, Медвежья Пята — ред.) в *Золотой легенде* рассказывает о том, что святая Марфа предприняла такое же морское плавание, предварившее её опасный подвиг, подобный изъяснённому в анализируемом нами здесь профанически-языческом мифе:

«Марфа, брат её Лазарь, сестра её Магдалина и благословенный Максимин, не взяв с собою даже запасов пищи, сели на *корабль без руля и без ветрил*¹⁰² и, *ведомые Самим Спасителем*, высадились в Марселе. Там, в лесу, на левом берегу Роны, жил дракон с усеянным *огромными зубами*¹⁰³ *хвостом*, нападавший на всех путешественников. И, хотя прежде всякий, кто его касался, погибал, Марфа смело вошла в чащу, встала пред чудовищем и, *окропив его святой водой, подняла над ним крест*. Дракон стал *кроток, подобно агнцу*, и местные жители убили его *копьем*».

Это христианское предание нуждается в комментариях; оно, несомненно, связано с языческими мифами определённо герметического происхождения. Уже само имя чудовища, пленённого домоправительницею Иисуса, вызывает в памяти одну из оперативных стадий Делания. Жители окрестных сёл, Тараскона и Бокера, называли дракона (в женском роде) *Тараской* в совершенно очевидной связи со смыслом этого слова в языке эллинов: *Táraξis*, *Taraxis* означает *беспокойство, тревогу, возбуждение*. Мы уже встречали это значение в связи с рождением *Фрикса*. Уместно вспомнить в связи с этим редчайшую книжицу из библиотеки кардинала Мазарини, которая называлась *Del Leño Santo*¹⁰⁴.

Она принадлежит перу Франциска Утончённого (Francisco Delicado, 1525) и дополнена гравированным на дереве фронтисписом, на котором изображено следующее: над Древом возвышается Дева, а по сторонам его — святая Марфа (*hospita Christi*) и святой Иаков Старший. Сестра Марии Магдалины держит в руке *пальмовую ветвь, увенчанную маленьким крестом*, в то время как знаменитая Тараска, лежащая на брюхе, *пожирала младенца*, исчезающего в её глотке.

Вернёмся, однако, к Иасону, который, *усекнув главу дракона (змия)*, обретает способность с помощью чудодейственной воды, оставленной ему Медеей, повелевать двумя нападшими на него быками. Подаренные *Эту Вулканом*, эти ужасные хищники, как и те, которых Геракл укротил на Крите, имели *медные копыта и медные рога; ноздри их и пасти изрыгали огонь*. На этих быках, запряжённых в плуг, Иасон вспахал *Марсово поле*, которое затем засеял зубами дракона. Так и мы можем с помощью двойного огня, обычного и философского, глубоко отворить нашу минеральную землю, дабы спрятать в неё *сульфурный зародыш*, который будет питаться и развиваться в её недрах. Извлечение зубов из глотки поверженного чудовища — тонкое извлечение *металлического семени*, истинной и несгораемой *саламандры*, живущей среди пепла и золы (*cendres*) нашей живой кальцинации. В этом несомненное сходство алхимического труда с полевыми работами — вот почему алхимию часто называют *небесным земледелием*.

Подобно вооружённым воинам, рождающимся из этого посева и яростно

¹⁰² Корабль Аргонавтов также называют *чашей* (*aisseau*); построенный из древесины *говорящих дубов* Додонского леса, он был, по мнению некоторых авторов, *кругл*. В таком случае, не была ли *печать* Храмовников, знак верховенства и власти их Великого Магистра, которую называли *шаром*, всё тою же *чашей, кораблём, дуплистым дубом, микрокосмом* и атрибутом царского достоинства в руке Вечного Отца и великих монархов?

¹⁰³ Подобными зубам дракона, которыми Иасон засеял Марсово поле.

¹⁰⁴ Следует заметить, что название это в переводе с испанского говорит как *О Святом Древе*, так и *О Святой Чаше*: существительное *Leño* несёт два смысла.

истребляющим друг друга, возникает очень важное для нас кипение, управлять которым философ должен предусмотрительно и благоразумно.

Предварительное расчленение облегчает растворение плоти, без которого невозможно никакое ея воссоединение, ни тем более славное восстановление.

XXX. Золотое Руно Соломона Трисмосена (фигура 10)

В тишине, наступившей после битвы, Иасон овладевает *Золотым Руном*, два цвета коего, *белый* и *красный*, соответствуют двум завершающим состояниям *Философского Камня*. Мы не будем, ибо это уже сделал Фулканелли, описывать лечебное и физиологическое действие этой чудесной панацеи, однако приведём, к удовольствию представительниц слабого и прекрасного пола, принадлежащий перу великолепного художника отрывок, посвящённый обновляющему действию на женскую красоту и свежесть Лекарства «в белом»:

«Лекарство сие обладает свойствами преизряднейшими. Когда оно — белый эликсир, то столь полезно дамам, что может обновлять и восстанавливать слабость и разрушения телес их до здоровья, присущего юности, да и обличие каждой из них становится подобно возрасту девятнадцати лет.

Для сего следует приготовить ванну со многими благовонными травами, коими надобно натереть тело, а затем войти в иную ванну, без трав, но с тремя гранулами белого эликсира, растворёнными в полуштофе винного спирта, вылитого в воду. В сей ванне следует пребывать четверть часа, после чего, не вытирая тела, приготовить большой огонь и с его помощью осушить драгоценную жидкость. Исполнив сие, дамы обретут таковую крепость и белизну телесную, каковую даже представить себе невозможно, не испытав опытно»¹⁰⁵.

Всё это имеет прямое отношение к той магической силе, которой Медея оживляла в котле с ароматами человеческое тело и тем помогла Эсону и самому Иасону. Дочь Эета предварительно разрубала жертву на куски; такое предуготовительное разрушение тела чисто иносказательно используется в Великом Делании — это ни что иное, как растворение (солюция), производимое в соответствии с герметическим утверждением о том, что «тот, кто не знает способа разрушения тела, не знает и способа его совершенствования».

¹⁰⁵ Кайо (Cailleau). *Ключ Великого Делания, или Письма ХРАНИТЕЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПЕЧАТИ Башни Ангелов. Clef du Grand Œuvre ou Lettres du SAN-CELRIEN tourangeau*. Paris, 1777, p. 54.

Символически это изображено на фигуре 10 знаменитого трактата Соломона Трисмосена — предшественника Парацельса; изображение выражает сверхвременной смысл — труп, разрубленный на части и обескровленный, тонет в водном потоке.¹⁰⁶

Повторим: восстановленное, оживлённое и прославленное тело образуется только в результате возгонки (сублимации), которая всегда есть решительная и радикальная перемена, «пременение»; мы при этом настаиваем на том, что после освобождения нашей вещи от обречённой на исчезновение несовершенной и дряхлой оболочки, появляется фиолетовый, то есть лучезарный цвет. Вот почему само имя Иасона есть *jason*, то есть *лиловый* или *фиолетовый*, цвет, составленный из двух крайних цветов нашей работы, *синего* и *красного*, то есть из *меркурия* и *серы*.

Напомним в связи с этим, что *смиренная фиалка* наших широт *цветёт весной*, в мае, и *цветы* этого маленького растения — символа алхимического *ребуса* — *двуполы*. Вот почему вручение *Консistorией семи хранителей весёлого знания (gai savoir)*, ставшей при Людовике XIV *Академией Цветущих Игр*, призовой *Фиалки из чистого золота* победителям герметического турнира происходило именно в мае.¹⁰⁷

Рассказывая о путешествии Аргонавтов в Колхиду, мы, вынужденные ограничить объём нашего исследования исключительно самим Золотым Руном, его происхождением, развитием, а также испытаниями и подвигами его счастливого обладателя, опустили обстоятельства их возвращения домой. Нам пришлось в очень узких пределах, используя образы *завоевывания* и *победы*, разъяснить лишь основные фазы *сухого пути*, то есть *пещного* (de creuset) *действия*, хорошо нам знакомого и приводящего к конечному результату всегда быстрее и легче.

В остальном мы предпочитаем отослать читателя к длинному и скрупулёзному объяснению Дома Антуана-Жозефа Пернети^{108*}, данному им в двух томах, посвящённых плаванью на *Арго*¹⁰⁹. *Влажный путь*, которым следует Бенедиктинец, рассказывающий об этом *опасном путешествии*, имеет множество аналогий с *кратким путём*, ревниво оберегаемым Адептами и часто скрываемым ими под вуалью изложения пути первого.

То же физическое чудо той же древней традиции лежало у истока Ордена Золотого Руна, хотя некоторые его участники, представители *высокого рыцарства (haute chevalerie, высокой конницы)* и говорили порой о ином происхождении своего братства. Однако зачем к рассказам о любовном пыле Филиппа Доброго (Philippe le Bon), основателя ордена, прибавлять абсурдные, если не просто недобросовестные предположения о какой-то торговле шерстью? Да и известным непостоянством храброго Герцога Бургундского нельзя объяснить его таинственный девиз *Иной не будет (Aultre n'auray)*. Ведь если обратить его к женщине, то только к Прекраснейшей из них, Самой Деве Марии.

¹⁰⁶ *Золотое Руно, или Цветок Сокровищ. La Toisan d'Or ou la Fleyr des Thresors. Paris, Charles Sevestre, 1612.*

¹⁰⁷ Автор старинного трактата не преминул назвать себя по имени двойного алхимического аркана — дуба Фламеня и прекрасной маленькой почки, фиолетовой на изломе, как уточнял Фулканелли: от дуба, господина фиалки. Du Chesne, Sieure de la violette. *Обзор наиболее любопытных и редких секретов, касающихся металлической и минеральной медицины. Recueil des plus curieux et rares secrets touchant la médecine métallique et minérale. Paris, Pizet, 1648.*

^{108*} Dom — указание на монашеский чин.

¹⁰⁹ *Басни египетские и греческие, раскрытые и сведённые к одному и тому же началу, с Изъяснением Иероглифов, также и о Войне Троянской. Les Fables égyptiennes et grecques dévoilées & réduites au même principe, avec une Explication des Hiéroglyphes, et de la Guerre de Troye. A Paris, chez Deladain l'aîné, libraire, rue Saint-Jacques, № 240. M. DCC. LXXXVI.*

Иносказание алхимического посвящения, а также, согласно Сабине Стюарт де Шевалье, философского золота и его возрождения; это духовное золото, более чистое, чем то, что мы находим в рудниках, «художник ведением своим возвысил до наивысшей степени великолепия, о чём свидетельствует тройная корона».

XXXI. Сабина Стюарт де Шевалье. Триумф Адепта

Не внемля ли призыву Матери Спасителя и святого Андрея, создал Филипп Добрый самый знаменитый в христианском мире орден, эзотерическим смыслом которого была битва конного со змием¹¹⁰, которая происходит рядом со смоковницей, одним из любимейших образов христианской традиции? Латинская надпись объясняет всю сцену, выявляя её алхимический смысл: «Ante ferit quam flamma micat» — *наносит удар прежде, чем огонь возгорится*. Второе изречение «Pretium laborum non vile» указывает, что шкура барана,

¹¹⁰ На прекрасном, втором слева, витраже XVI века в церкви Монморанси (Сена-и-Уаза, Sene-et-Oise), приписываемом Принцу Энгеррану (Enguerrand le Prince), при входе в крайний портал можно легко найти драгоценное герметическое сокровище — изображение императора Карла V с Золотым Руном на шее. В правой руке монарх держит огромный меч, в левой — державу, то есть мировую сферу.

К сожалению, этот великий князь, опытный в политике, обладающий гибким умом, огромной волей и способностью к самоконтролю, дал увлечь себя сомнительным и просто ложным идеям, дожившим до наших дней, идеям, доведённым Вольтером до логической крайности.

висящая на ветвях и есть *та награда, которая полагается за труды*; ея возвещает изображённый на второй гравюре Сабины Стюарт де Шевалье ангел, возлагающий лавровый венец на уже коронованную главу алхимика, который только что поразил трёхглавого дракона своею шпагой.

Мы также надеемся на такую победу, надеемся без чрезмерного энтузиазма и стерильной посмешности, и мы действительно счастливы, если на этих нескольких страницах сумели очертить всю ея бесконечную ценность и верховную неотмирность.

Июнь 1936.

Атлантис

ТРИ СТРЕЛЫ ИСКУПЛЕНИЯ

*Что было, тожде есть, еже будет: и что было
сотворённое, тожде иматъ сотворитися: и ничто ново под
солнцем. Иже возглаголет и речёт: се сие ново есть, оуже
бысть во вещех бывших прежде нас.*

Екклесиаст, гл. I, 9 и 10.

Quid est quod fuit? Ipsum quod futurum est. Quid est quod
factum est? Ipsum quod faciendum est.

Nihil sub sole novum, nec valet quisquam dicere: Ecce hoc
recens est; jam enim praecessit in saeculis, quae fuerunt ante nos.

Символика Французской секции Рабочего Интернационала не может не смутить философа, более того, она погружает его в бездну раздумий. Почему французские активисты, по-видимому, меньше всего заботившиеся о смысле своего знака, всё-таки избрали именно его: три стрелы, направленные к солнцу? Какие странные совпадения или неведомые проявления неведомых сил стали причиной того, что наш добрый герметический символ оказался соединённым с ложными эгалитарными теориями современного материализма, подчёркнуто их опровергая?

За последние несколько веков все ценности оказались перевёрнуты и на поверхность всплыла одна единственная идея — так называемого прогресса — печальное соединение родственных между собою либеральных и социальных чаяний, не приносящее никакого подлинного блага и только подчиняющее всё и вся деспотизму чисто количественной псевдонауки.

Но для подлинно *научного* и несомненного доказательства того, что всякий коллективизм есть несомненный враг рода человеческого, его духовного совершенствования и физического благополучия, именно алхимия с ея подлинно аристократическими неизменными законами сурового Естества воистину бесценна.

А потому не нанесён ли этим парадоксальным символическим самораскрытием тайной и всемогущей воли воистину тройной и неумолимый удар по социальным революционерам?

Как бы там ни было, подобные три стрелы когда-то можно было увидеть на витражах XIII века в монастырской церкви обители Якобитов в Париже в приделе святого Фомы Аквинского. Этот доминиканский монастырь, разрушенный в 1790 году, располагался на пересечении улиц Сен-Жак, Суффло, Кюжа и бульвара Сен-Мишель. Именно там жили трое алхимиков с безукоризненной репутацией: Альберт Великий, его ученик святой Фома Аквинский, именуемый *ангельским Доктором* (Doctor Angelicus) и Иоанн из Мэнга (Жан де Менж, его настоящее имя было Клопинель), один из авторов *Романа о Розе*.

Последний из этих трёх, поэт и философ, оставил после себя маленький стихотворный трактат, тонкий и исполненный мудрости, начало которого столь подходит к тому, что мы здесь только что изложили:

ЕСТЕСТВО

*Увы мне, скорбь меня объяла,
Во радость бо ничто ся стало,
Како род помыслию людской
Божией изваян рукой,
Во образ, во подобие,
Творца благоутробия,
Но твари всей преболею
Своею растлен волею,
Жатвы общей сроков не зря,
В даму Рассудка влюблён зря¹¹¹.*

¹¹¹ В книге *Металлическое Превращение: Указания Естества убегающему Алхимику; купно с ответом*

Хотя революционный вандализм и погубил посвященные витражи, мы можем любоваться их точной цветной репродукцией в первом труде Фулканелли¹¹², чем обязаны нашему покойному другу Жюльену Шампаню, с высочайшим мастерством, в красках скопировавшему изображение, сделанное герметиком Шоде (Chaudet) в 1787 году, когда оригинал ещё существовал. Нашим читателям весьма полезно её созерцание. Драгоценный образ был скопирован с чистым сердцем и открытой душой и помещён парижским алхимиком в качестве фронтисписа очень ценной герметической рукописи, снабжённой многими символическими сценами, выполненными акварелью и написанной не им самим, а кем-то из его современников¹¹³.

И, наконец, мы ожидаем, что любитель нашей науки получит изрядное удовольствие также и от созерцания приведённых здесь двух гербовых щитов, гравированных на такой же планшете, которые были приведены в конце *Химической Гармонии* Давида Ланьо (David Lagneau); они оживляют символику полихромного дверного проёма в церкви Якобитов. Эти два герба, отсутствующие в латинском варианте учёнейшего Ланьо, были включены во французское издание неким Вейютилем, которому мы обязаны точным переводом, примечаниями и гравюрой, дополняющей текст.

Кем был этот *Veillutil* или тот, кто скрылся под покровом своего *Полезного бдения* (*Veille utile*)? Не сам ли медик Ланьо? Краткое примечание на первой странице гласит, что «разумение сей науки кабалистическое»; далее следует необычное вступление, из которого мы приводим следующие показательные строки:

«Многие писания таковы, что в них мы найдём три вида разумения сиречь смысла. Первый подобен коже и оболочке и известен каждому, и его именуют Буквальным. Второй способ есть Нравственный или Иносказательный и подобен плоти, сокрытой под кожей и непроницаемой. И есть Таинственно Божественный смысл, некая сокрытая под кожей и плотью кость, и в ней мозг. Таковой способ писания, и не только писания, но и глаголения, всегда был в ходу среди учёнейших, и если вы хотите примеров, то перед вами прежде всего Священное Писание, и Господь наш Иисус Христос только в притчах говорил народу то, что таинственно открыл Своим Ученикам сиречь вам, способным воспринять тайну Царствия Небесного».

Исследователь поймёт особую важность труда Ланьо, предлагающего скрываемую многими авторами разгадку *головоломки* (*puzzle*) ещё более трудной, нежели *детская игра*.

При всех различиях во мнениях и предпочтениях, наиболее уважаемые алхимики всегда едины в определении главной цели работы, что и выражено в названии книги:

«Harmonia seu Consensus Philosophorum Chemicorum, maximo cum labore & diligentia in ordinem digestus, & a nemine alio hac methodo distributus» — *Гармония, или Согласие Химических Философов, достигнутые и установленные с помощью этого метода огромными трудами и усилиями*¹¹⁴.

Вполне вероятно, как мы и полагаем, что мастером, который на свой родной язык переложил исследование о Тесее и нити Ариадны и снабдил его блестящими и пространными комментариями, был именно Давид Ланьо. Если только не существует ещё одного неизвестного нам издания, озаглавленного:

Мистическая Гармония, или Согласие Химических Философов, с приложением Схолий

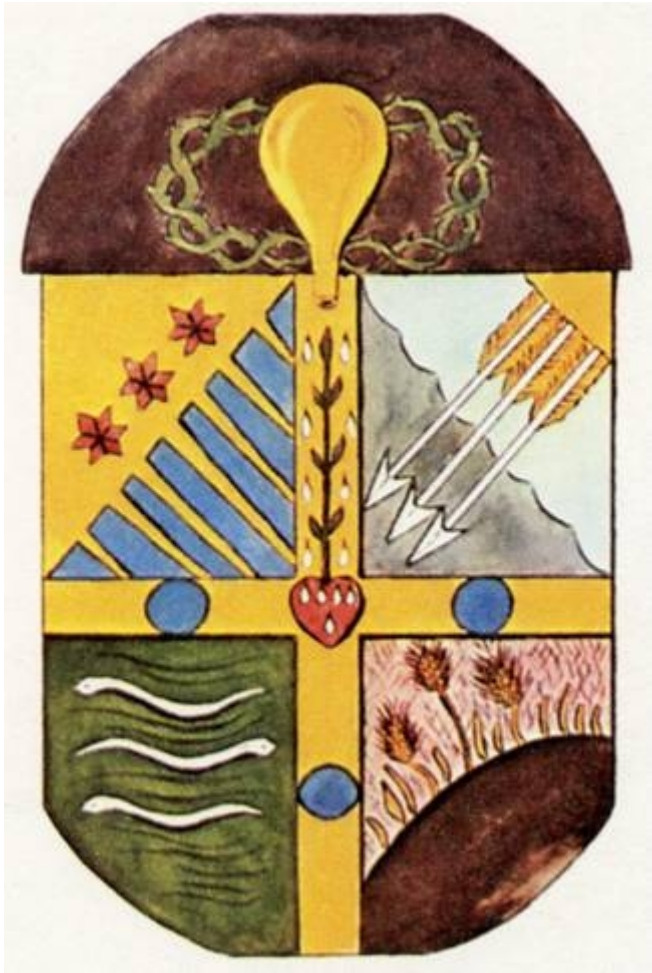
¹¹² *Le Mystère des Cathédrales*. Paris, Jean Schemit, 1926.

¹¹³ *Таинственное Пламя Герметических Философов, составленное из двадцати одной таблицы фигур иероглифических, выполненных естественными и тайными красителями с объяснениями, данными Чадам Искусства ради лёгкости понимания при осуществлении и усовершенствовании Великого Делания. Сочинено Другом Истины.*

Flambeau misterieux des Philosophes Hermetiques, composé de vingt et une planches, en figures hieroglyphiques, peintes en couleurs naturelles et occultes avec l'explication des sujets pour la facilité et intelligence des Enfants de l'art, en la conduite et perfection du Grand Œuvre. Par un Amateur de la Vérité.

¹¹⁴ Parisiis. Apud Claudium Morelium, via Iacobæa, ad insigne Fontis. M. DC. XI — *A Paris. Chez Claude Morel, rue Jacob, a l'enseigne de la Fontaine.*

на труднейшие положения Авторов и ссылками на их имена на последующих страницах¹¹⁵.

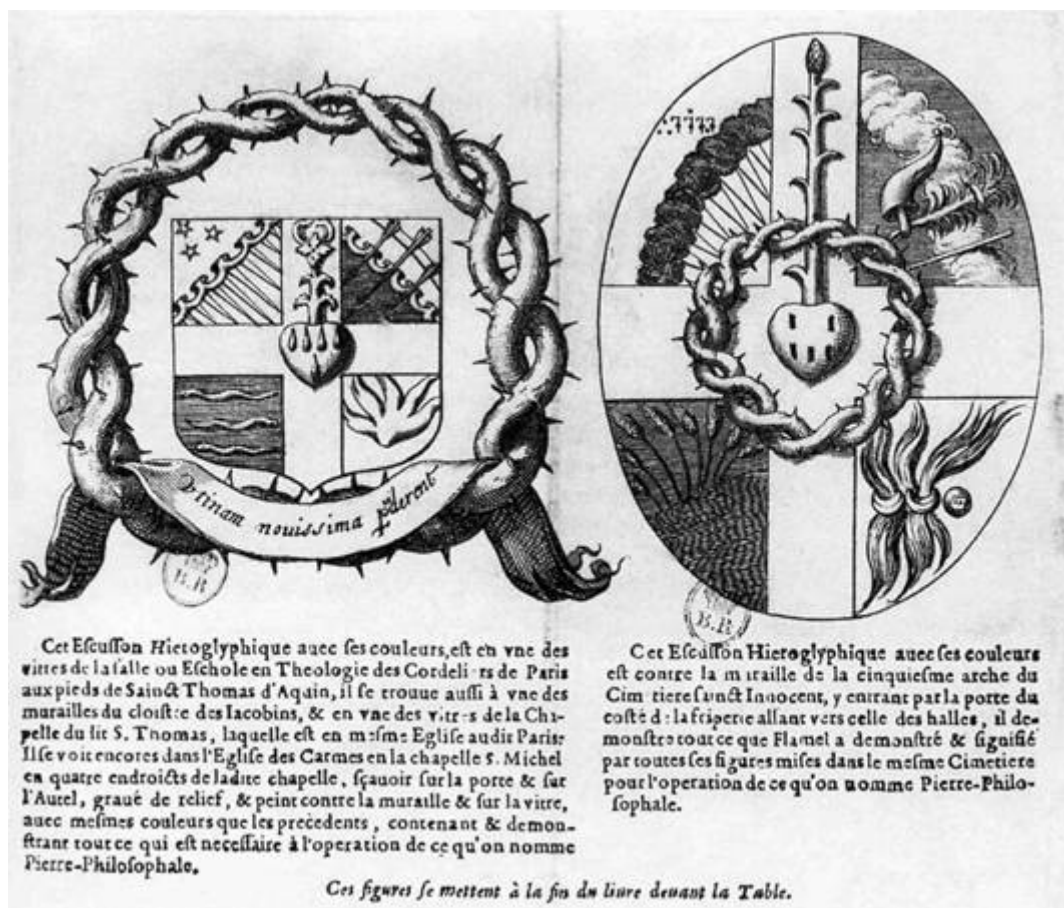
Трёх стрелам — трём гвоздям распятия — соответствуют три звезды; они возникают при потрясении поверхности первого компоста, подобно тому, как в стекле появляются трещины от пулевой дыры.

XXXII. Витраж монастыря Якобитов (рисунок Шоде)

¹¹⁵ A Paris, chez Melchior Mondiere, en la Cour du Palais pres la Chapelle Sainct Michel ioignant le bastiment neuf du Thresor. M. DC. XXXVI.

Вот что мы читаем после заглавия:

«Всякий, кто познал единомыслие и согласие Философов, говорящий об этой вещи, достоин восхищённого уважения, и многие, увы, более послушны слепому мнению людскому, нежели изучению истины».

Надписи под гербами.

I. Этот цветной Иероглифический Герб находится на одном из витражей Францисканской Богословской Школы имени святого Фомы Аквинского в Париже; его также можно обнаружить на стене монастыря святого Иакова и на витраже придела того же святого Фомы в той же Церкви в Париже, а в Церкви Кармелитов в приделе святого Михаила и ещё в четырёх местах этой Церкви, а именно на двери, над главным Алтарём, где изображение сначала рельефное, далее — написанное маслом на стенной росписи и стеклянное — на витражном окне — в тех же самых цветах; герб указывает на всё необходимое для производства того, что называют Философским Камнем.

II. Этот цветной Иероглифический Герб находится на стене пятой арки Кладбища Невинных; его можно увидеть, если идти от лавки старьевщика к рынку, оно содержит всё, что на том же кладбище изобразил Фламель, указывая на всё необходимое, для того, что называют Философским Камнем.

III. Изображение и тексты, указывающие на распространение Иероглифических гербов Давида Ланьо в старом Париже в виде рельефов, фресок и витражей и содержащие множество иносказаний. На одном из гербов в правой оконечности щита изображены черви в недрах некоей жидкости, на другом — спелые злаки, исходящие из земли. Растворение и гниение, необходимые для будущего порождения и произрастания всегда сопровождаются теплом, изображённым слева в виде блуждающего огня.

XXXIII. Щиты Давида Ланьо

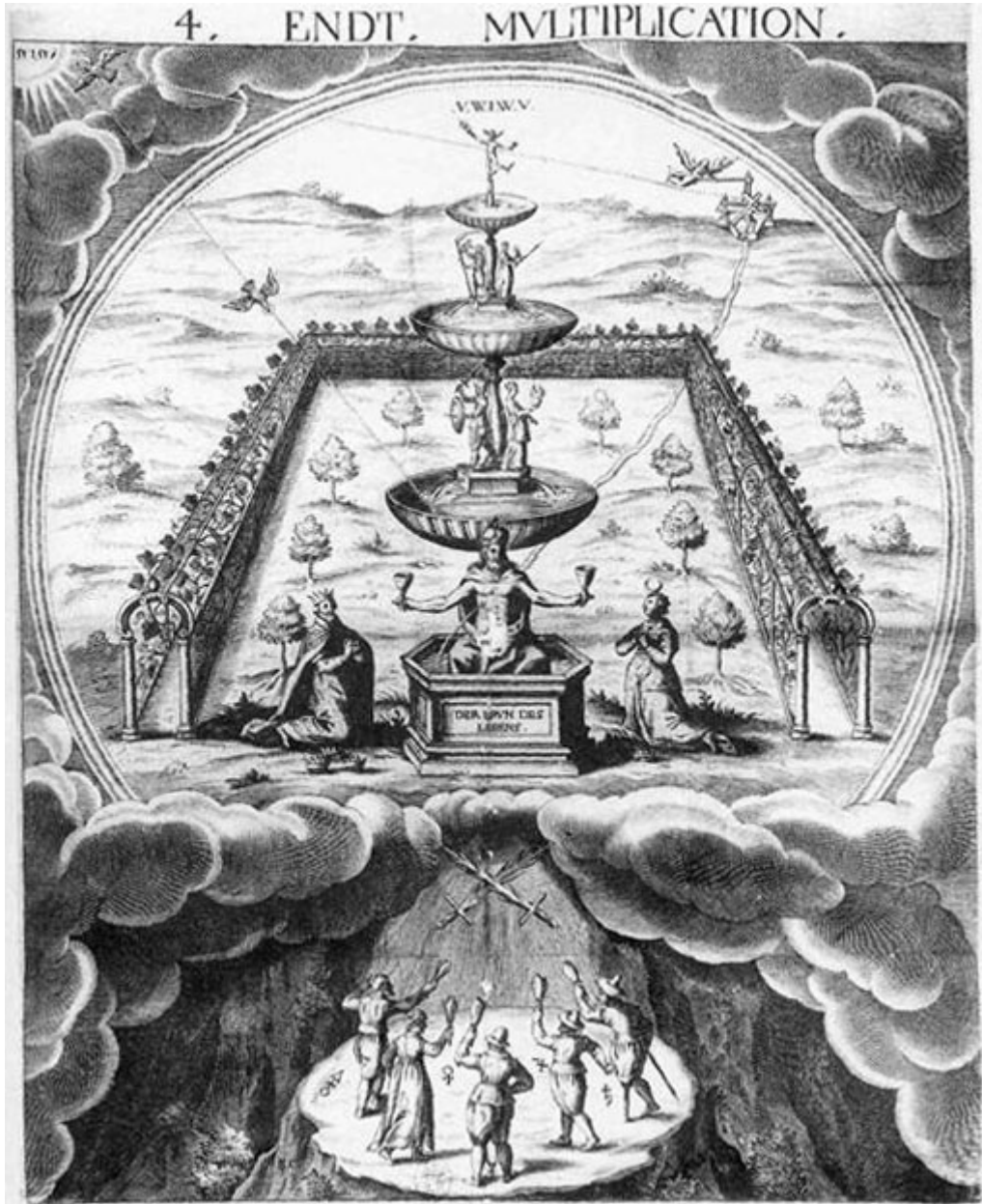

В правом углу щита легко увидеть три наклонённые стрелы, напоминающие трезубец Посейдона, что не могло не привлечь внимания Ланьо, придворного медика Людовика XIII. Это к тому же и *три звезды*, которыми было прибито к кресту изнемогающее тело Иисусово.

В алхимической работе миссия активного мужского начала, проникающего в тяжёлое вещество, именуемое *грубым камнем*, подлежащим обработке, часто изображается копьём или шпагой; один из этих видов оружия, тот или иной, использует *конный* в его битве со *змием*, на что указывал в двух своих трудах наш мастер Фулканелли.

Скипетр морского божества ещё более точен как символ оружия, отворяющего землю

через три деяния, каждое из которых отмечено волшебной звездой; когда они завершены, из-под земли начинает бить ключ, родник с прозрачной и чистой водой. Три последовательных стадии обозначены тремя меркуриальными серебряными змеями на зелёном поле, символами плодородия чёрной земли, что показано на левой оконечности герба в виде полнорельежных колосьев.

Эта гравюра, как и три предыдущих, — замечательное произведение Рафаэля Бальтенса (он же Gustos), напоминающее о двойном потоке, который наполняет баню Царя и Царицы прежде всего сверху справа. Это сок изысканного вкуса, изготовленный в чудесной давяльне.

XXXIV. *Cabala, Speculum Artis & Naturæ* (таблица 4)

Точно так же испустило дух избранное для Боговоплощения тело Иисусово, прибитое ко кресту тремя гвоздями и пронзённое копьём Лонгина (λόγχη, *lonkhè*, *lance*, копьё); из раны же истекли кровь и вода, двойная и драгоценная жидкость, собранная в святую Грааль благообразным Иосифом Аримафейским — именно о ней как о вселенской родительнице говорит Михаэльспахер (Michaelspacherus)^{116*} в четвёртой фигуре своей *Кабалы*.

Этот чудесный родник переполняет радостью сердце опытного и мудрого художника, достигшего этой первой ступени. Алхимическая действительность выражена в верхней части

^{116*} «Michaelspacherus» — «Михаил Рыбак», «Михаил Грешник».

цветного стеклянного герба в виде окружённой *терновником стекляницы*, из которой капля за каплей стекает спасительная влага родника Страстей Христовых.

Чистые слёзы, орошающие кровоточащее Сердце Спасителя, дают рождение *древу жизни* и делают очевидным то, что сокрыто в словах *Изумрудной Скрижали*:

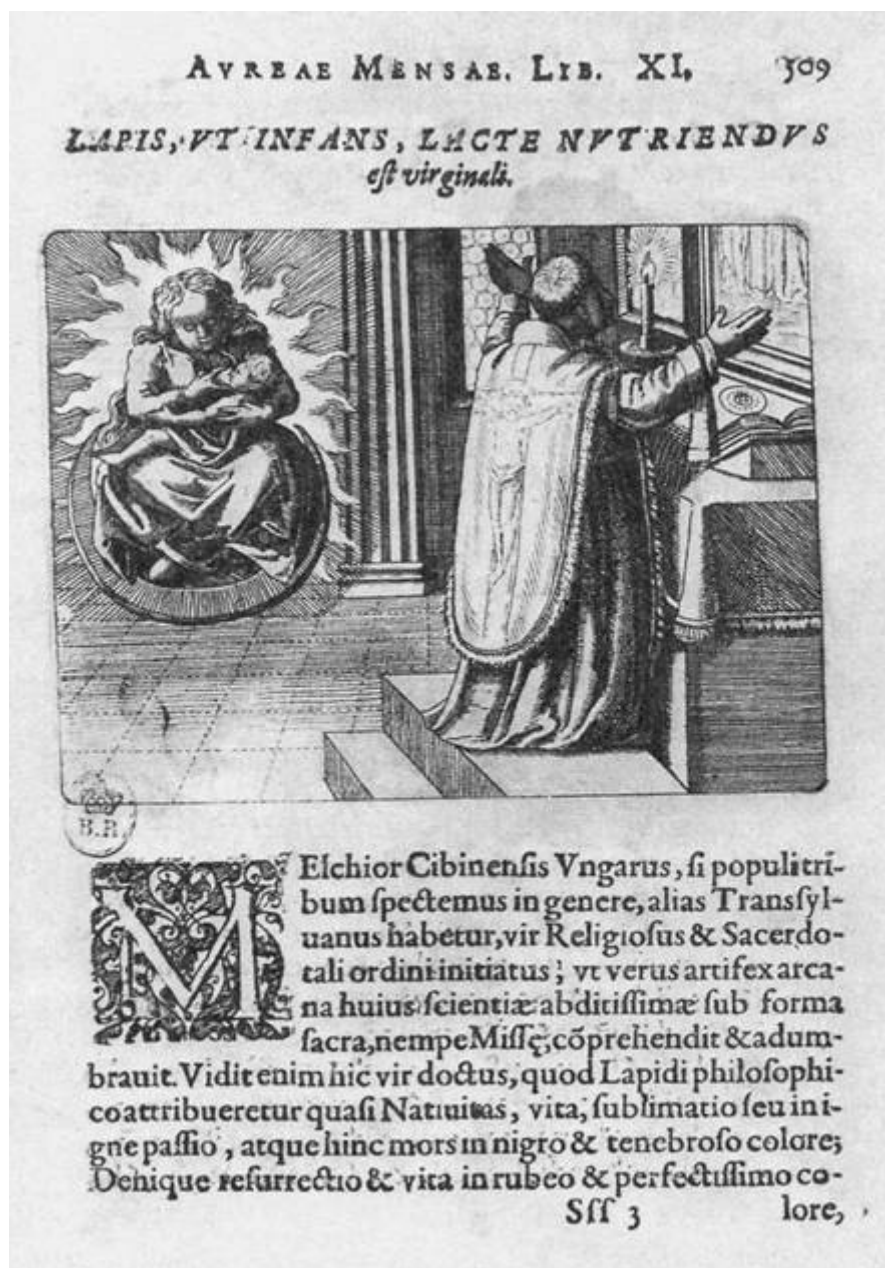
«И подобно тому, как все вещи произойти от единой вещи чрез размышление единой вещи, так все вещи родились от этой единой вещи чрез принятие ея извне¹¹⁷».

Ноябрь 1936.

АТЛАНТИС

¹¹⁷ Et sicut res omnes fuerunt ab uno, meditatione unius: Sic omnes res natæ fuerunt ab una re adaptatione.

АЛХИМИЧЕСКОЕ ДЕЛАНИЕ И СВЯТАЯ МЕССА

Млеко Белой Владычицы, высшая степень материнского восхождения, в полном соответствии с церковным каноном, является также и питанием химического царевича (enfant). Это — *птичье молоко* (*le lait de oiseaux*), *птицемлечник* (*ornitogale*) — предмет высочайшего поклонения как греческих алхимиков, так и Сирано с Фулканелли.

XXXV. Гравюра и текст из *Symbola aurea mensæ* (молоко Девы)

АЛХИМИЧЕСКОЕ ДЕЛАНИЕ И СВЯТАЯ МЕССА

...напоминаю тебе: всегда делай все эти вещи с именем Иисуса Христа.

*Три Книги о Гончарном Искусстве.
Les Trois Livres de l'Art du Potier.*

Многие алхимики по аналогии соотносили свою научную практику с писаниями и ритуалами католической, апостольской и римской Церкви. Среди таковых был и некий средневековый художник, выразительное описание которого нам оставил Михаил Майер. Вот сделанный нами перевод латинского заголовка, раскрывающего неуловимое начало материальных превращений:

КАМЕНЬ, КАК ЦАРЕВИЧ, ДОЛЖЕН БЫТЬ ПИТАЕМ МОЛОКОМ ДЕВЫ^{118*}

«Мельхиор Эрмаништадтский — Вот венгерец, уважаемый отпрыск расы своей, иначе говоря, траисильванец, человек благочестивый, рукоположенный в священный сан; он показал и описал тайны сей сокрытой науки в самых священных образах Мессы. Сей учёный муж рассказал о том, что Философский Камень проходит огненное рождество, житие, страсти и огненную возгонку и, наконец, смерть в полной тьме и незаходимом мраке; но за смертью следует Воскресение и совершенная жизнь в красном. Так житие Камня становится образом Спасения людей, то есть Рождества, Жития, Страстей, Смерти и Воскресения Христова, совершаемых во святой Мессе¹¹⁹».

Выписку из LXXI Псалма об этой небесной жидкости или сухой воде сделал для своего алхимического Требника (Graduel) мастер Мельхиор или Мельхерус, получивший Философский Камень при Фридрихе III Мирном¹²⁰, императоре-алхимике; речь здесь об использованном также святым Иеронимом образе *исхождения*:

«Пойте Богови нашему в гуслах: одевающему небо облаки, оуготовляющему земли дождь: прозябающему на горах траву¹²¹».

Мельхиор, воссылая хвалу нашей вещи, пытается описать неописуемые достоинства этого божественного субъекта, который является как объектом священного жертвоприношения, так и основным субъектом алхимического делания:

«О, блаженный Создатель земли, паче снега убелённый, слаще всякой сладости, бальзамом блистающий в глубине чаши. О, спасительное Лекарство человеков, в самые краткие сроки исцеляющее всякую телесную немощь и продлевающее жизнь; ты обновляешь человеческое естество, обращаешь в бегство нищету, одаряешь богатством, утишаешь грусть и оберегаешь нашу жизнь¹²²».

^{118*} LA PIERRE, COMME L'ENFANT, DOIT ÊTRE NOURRIE DE LAIT VIRGINAL. L'ENFANT имеет двойной смысл — ребёнок, младенец и царевич, инфант. См. предисловие Эжена Канселье к *Двенадцати Ключам Любомудрия* Василия Валентина. Savignie, 1955.

¹¹⁹ Symbola aurea mensæ duodecim nationum, hoc est Hermæ, seu Mercurii festa ab heroibus duodenis selectis, artis chymicæ usu, sapientia & autoritate paribus, celebrata, ad Pyrgolynicen seu adversarium ilium tot annis jactabundum, virgini chemiæ injuriam... Francofurti, impensis L. Jennis, 1617.

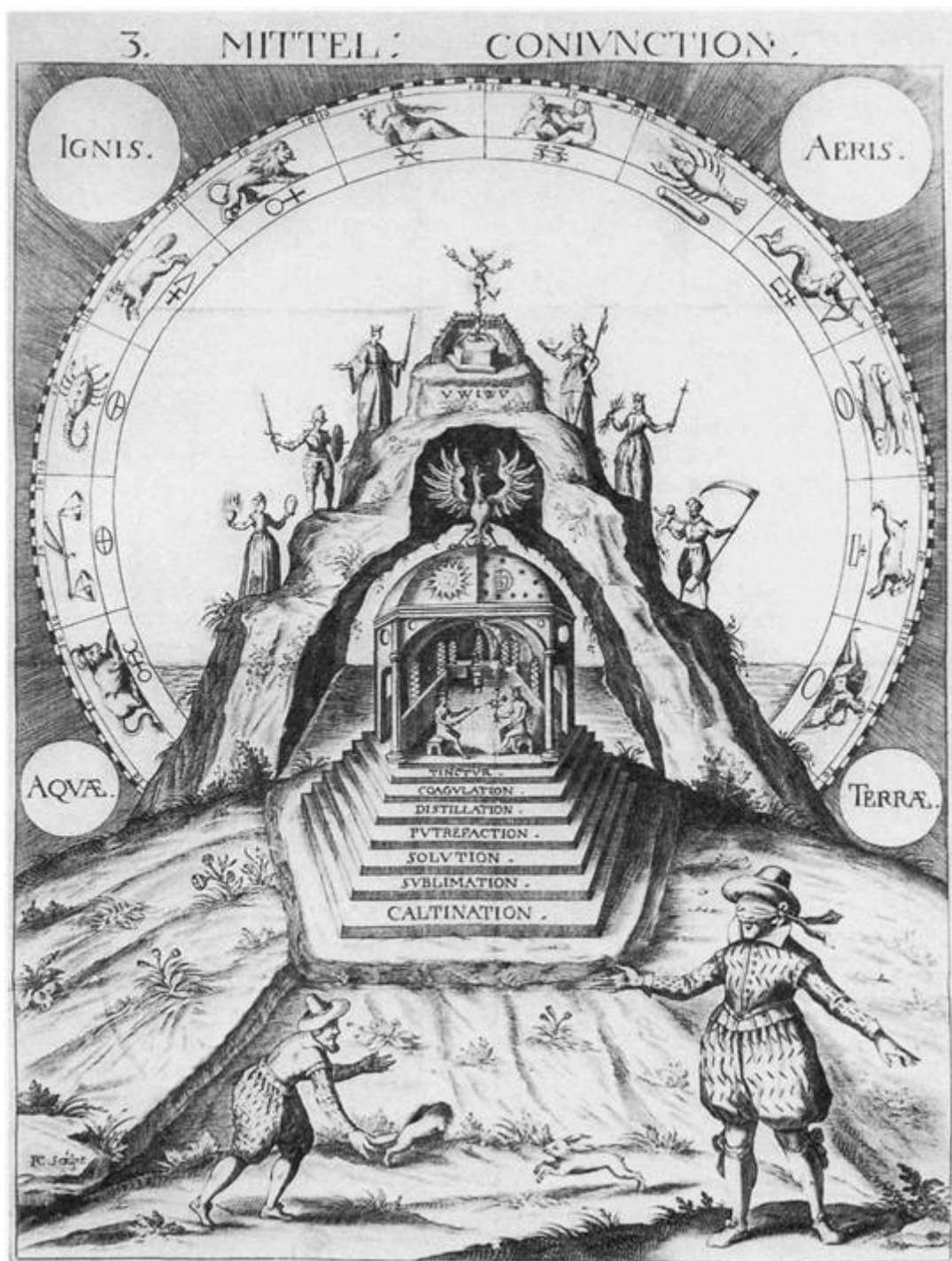
Символы золота за столом двадцати языков, или Праздник Гермеса сиречь Меркурия, празднуемый двенадцатью избранными героями, равными по мудрости и авторитету, в химическом искусстве, составленные Пирголиником или же противником его, который вот уже много лет соделывает неправду против девы химии...

Пирголиник (Pyrgolynic)? Возможно, это имя складывается из Πύργος, Pyrgos, *башня, цитадель* и Πολυνίκης, Polynikes, *тот, кто часто побеждает*: следовательно, речь идёт о том, кто часто побеждает башню.

¹²⁰ Знание об исключительном уме этого германского монарха позволяет нам объяснить отнюдь не властолюбием его девиз Austriae Est Imperare Orbi Universo — *Австрии надлежит править всем миром*, сокращённую запись которого составили гласные буквы A.E.I.O.U.

¹²¹ Versus. Descendit sicut pluvia in vellus, & sicut stillicidia stillantia super terram. Alleluja.

¹²² O felix conditor terræ, nive albior, suavitate dulcior, flagrans in fundo vasis instar balsami. O salutaris Medicina hominum, quæ curas in brevi morula, omnem corporis languorem, & das longævitas vitæ terminum; naturam

На переднем плане — заяц, о котором много писал Фулканелли. У многих людей словно повязка на глазах, они не умеют видеть, некоторые же не боятся охотиться с хорьком на кроликов прямо под алтарём. На возвышении нагие супруг и супруга, ожидающие соединения, для которого им приготовлено ложе у печи.

XXXVI. *Cabala, Speculum Artis & Naturæ* (таблица 3)

Алтарь, на котором священник совершает жертвоприношение, — это тот же самый камень, что воздвиг Моисей во благодарение Богу за совершившееся чудо в Хориве. Скала, которая источает воду, утоляющую жажду людскую.

«...и жезл, имже пресекл еси море, возми в руку твою, и пойдѣ. Аз же стану тамо прежде пришествія Твоего оу камень в Хориве. И оудариши в камень: и изыдет из него вода, и да пѣют людѣе. Сотвори же Моисей тако пред сыны Израилевыми¹²³».

¹²³ ...; & virgam quâ percussisti fluvium, tolle in manu tua, & vade.

En ego stabo ibi coram te, supra petram Horeb; percutiesque petram & exhibit ex ea aqua, ut bibat populus. Fecit

На третьей странице *Кабалы* необычным образом изображён именно путь к алтарю, который был подробно описан Отцами Церкви как *таинственный, духовный, царский, бессмертный, страшный Престол* — всё это в двойном смысле, физическом и нравственном. В таком же двойном смысле следует понимать и запрещение восхождения на гору всем, кроме Божьего служителя, приносящего оттуда *воду живую (eau bénite)* в питье и утешение верным:

«И рече Моисей к Богу: не возмогут людие взыти на гору Синайскую: ты бо заведеша еси нам, глаголя: определи гору и освяти ю»¹²⁴.

В древних трактатах по герметической философии вообще много говорится об этой *огненной воде*, бьющей из горы, de cavernis metallorum. Согласно Гермесу, эта вода исцеляет металлы от их проказы. Космополит следующим образом описывает истечение этой *огненной воды*:

«Я говорил уже, что небесное солнце сообщается с центрическим, ибо небесное солнце и луна обладают единой силой и достоинством лучевого истечения на землю. Так тепло с теплом, соль с солью соединяются. И как центрическое солнце создаёт видимые морские приливы, так солнце небесное тоже в своём море тонких вод порождает прибыль, но неощутимо»¹²⁵.

Для тех же, кто уже начитан в наших старинных авторах, приведём выдержку из *Книги чудес Господа Нашего, Учителя и Спасителя Иисуса Христа*:

«И начала жена начальника просить их (Марию и Иосифа) остановиться в доме ея; и предложила Иосифу доброе угощение, разделённое многими людьми. В полдень же приготовила ванну для омовения Господа Иисуса. Когда же Господа нашего омыли, жена погрузила в воду сию своего сына. И пятна проказы, еюже болен был младенец, исчезли. И возблагодарила жена Господа и рекла: «Блаженна Матерь Иисусова! Како воды, облакавшая плоть Его исцеляют от проказы людей от Его же рода?» И одарила жена Марию богато и проводила с честью великою»¹²⁶.

Всё это та же самая вода, что освящается Церковью в Великую Субботу, накануне Пятидесятницы и в каждое Воскресение. Добавляя в нея щепоть такой же благословенной соли, а затем окропляя верных во очищение их, священник произносит:

«Окропиши мя иссопом, и очищуся, омыеши мя и паче снега убелюся. Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей»¹²⁷.

Невозможно отрицать, если действительно исходить из преемства, постоянства и неизменности осуществляемого Церковью культа, творимого на *священном камне* ея алтаря, краеугольном камне для всех зжидущих, тот непреложный факт, что священник осуществляет высочайшее из всех возможных тайнодействий; образ этого таинства — исполненная внимания *работа* алхимика у *атанора*. Оба они — священник и мастер — ищут Божественной милости, *неотменимо необходимой* во здравие человеков и *сущностно бескорыстной*; оба, хотя и из разных материалов, тайным образом, созидают единое вещество духовного обновления.

Сколь же ошибочна молва, утверждающая, будто алхимики стремятся лишь к искусственному производству золота — ведь истинная их цель — открытие *Всеобщего Лекарства* тройного действия, созидającego *ведение, здравие и богатство!*

¹²⁴ Dixitque Moyses ad Dominum: Non poterit vulgus ascendere in montem Sinai; tu enim testificatus es, & jussisti, dicens: Pone terminos circa montem; à sanctifica illum. *Ibidem*, cap. XIX, 23.

¹²⁵ Dixi etiam solem caelestem habere correspondantiam cum sole centrali, nam sol caelestis & luna peculiarem habent vim & virtutem stillandi per radios suos in terrain. Calor enim calori, sal sali facile iungitur. Et sicuti sol centralis habet suum mare, & aquam crudam perceptibilem, sic sol caelestis habet etiam suum mare, & aquam subtilem & inperceptibilem. *Novum Lumen chymicum*. Coloniae; 1610, p. 60 — *Новый Свет химический*, Кёльн.

¹²⁶ Апокрифические Евангелия. *Евангелие детства*, арабская редакция, перевод и комментарии Пауля Петерса. Paris, August Picard, 1914, p. 20 et 21.

¹²⁷ Asperges me, Domine, hyssopo, & mundabor; lavabis me, et super nivem dealbabor. Miserere mei, Deus, secundum magnam misericordiam tuam.

Гостия — доступное для многих проявление верховного *Лекарства* и не случайно восточные христиане именуют кусочки евхаристического хлеба *угольями*. *Краеугольный камень* Христос для них — *живой уголь*, как и для алхимиков красный камень Великого Делания — *карбункул Мудрецов* (carbunculus, *маленький уголёк*). Не этого ли *горящего угля* коснулись уста пророка Исайи?

«И послан бысть ко мне един от серафимов, и в руке своей имяше оугль горящ, егоже клещами взят от олтаря: и прикоснуса оустнам моим, и рече: се прикоснуса сие оустнам твоим и отимет беззакония твоя, и грехи твоя очистит¹²⁸».

От имени всех верных приносит священник жертву и всем верным раздаёт её в снедь как высочайшее из всех *Лекарств*, алхимик же совершает своё делание в глубоком одиночестве, в иной форме, но точно так же стремясь обрести божественный *дар*, *charis*. Это греческое слово, означающее высшее духовное начало, имеет множество смыслов. Именно его употребляет святой Павел в значении, которое только одно и может быть водителем как священника, так и философа (ввиду отличий церковнославянского и французского вариантов текста приводим также необходимый для понимания мысли Э.Канселье французский текст, а также его подстрочный перевод — перев.):

«Si je parle les langues des hommes et des Anges; d'autre part que je n'aie pas la *charis*, je suis comme un airain sonnante, ou une cymbale retentissante.

Et quand j'aurai connu la prophétie et que j'aurai étudié tous les mystères, et toute science; et quand j'aurai eu toute la foi de manière à ce que je transporte les montagnes, mais que je n'aurai pas eu la *charis*, je ne suis rien» (*Première Epître aux Corinthiens*, ch. XIII).

Подстрочный перевод:

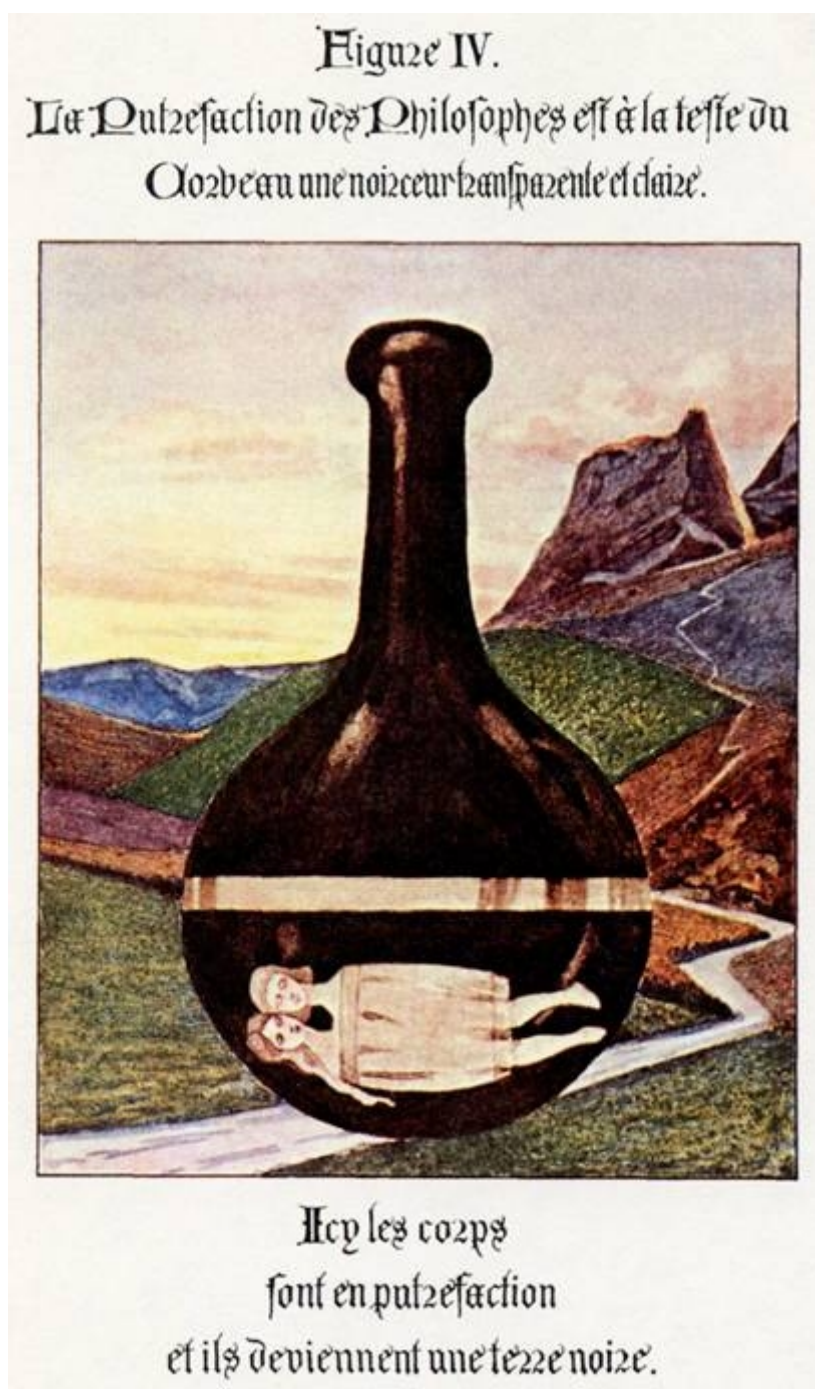
«Если я говорю языками людей и Ангелов, но не имею *дара*, то я подобен меди звенящей и кимвалу бряцающему.

И когда я знаю пророчества и изучил все мистерии и всю науку; и когда пребываю в такой вере, что могу передвигать горы, но не имею *дара*, то я ничто».

«Аще языки человеческими глаголю и аггельскими, любве же не имам, бых яко медь звенящи или кимвал звяцай. И аще имам пророчество, и вею тайны вся и весь разум, и аще имам всю веру, яко и горы преставити, любви же не имам, ничтоже есмь». (I Кор., XIII, 1-3).

Греческие христиане именуют евхаристическое приношение *Дѣров*, *Dôron*, *Дар*, *Святые Дары*. Но этим же словом *Дар* в лучших герметических трудах именуется именно *Философский Камень*, причём тогда, когда он доведён до высшей степени совершенства. В распространённом и дополненном виде это существительное образует заголовок трактата Жоржа Ораша (Georges Aurach), «написанный в Страсбурге и собственноручно раскрашенный в год от Рождества Спасителя искуплённого Им человечества 1415». В январе 1920 года нам удалось быстро скопировать этот труд, он называется *Драгоценнейший Дар Божий*, с великолепной рукописи XVII в., которую нам дали на один день. Затем мы использовали свой собственный экземпляр, который достаточно точно воспроизводит книжную готику XV века с двенадцатью иллюстрациями, сопровождающими текст, и характерной для эпохи акварельной буквицей.

¹²⁸ Et volavit ad me unus de Seraphim, & in manu ejus calculus, quem forcipe tulerat de altari, & tetigit os meum, & dixit: Ecce tetigit hoc labia tua, & auferetur iniquitas tua, & peccatum tuum mundabitur. Esaias. VI, 6 & 7.

Надписи на гравюре:

Сверху: Гниение Philosophов запечатлевается в голове Ворона чернотой прозрачной и ясной.

Снизу: Так тела пребывают в гниении и становятся чёрной землёй.

Дух и плоть вместе вступают в спасительное гниение, что с позиций истин заставляет нас с ужасом и негодованием отвергать практику кремации трупов.

XXXVII. Драгоценнейший Дар Божий (фигура IV)

На пути восхождения к божественному дару, символически изображённому в этой книге, читатель может встретить и созерцать цветную философскую стекляницу в обрамлении естественной природы. Внутри стекляницы — первая и решающая стадия Великого Делания, к которой приступают на четвёртом рисунке и которая продолжается вплоть до седьмого, когда *рождается новый Сын по имени Эликсир*.

Поль Контакт (Paul Contant), родившийся в Пуатье около 1570 года, ботаник, коллекционер и поэт, аптекарь по профессии и, несомненно, алхимик (что следует из его указаний), оставил нам два любопытных труда, великолепных, но малоизвестных; оба они

были напечатаны в его родном городе:

Поэтический Сад и Кабинет. Le Jardin et Cabinet poétique. A Poitiers, par A. Mesnier, 1609.

Второй Эдем. Le Second Eden. A Poitiers, par J. Thoreau et la Vve d'A. Mesnier, 1628.

На фронтисписе второй поэмы мы находим изобилующую символическими смыслами композицию в полную страницу. Эта великолепная гравюра, подписанная *Contant Inventor*, содержит также эпиграф, разбитый среди небольших сценок и прочитываемый как ребус:

ДАРОМ БОЖИИМ УТЕШАЮСЬ
DU DON DE DIEU JE SUIS CONTANT

Проскомидии, то есть *Приношению Даров* под двумя видами, с которого начинается *Евхаристия*, в алхимии соответствует двойная операция *первой работы* — *жертвоприношение земли и меркурия* с их разделением и очистительным расщеплением последнего.

Пресуществление двух видов, в свою очередь, соответствует *сублимации, возгонке*, то есть *второй работе*, которую Филалет называл *летучие орлы*. Такое название связано с тем, что при этой операции происходит *восхождение* тонких и очищенных частей на поверхность *компоста*.

Вот что мы находим в бесценном трактате таинственного английского Адепта:

«Уразумей, Брат, что точное приготовление *Философских Орлов* есть первый уровень совершенства, о чём следует знать и на что направить все силы уразумения...

Об этом понимай, Брат, слова Мудрых, писавших, что их Орлы должны быть приведены до того, чтобы пожрать Льва. При этом чем меньше будет Орлов, тем тяжелее битва, и тем дольше ждать победы; наиболее подходящее число Орлов — семь или девять¹²⁹».

Истекшие из пронзённого копьём Лонгина ребра Христова *кровь* и *вода* образуют Его воскресшую плоть и совершенное соединение сущностей. В алхимии оно соответствует *ребусу (res bis, две вещи)*, возникающему благодаря полному растворению маленькой *рыбы-прилипы* в недрах *философского меркурия*, что заставляет вспомнить о таинственной и странной рыбе гонимых христиан, символическом *Ichthus'e* римских катакомб.

Главным предметом в мистическом тайнодействии Церкви является потир (calice), на происхождение и смысл которого для Мессы нам кажется небесполезным указать.

Потир — таинственная и священная чаша, изготовленная из чистого золота и серебра с позолотой, причём, золото тут металлическое, в то время как чашу алхимическую делают из *небесного золота*, которое мы также называем *зелёного цвета Христово злато (l'or Christique)*. Известно, что даже обычное, физическое золото, если оно истончено до предела или переведено в прозрачный расплав, приобретает на просвет зелёный оттенок. Вот почему самые древние алхимики в своей графике всегда использовали именно *зелёный цвет* для написания христограммы или монограммы Спасителя, составленной из букв X (Chi) и P (Rhô), фонетически образующих слова *Χρυσός, золото* и *Χλωρός, Khloros, зелёный*.

Эта чаша или *калита* становится основным как субъектом, так и объектом тайнодействия священника при его завершении; алхимическим образом ея явления как

¹²⁹ Scias, Frater, quod exacta Aquilarum Philosophorum præparatio primus perfectionis gradus censetur, in quo cognoscendo ingenium requiritur habile...

Intellige ergo, Frater, Sophorum dicta, cum scribunt, Aquilas suas ad Leonem vorandum esse ducendas, quarum quo parciior numerus, eo gravior lucta, tardior item victoria; prætantissimè autem opus perfici septenario numero aut noveno. *Introitus apertus ad occlusum Regis Palatium.* Cap. VII, *De Operatione prima Mercurii Sophici Præparationis, per Aquilas Volantes*; о первой Операции Приготовления Меркурия Мудрости чрез Летучих Орлов, 1 & 2.

вместилища естества (réceptacle de nature), с тончайшим искусством огранённое *изумрудом философов*, скрывааемым старыми авторами под именем *цвета небесного (flos cæli)* или *ностока*. В этой чаше происходит *пресуществление* хлеба и вина в Тело и Кровь Христову на Тайной Вечере Его, и в нея же Кровь Спасителя была собрана благообразным Иосифом из Аримафеи. Легенда, согласно которой *Грааль* была сотворена из изумруда, выпавшего из лба теряющего этот изумруд Люцифера (lux, lucis et fero, я несу свет) при падении восставшего ангела во тьму кромешную, вовне кругов нетварного света, есть символ изначального происхождения и значения этой духовной сущности.

Люцифер — утренняя звезда, Венера Мудрецов, на голове у которой корона со *смарагдовой солью*, столь драгоценной для художника и анаграмматически сокрытой Василием Валентином, учёным бенедиктинцем из Эрфурта, под именем *купороса, vitriol*. Древнее написание этого слова — *vitryol* — предполагает анаграмму *l'or y vit* — в нём обитает золото; это означает, что *философское солнце* заключено в чудесную *смородину*, на «поиски» которой во все времена отправляются *странствующие рыцари*, то есть *конные*.

В строгом соответствии с нашим ведением, священник надевает *белый стихарь (l'aube, утренняя заря)* и *епитрахиль (l'etole, l'etoile, звезда)* — длинную ленту на груди, перепоясанную как *X* — звезда с расходящимися лучами, каноническая *печать* священнодействия.

«И побеждающему и соблюдающему дела моя до конца, дам ему власть на языцех, и оупасет я жезлом железным, яко сосуды скудельничи сокрушаются, якоже и Аз приях от Отца Моего: и дам ему звезду утреннюю¹³⁰».

Мы уже неоднократно говорили, что звезда для художника является отправной точкой и полюсом ориентации, когда он совершает *ручную работу*. Такова же она и для священника, носящего на правой руке *орарь (manipule)*. Именно орарь напоминает о тонких *делах рук (manipulations)* святой Мессы при созидании высшего сверхвещественного чуда точнейшим образом соответствующего всем превращениям в недрах алхимического микрокосма. И так же, как в каждой частице *Философского Камня* всецело пребывает *Spiritus Mundi*, так и всякая самая малая частица *Святых Даров* есть полностью и всецело Сам Христос.

И у алхимика, и у священника таинство это сокрыто широким плащом *Философии*, о котором риза лишь напоминает. Изначально облачение это предполагало ведение, которое требовало двойного обета — обета молчания и тайны. Тогда это одеяние носило название *планета (planeta)*, и его носили как миряне, так и духовенство.

Аналогичную связь между двумя видами магистерия — философского Великого Делания и Святой Мессы — можно проследить в архитектурном ансамбле уже упоминавшегося нами дворца Жака Кёра в Бурже¹³¹. В этом величественном здании, за двумя стрельчатыми дверьми, под сводами пересечённых нервюр, мы находим два живописных изображения ангелов с филактериями. Справа и слева от места, где находился алтарь, мы замечаем две небольшие ниши, прикрытые боковыми стенами.

В каждую из них из узкого оконца через небольшую трубу проникает под углом скудный дневной свет. Место это тихое и тайное, словно созданное для пробуждения вдохновения *художника*, для философских родов, которые, как и всякие роды, требуют сумрака и влаги.

¹³⁰ Откровение святого Иоанна Богослова, II, 26-28.
¹³¹ Этот прекрасный образец гражданской архитектуры XV столетия воспроизведён на заднем плане нового пятидесятифранкового банковского билета; изящная виньетка обрамляет девиз уважаемого финансиста, в который, к сожалению, вплелась орфографическая ошибка. Следует писать cuers, а не ceurs, в соответствии со старинной формой слова *sœur — сердце*.
 ДЛЯ СМЕЛЫХ СЕРДЕЦ НЕТ НЕВОЗМОЖНОГО.
 A VAILLANS CUERS RIENS IMPOSSIBLE

Основная стадия приготовления *благословенной воды* (*l'eau bénite*), источника благости и милости.

XXXVIII. Дворец Жака Кёра. Освящение воды

Должны ли мы поверить распространённому мнению, будто это две молельни — одна для Жака Кёра, другая для его супруги Марсе де Леодепарт, и что эти двое тайком и отдельно друг от друга присутствовали на богослужении? Право же, нелепо предположить, что великий серебряных дел мастер и его благородная супруга — оба могущественные и уважаемые люди — должны были украдкой друг от друга посещать храм в своём собственном роскошном жилище! Не разумнее ли думать, что Жак Кёр, о котором все знали, что он был алхимиком, работал «с двумя горнами», соединяя собственные усилия с молитвой священника в соседнем помещении и тем самым — религиозное со светским, практикуя «двойной эзотеризм» Камня Filosofского и Камня Вселенского?

Даже не касаясь никаких внешних, часто весьма отдалённых по смыслу, условий, все лучшие классики древней науки Гермеса всегда подчёркивали необходимость благословенного и очистительного ритуала, что реально указывает на значение *священного искусства* (*art sacerdotal*).

Вот почему, например, Генрих Кунрат в своём *Амфитеатре Вечной Мудрости* — *Amphitheatrum Sapientiae aeternae, Hanoviae*, 1609, изобразил самого себя стоящим на коленях перед рядом расположенным алтарём и атанором, сопроводив гравюру следующим изречением:

NE LOQUARIS DE DEO ABSQ LUMINE

Ne parle pas de Dieu sans lumière

Не говори о Боге не озарённым

Подчиняясь этому правилу, Жак Кёр ничтоже сумняшеся, установил в своём дворце в Бурже на лестнице, ведущей в его домашнюю молельню, три створчатые двери с герметическо-ритуальными изображениями, могущими одинаково относиться как к Мессе, так и к Великому Деланию.

На левом ставне триптиха, воссоздающего образы *священного искусства*, мы видим приготовление *понтийской воды* (*eau pontique*), призванной соединить обычную ртуть с *тайным огнём*, который во французском варианте книги «*Turba Philosophorum*» именуется ея желанным возлюбленным:

«28. — Боннель (Bonnellus) сказал: Уразумей, что наша вода не обычная вода, но вода постоянная; она не находит себе отдыха в поисках возлюбленного; найдя же его, не медля поглощает; и он и она суть одна вещь, единственная. Она его совершенствует, и он её совершенствует, и никакая вещь более не нужна»¹³².

В Великую Субботу священник снимает чёрную мантию и, последовательно переоблачаясь в белый стихарь, препоясанный епитрахилью, а затем в фиолетовую мантию, символически совершает самое главное превращение. Погружая в воду восковую свечу, он произносит:

«Да снизойдёт на воды сии благодать Святого Духа».

Обратим внимание на то, сколь похожа на церковную молитву молитва Мельхиора Цибиненсиса (Melchior Cibirensis), в которой алхимик испрашивает о соединении двух противоположных стихий:

«O fons sublimis ex quo vere scaturit vera aqua vitae, in praedium tuorum fidelium. Alleluja».

«О славный источник, из коего воистину истекают истинные воды жизни во ограждение верных твоих».

«Salve, o caeli jubar speciosum, mundi lumen radiosum; hic cum luna copularis, fit copula martialis. Mercuriique conjunctio»¹³³.

«Спаси, о истечение величественных лучей небесных, сияющий свет мироздания, единый с луной, созданный в брачном соединении Марса и Меркурия».

Вечером того же дня, в навечерие Пасхи, священник благословляет *новый огонь*, причём никогда прямо не указывая на его происхождение. При этом он произносит:

«Deus, qui per Filium tuum, angularem scilicet lapidem, claritatis tuae ignem fidelibus contulisti: production e silice, nostris profuturum usibus, novum hunc ignem sanctifica...»

«Господь и Бог наш, в Сыне Своем камень краеугольный сый, огонь собравый во свет верным Твоим, благослови и освяти огонь сей новый, от камени суший в полезная всяческая людям Твоим».

На описываемом нами рельефе тайнодействователь держит в левой руке *закрытую книгу*, образ девственной материи, которая начнёт плодоносить, когда книга будет *открыта* или *разгнута*. Эта первая стадия работы очень важна, на это указывают раскачивание благовествующего колокола и несение Пасхального *яйца*.

Третий персонаж, слева — будь то человек или олицетворённый грубый металл — большой и нищий, ожидает, что на первый взгляд невозможный союз породит Всеобщее Лекарство во исцеление его многочисленных болезней.

По примеру многих, М. Азе (M. Hazé) в книге *Беррийские Древности и Памятники* (*Antiquités et Monuments du Berry*), описывая рельеф в углублении перед главным колоколом, такой же замечательный по исполнению, как и два других, утверждает, что «эти трое готовят алтарь и всё необходимое для служения мессы».

¹³² Собор Философов, именуемый (sic) Кодекс Истины в Искусстве. В Трёх Трактатах по естественной философии, до сих пор не изданных. *La Turbe des Philosophes qui est appelé (sic) le Code de Vérité en l'Art. Dans Trois Traitez de la Philosophie naturelle, non encores imprimez.* Paris, Jean Sara, 1618. (Э.К.) (*Tourbe* означает также *торф* и *чернь* — перев.).

¹³³ Vide in *Theatre Chémico*, opere citato supra.

Совершив Великое Делание, Жак Кёр сохранил полное спокойствие и скрыл от людей свою радость, в отличие, например, от Килиани, предавшегося ей четыре столетия спустя.

XXXIX. Дворец Жака Кёра (алтарь)

Нам представляется противоположное. Таинственные трое уже всё свершили. Тот, кто справа, возможно, кладёт тяжёлое сукно на квадратный предмет, который может быть как алтарём, так равно и печью. На его стенке мы видим любопытный символ.

Это запечатанная реторта без горлышка и с толстым днищем на которой изображено *сердце*, как бы переходящее в *раковину* и увенчанное *крестом* (*croix*).

Но именно так символически обозначается *сера*, *меркурий* и *печь* (*creuset*, *дупло дуба*), то есть осуществившийся *ребис* или *смесь философов*, готовая принять на себя и в себя действие огня.

В центре склепа, строго по оси свода, стоит человек благородного происхождения в меховом капюшоне, причём на рукаве его висит матерчатая лента, похожая на *орарь* священника. Взгляд его устремлён вперёд и внутрь, в незримое мысленное небо. Третий, стоящий слева, с закрытыми по некоему тайному велению глазами, уходит прочь, ладонью левой руки ощупывая стену — в правой руке у него наполненный деньгами кошелёк.

Сумка, калита, сундук — символ Божьего вознаграждения, обретаемого не путём каких-либо расчётов, но в полном соответствии с тем, что написано святым Павлом в его *Первом Послании к Коринфянам*:

«Не весте ли, яко делающии священная, от святилища ядят; и служащим олтарю, со алтарем делятся¹³⁴».

И ещё одно замечание. В отличие от священнослужения, философская работа не воспрещена также и женщинам; мы знаем два замечательных трактата написанных ими, — первый, очень древний, принадлежит Марии Пророчице¹³⁵, второй, XVIII века, — Сабине Стюарт де Шевалье (Sabine Stuart de Chevalier)¹³⁶. Это, без сомнения, были не обычные

¹³⁴ Nescitis quoniam qui in sacrario operantur, quæ de sacrario sunt, edunt; & qui altari deserviunt, cum altari participant? Cap. IX, v. 13.

¹³⁵ *Mariæ Prophetissæ Practica*. Basilæ, 1572.

¹³⁶ *Речение Философское о Трёх Началах, Животном, Растительном и Минеральном, или Ключ к философскому Святилищу. Ключ сей тот же, каковым Святилище Естества отворяется и его тайны; также с помощью сего ключа уразумеваем Писания знаменитого Василия Валентина и то, что он не был братом уважаемого Ордена Бенедиктинцев; тем самым обретаётся истинное объяснение Двенадесяти Ключей сего*

смертные, но исключительные личности, всецело посвятившие себя герметическим трудам и со смирением нёсшие тяготы нашей работы, жертвуя всем ради её совершенствования.

Более того, мы полагаем, что поиск Истины часто является уделом тех мужчин, которые несут в себе некую склонность к игре, характерную черту женского начала. Три знатные дамы, ведомые маленьким мальчиком, очень похожим на того, который раскачивает колокол, загадочны; присутствовали ли они при алхимической работе, или их сочли недостойными войти в лабораторию и хозяин дома отослал их развлекаться, как отсылают детей?

Святой Павел в 34 стихе 13 главы того же Послания пишет (эти слова объяснили бы мимику их вожатого, его взгляд, движение рук):

«Жёны ваша в церквах да молчат: не повелесе бо им глаголати, но повиноватися, якоже и закон глаголет».

Всё это так. Но не хотел ли Жак Кёр этой сценой намекнуть на некие особые *работы женщин и игры детей*, которые авторы сравнивают с философским трудом? Высказывая такое предположение, сошлёмся на всё того же Иренея Филалета:

«Однажды познав сие, уразумеешь, что всё есть не что иное, как работа женщин и игра детей, иначе говоря, варка. Сие искусство есть наивысшее, и потому Мудрецы (Sophi) хранят его тайну...¹³⁷»

День Всех Святых 1941.

АТЛАНТИС

¹³⁷ Eo namque cognito, totum nil aliud est, quam opus mulierum, ludusque puerorum, hoc est decoquere. Ideo summâ, arte Sophi hoc secretum occultarunt,... Op. cit, Cap. XXIII: De diversis Operis hujus Regiminibus; *О разных Режиммах Работы*, II.

Какую ошибку совершает тот, кто полагает, будто бы молодость, красота, одним словом, женщина несовместима с мудростью и ведением!

XL. Дворец Жака Кёра (три благородные Дамы)

ЭЗОТЕРИКА СЛОВА

Оуразумет же притчу и тёмное слово, речения же премудрых и гадания.

(Книга Притчей Соломоных, 1,6)

Animadvertet parabolam, & interpretationem; verba sapientum, & ænigmata eorum

(*Parabola Salomonis. Cap. I, 6*)

Какая из книг достойна внимания исследователя, содержа в себе всё необходимое для познания и способная вести смиренного читателя по пути Ведения, как не та единственная, как раз-таки и носящая единственное имя собственное всякой Книги — Βιβλίον, Biblion!

При этом под *Библией* мы разумеем прежде всего ея *Древний Завет*, таинственно скрывающий в себе под исторической оболочкой неисчерпаемую сокровищницу посвяtitельных знаний в области эзотерики слова, иначе говоря, кабалы. Для герметика язык чудесных мифологических иносказаний Греции и Египта более ясен, и, казалось бы, более соответствует формулам *всеобщего ведения*, но он же и более внешен, более вовне обращён. И не менее богат, чем *Миф*, разумеется, весь *Новый Завет*, а следом за ним, *апокрифы*, *Жития святых*, *предания*, *фольклор*...

Не забудем, конечно, и собственно герметические книги, то есть вменяемые самому Трижды Великому Вестнику, каковых, по преданиям, было более двадцати тысяч; из них сохранились лишь малые отрывки, частично переведённые Луи Менаром (Louis Menard), поэтом, эрудитом, художником и химиком, одним из отцов фотографии, изобретателем *коллодия*¹³⁸.

Алхимики с большим основанием утвердили, что весь их сверхчеловеческий труд есть образ божественного творения, *шестоднева* или *седмицы седмиц* (*la semaine des semaines*) — hebdomas hebdomadum — в точном соответствии с *Книгой Бытия* по методу аналогии. Моисей во второй из своих книг утверждает о полноте творения следующее:

«Зане в шести днех сотворил Господь небо и землю, море и вся яже в них, и почи в день седмый: сего ради благослови Господь день седмый и освяти его¹³⁹».

А вот что говорит о *великой седмице*, на седьмой день которой почил Демиург от всех дел своих, неизвестный адепт, автор латинского комментария на анонимные итальянские стихи; как сами стихи, так и комментарий были переведены на французский язык B.d.L., Инициалы эти, по-видимому, скрывают Брюно де Лансака, всеми уважаемого старика, жившего в Париже около 1725 года, у которого, согласно аббату Лангле-Дюфренуа, некий господин Аллюи (Halluy) украл рукопись трактата *Сад Богатств Георга Ораша Страсбургского* — *Jardin des Richesses, par Georges Aurach de Strasbourg* — «Hortus Divitiarum Georgio Auracho de Argentina». Вот этот комментарий:

«...Естество, довольное собою в своих числах, полностью удовлетворено появлением таинственного числа семь, что связано с вещами, зависящими от Лунного Шара, бесчисленное множество перемен которого подчинено семёрке. Это магическое число таинственно правит Естеством. Но тайна эта скрыта от неглубоких людей, которые видят лишь телесными очами, довольствуются этим и не стремятся ни к чему иному.

Седмичное число есть одна из великих тайн Философов, позволяющая понять порядок Вселенной; однако, не открывать сию тайну следует, но оставить погребённой в глубоком молчании»¹⁴⁰.

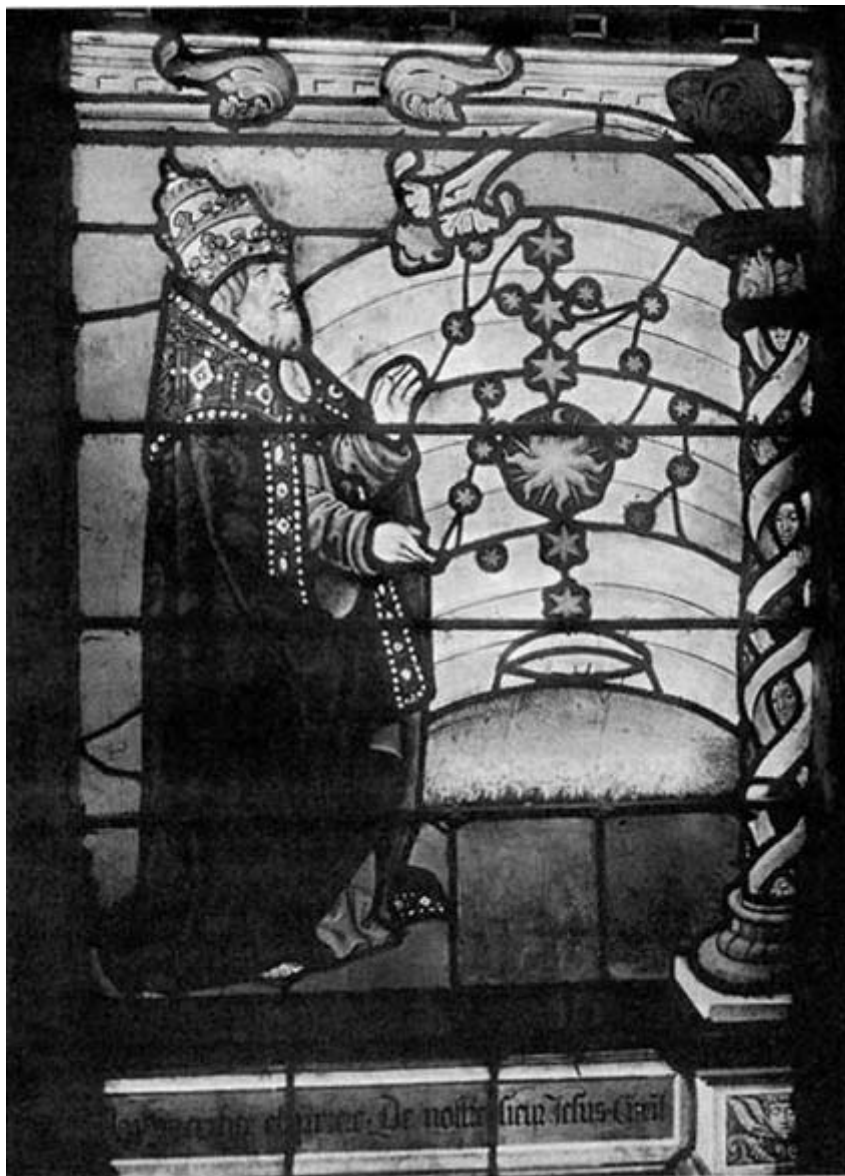
¹³⁸ *Hermès Trismégiste*. Paris, Didier et Cie, 1867.

¹³⁹ Sex enim diebus fecit Dominus caelum & terram, & mare, & omnia quæ in eis sunt, & requievit in die septimo. Idcirco benedixit in Dominus diei sabbati, & sanctis ficavit eum. *Exodus*, cap. XX, 11.

¹⁴⁰ *Свет, самоисходящий из Тьмы, или Истинная Теория Камня Философов, изложенная стихами Итальянскими и расширенная анонимным Автором в форме Комментария*. Всё вместе переведено на Французский язык Б.д.Л.

Иносказание Великого Делания, истолкованное методами сакральной герменевтики, можно опознать, созерцать и изучать в приделе во имя Пресвятой Девы в церкви Марии Магдалины в Труа (Troyes, Троя). Эта церковь — одно из готических чудес нашей древней столицы. Речь идёт о великолепном многоцветном витраже, четыре сектора которого изображают Миротворение.

Мы можем утверждать, что после образования философского яйца, включая его скорлупу, которая есть чаша естества, для третьей стадии сухого пути Великого Делания требуется шесть дней, седьмой же день художник почиет от дел своих.

XLI. Витраж церкви Магдалины в Труа (Troyes, Троя)

На каждом из витражных окон мы видим *художника*, канонически соответствующего образу *Божью*, что подчёркнуто увенчанием его папской тиарой — *triregne*, *трицарственной* — выражающей тройную власть — духовную, физическую и временную; это соответствует и тройному делению науки на Астрологию, Магию и Алхимию. Художник облачён в *фиолетовую ризу* под *малиново-красной* мантией, украшенной золотом и драгоценными камнями. Эти два основных цвета принадлежат герметической *рыбе* (по-гречески ΙΧΘΥΣ, ΙΚΗΤΗΝУS, знаменитой монограмме древнейшего Имени); первый, цвет фиалки, соответствует Его Рождеству, второй, красный — Царскому достоинству.

Четвёртый образ, прилагаемый к нашему изложению, указывает на заключительную

варку Великого Делания, точнее, на порядок *режимов*, то есть последовательность планет в их вращении в соответствии с системой Клавдия Птолемея, единственной, которую признают Адепты, поскольку только она астрологически соответствует философскому микрокосму. Порядок этот таков: самый дальний — Сатурн, а затем Юпитер, Марс, Солнце, Венера, Меркурий и Луна — вписанный в серп курносый профиль, который прожорливо целует выпуклую земную поверхность.

Для обращения по кругу необходим тайный огонь, о котором Космополит писал так:

«Ты имеешь пред собою пример кремня, в коем пребывает огонь, однако пребывает неощутимо и незримо, пока чрез движение этот огонь не появится на свет; так и огонь, в коем пребывает Трисвятая Слава Создателя нашего, не проявляется без воли Трижды Высокого; но, возгревшись, двигается туда, куда его направит Святая Воля. Так верховною волею Создателя совершается движение быстрое и ужасное»¹⁴¹.

Если в обычной науке философский вымысел в разных его видах чаще всего оказывается препятствием, иногда просто обескураживающим, при обнаружении высших начал бытия, то в герметизме всё иначе — этот вымысел сам становится наукой, то есть ведением (*science*), помогающим при тщательном над ним размышлении принимать необходимые решения. В этом случае можно утверждать, что кабала так же соотносится с глоссой, как алгебра с арифметикой.

При этом не следует путать нашу *кабалу* (*cabale*) и чисто гебраическую *каббалу* (*kabbale*); дабы различить их, достаточно указать на различие корнесловия этих понятий: первое происходит от греческого καβάλλης, *kaballés*, то есть *конь* (*cheval*)^{142*}, в то время как второе — от европейского *kabbalha* — *предание* (*tradition*). Правила и обычаи, духовные и мирские, древнего *рыцарства*, *кавалерии* (*chevalerie, cabalerie, cavalerie*) — имеют прямое отношение к кабале, использовавшейся часто в виде загадок, при герметическом воспевании родового герба¹⁴³.

Именно в этом смысле слово *Кабала* употребляется в заголовке латинской книги «Cabala», за которым следуют объяснительные слова «Speculum Artis et Naturæ in Alchimia» — *Зерцало Искусства и Естества в Алхимии*. Эта книга сколь редкая, столь и любимая, в которой *все вещи, созерцаемые и описанные, весьма многочисленные, показаны трудолюбивым любителям благородного искусства в согласии с Богом, соединяющим и указывающим на них в светлом зеркале, картины из коего представлены на четырёх гравюрах на меди* — «omnia hectenus ex variis etiam scriptis paucis observata, singulis laboriosis amatoribus artis honoris ergo, Deo annuente, tam perspicuè ac lucidissimo speculo, proposita, & quatuor æneis laminis incisus Picturis exhibitæ»¹⁴⁴.

Мы считаем необходимым показать читателю вторую иконографическую композицию

¹⁴¹ Habes exemplum in silice in quo ignis est, & tamen non sentitur, nec apparet, donec motu excitatur & accenditur in illo ut apparent; ita ignis ille in quo locata est SS. Maiestas Creatoris nostri, non movetur nisi propria voluntate Altissimi excitetur, & sic deportatur quo est S. Voluntas eius. Fit enim voluntate supremi conditoris, motus vehementissimus & terribilis.

Tractatus de Sulphure altero Naturæ. Principio, ab Authore eo, qui et primum conscripsit principium. ANGELUS DOCE MINI IUS. *Ut possim dijucare inter verum & falsum*. Coloniae, apud Ioannem Crithium sub signo galli. Anno M. DC. XVI. — *Трактат о Сере, втором начале Естества того же автора, который раскрыл первое начало*. АНГЕЛ, УКАЖИ МНЕ ПУТЬ ПРАВЫЙ, дабы мог я отличать истину от лжи. В Кёльне, у Иоганна Крития (Jean Chritim), под знаком петуха. В лето 1616, с. 24.

Девиз, написанный заглавными буквами, — анаграмма Михаила Сендивогия (MICHAEL SENDIVOGIUS).

^{142*} ср. *кобыла*.

¹⁴³ Vide supra: *Алхимическое Древо, где оружие Источника под Древом* (Fontenay-sous-Bois) прямо иллюстрирует наше предположение.

¹⁴⁴ Impressum Typis Andrea Erffurt, sumptibus Ioannis Weh, Bibl(iopolæ) Ang(ustanæ), anno M. DC. LIV. — *Отпечатано мастерами Андреа из Эрфурта на средства Иоганна Бега, торговца из Аусбурга, в лето 1654*.

Этот труд был вновь отпечатан в Аусбурге в 1667 году на средства того же Иоганна Бега. Оригинальное издание было на немецком языке и имело то же название: *Кабала, Зерцало Искусства и Естества. Cabala, Spiegel der Kunst und Natur: in Alchymia*. Augsburg. Johann Chulstes, 1615. Эстампы в этом первом издании исполнены значительно лучше и именно их мы выбрали для нашей книги.

из этой книги, представляющую проявления кабалы, развёрнутые в огромном круге. Периферия круга занята двадцатью тремя буквами, каждая из которых является началом латинского или германского термина из области древнейшей философской физики.

Так Слово, под одеянием человеческого его выражения, совершает круговое движение, обрамляющее *реторту* (*матрицу, матку, matras*) *Премудрости* (*Sagesse*), восседающую, подобно *конному всаднику, кавалеру* на спине странного дива. Глава его подобна главе человеческой, извергающей водный поток (*flot*); она увенчана тройной короной *понтифика* (в латинском значении *pontifex* — Э.К.; *pont* — фр. *мост*, греч. *море* — перев.), а сам он указывает на то, что можно преуспеть как в добре, так — увы! — и во зле, когда человек употребляет во вред этот вселенский поток, который щедрый создатель посылает для вполне определённой цели, чему никто не может воспрепятствовать.

Полновесность образа усиливается четырьмя белыми кругами, внешними по отношению к основному и связующими Добродетели (*Virtutes*) с Философией, Алхимией и Астрологией. Мы также видим зодиакальные созвездия, силою тяготения притягиваемые к философскому сосуду, со дна которого к солнцу вздымается пирамида алхимического зверинца (*bestiaire*), под магнитной струёй звезды, той самой, за которой Цари-Волхвы следовали в год Рождества Христова.

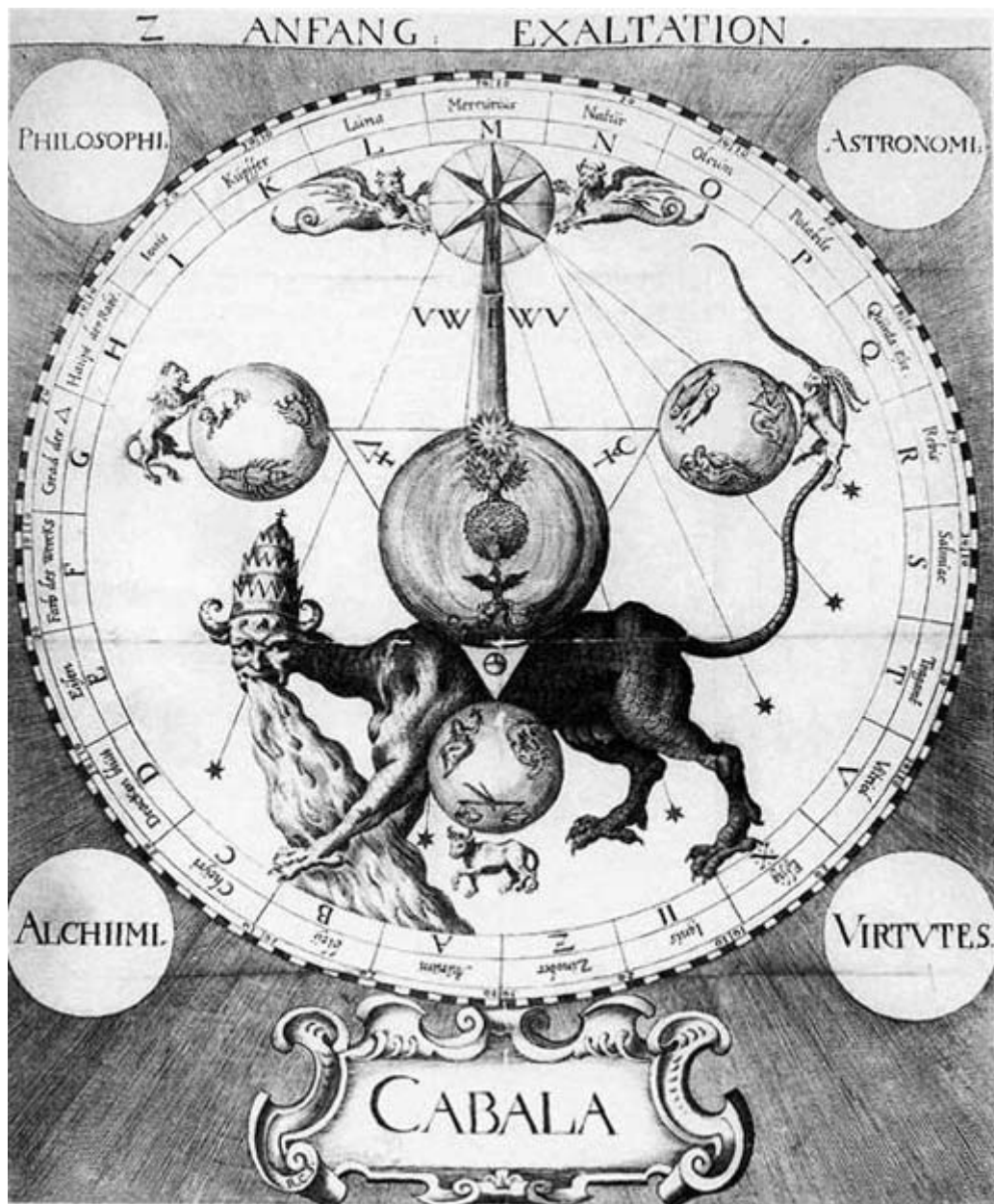
Герметическая звезда, точнее, ея лучевая энергия, для Килиани воплотилась в нимфу (*νύμφη, nymphé, юная девушка, новобрачная*), ставшую главным действующим лицом в иносказании, предваряющем его книгу *Гермес разоблачённый* (*Hermès dévoilé*), в которой даже более ясно, чем в лабораторной *практике*, проявляет себя и говорит с нами дивно-божественное излияние:

«Сущность моя небесна, мой источник — полярная звезда. Сила моя такова, что всё животворит; я звёздный дух, я подаю жизнь всему, что дышит и растёт, я всеведуща»¹⁴⁵.

Какая глубокая разница, несмотря на гениальность Бальзака, между Бальтазаром Кле из его романа и Килиани, отрывок из книги которого мы только что привели, и который не столько послужил прототипом известному писателю, сколько вдохновил его на этот труд. Книжица неизвестного алхимика (имя Килиани мы узнали от Пьера Дюжоля), весьма заинтересовала Сент-Бева, отправившему *утром в эту среду* (29 октября 1834 года) *господину де Бюлозу, из Обозрения Двух Миров* (*la Revue des Deux-Mondes*), улица Изящных Искусств, 6 записку такого содержания:

«В 1832 году у Феликса Локена (*Félix Locquin*), на улице Владычицы Нашей Победительной (*Notre-Dame-des-Victoires*) под заголовком *Гермес разоблачённый* была напечатана правдивая история, очень похожая на описанную Бальзаком в *Поисках Абсолюта*. Не могли бы Вы помочь мне купить эту брошюру у её издателя или хотя бы указать, где это можно сделать?»¹⁴⁶

¹⁴⁵ Paris, F. Locquin, 1832 et Bibliothèque Chacornac, Paris, 1915, p. 15.
¹⁴⁶ Ms de la collection Lovenjoul, D. 591, fol. 56 — Correspondance général par Jean Bonnerot, Paris, 1935.

Могущество Слова, его сверхреальность, подтверждаемые как лабораторным, так и духовным деланием, видимы и весомы.

XLII. Cabala, Speculum Art is & Naturæ (2-я гравюра)

И вот уже 15 ноября того же года в упомянутом издании Франсуа Бюлоза появляется очерк знаменитого критика под названием *Господин де Бальзак, поиски Абсолюта*, в котором приводятся обширные цитаты из нашего пламенного алхимика, завершаемые кратким обобщением:

«Так действительность вызывает зависть у вымысла».

Всецело фонетическая по своей природе, *кабала* образует тайный язык, завесу над которым приподнял Грассе-д'Орсе, а затем и Фулканелли в двух своих трудах. Основанный на более или менее совершенной тождественности звука, этот язык соотносится со всеми языками мира благодаря их связи с языками материнскими; во французском он особо прозрачен благодаря связи его с различными диалектами древнегреческого. Вне сомнения, что бы ни утверждали в школах, основы нашего языка эллинические (*hellénique*) — утверждаем это вопреки всем ухищрениям, эрудиции и даже таланту всех, кто проповедует

обратное.

Напомним хотя бы «этимологическое» исследование великого Эмиля Литтре по поводу глагола *baratter* — *сбивать масло*, то есть получать его из молока — увы! — это искусство сегодня столь же редко, как и все добрые дела. Вместо того, чтобы прямо указать на греческий корень, как это делает аббат Эспаньоль, учёный филолог утверждает, что это слово неясного происхождения; Шелер в связи с этим упоминает глагол *πράττω*, *pratto*, *trafiquer* (*спекулировать, мухлевать, торговать, делать тёмные дела, сделать себе аборт*), вызывающий в памяти мрачноватый образ тайного рынка, барахолки, где торгуют всякой всячиной и нравы жестоки.

Но почему не прочитать *baratter* в соответствии с его точным дорийским эквивалентом *βαράττω*, *barattō* — *встряхивать, колотить*, то есть прямо осуществлять физическую операцию отделения маслянистых шариков от казеина и сыворотки?

В связи со всем сказанным, очевидно, что герметик или алхимик может преуспеть, применяя именно *кабалу*, гораздо более, чем пользуясь поздними и весьма вольными толкованиями *Древнего Завета*, которые раввины именуют *каббалой*. Для *каббалиста* скрытый смысл *Писаний* становится множественным и запутанным, вне зависимости от того, используется ли численное значение букв или прямое — так, что одно слово может означать целое предложение, меняющееся в зависимости от буквенных перестановок. Известны три основных метода таких перестановок, созданные в Александрии, и все три очень произвольны — *Гематрия*, *Нотерикон* и *Темура* — хотя последний наиболее древний.

И разве не запутались в *сефиротах* оккультисты конца прошлого века, которые так и не смогли вывести их из небытия, откуда, согласно *Sepher Jetzira*, и проистекают *десять ипостасей*?

Вот почему мы не *каббалу*, а нашу герметическую *кабалу* узнаём в образе неизречённо прекрасной жены, выведшей из глубоких раздумий Христиана Розенкрейца уже в первый день его *Химической Женитьбы*¹⁴⁷. В правой руке она держит золотую трубу с начертанием имени, которое братья *Розы и Креста* не имеют права разглашать, а в левой — тяжёлую пачку писем, написанных на всех языках:

«И исполнишася еси Духа Свята, и начаша глаголати иными языки, якоже Дух даяше им провещевати (Деян., II, 4)¹⁴⁸».

Февраль 1942.

АТЛАНТИС

¹⁴⁷ Par Jean-Valentin Andréæ. Paris, Chacornac frères, 1928, p. 3:

«В разгар бушующей стихии кто-то коснулся спины Розенкрейца и, обернувшись, он увидел прекрасную женщину с крыльями, разрисованными множеством глаз, в плаще небесного цвета с рассеянными на нём звёздами» (Цит. перев. по Мэнли П. Холлу. *Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии*. Новосибирск, 1992, с. 624).

¹⁴⁸ Et repleti sunt omnes Spiritu sancto, et coeperunt loqui variis linguis, prout Spiritus sanctus dabat eloqui illis. (Acta apostolica, cap. II, 4).

О СИРАНО БЕРЖЕРАКЕ, ГЕРМЕТИЧЕСКОМ ФИЛОСОФЕ

Небеса огромны и льют на поля багряный свет.

Они знают свои звёзды и своё солнце.

Но это не день во цвете своём, и ещё менее полдень.
Воистину, наш Геркулес после сумерек ожидает
полуденного света, где уготовано ему ложе; его мы
называем Хаосом Поэтов.

(Возведение за руку на химическое Небо Якова Толя).

Largior hic campos æther, & lumine vestit Purpureo:
Solemque suum, sua sidera norunt.

Sed necdum plenus dies est, multo minus meridies. Hanc
enim medii diei lucem clarissimam Hercules noster post
tenebras sperat, postquam in his lectum suum stravit inde &
Poëtarum Chaos discitur.

(Jacobi Tollii Manuductio ad Cœlum Chemicum).

Разумеется, мы вовсе не будем оригинальны в утверждении, что литература, хотя и создала Сирано де Бержерaku всеобщую известность, тем не менее полностью искажила его истинный облик.

Но Истина всегда разнообразными и неведомыми путями всё равно проникает к людям и властно навязывает Себя, пусть даже и через балаганное и шумное оживление толпы; это происходит тайно и трепетно, когда сокрытое дыхание возгревает теплоту плодотворных идей. Метафора эта вряд ли покажется слишком смелой, тем более что мы используем точный смысл латинского слова *afflatus*.

28 декабря 1897 года на Театре Двери Святого Мартина (Théâtre de la Porte Saint-Martin) впервые давали комедию Эдмона Ростана и, поскольку она действительно выражает некий «образ образов» французской души — пылкое воображение, задор, игривость, рыцарский жизненный идеал — пьеса имела шумный успех и мгновенно завоевала благосклонность журналистов. Мы также не можем не оценить поэтического дара автора, его остроумную речь, пронизанную искромётными, подобными клинку шпаги, рифмами, иногда, впрочем, тревожными, потаёнными, вызывающими озноб. Сочетание смыслов почти детских и весьма фривольных, словно попутный ветер, двигало пером автора, живописующего просто действие, действие как таковое, в котором — героизм и честность, живость и пестрота наслаждений...

Но уже в первом акте, исполненном воображения и порыва, театральный Сирано чрезмерно увлечён болтовнёй на грани шутовства; а ведь такие преувеличения не уместны в столь трудном для исполнения произведении. Нет, всё-таки был подобен мушкетёру этот человек, исполненный

...ярости, полёта,

Сверканья, живости, веселья без износа,

В конце концов, огромнейшего носа,

Удары чужащего шпаги за спиной!

А ведь именно эти последние две строки воистину поразительны: речь идёт о сносшибательной тираде по поводу носа, предмета постоянных насмешек над Сирано. Вспомним, однако, — «то, над чем у человека смеются, есть самая его суть». В этом чутьё поэта безошибочно, и о гигантском носе Сирано де Бержерака Ростан говорит поистине божественным языком, сквозь который просвечивает истинный Сирано, благоговейный, словно священник, *исследователь пятой сущности*.

Говоря о носе, нельзя не вспомнить анаграмматический псевдоним, каковой

обыкновенно считают порождённым фантазией Франсуа Рабле. *Alcofribas Nasier* — это нос, чующий философский свинец. *Nasier* означает на аргосе то, что означает, в то время как *Alcolf* — алкоголь (*alcofol*), упоминаемый домом Пернети¹⁴⁹ как символ свинца, а *ribas* — бесстыдник, бабник, понятие, родственное *ribau* — спиртовая настойка. Всё вместе читается как «пьяница, волокита и весельчак»^{150*}.

И всё же, несмотря на некоторые общие черты, мы не можем не отделять гениального Савиньёна де Сирано Бержерака, память о котором едва маячит в историческом тумане, от напыщенного забияки, превращённого Ростаном и другими беллетристами в воинственного Алкея, знаменитого своей фетровой шляпой и любовными похождениями. Но будем и справедливы: какой же всё-таки правдой дышит третье действие, где Сирано, утратив чванство и кичливость, со внезапным смирением удовлетворяется ролью простого посредника.

Из довольно сходных между собою портретов Сирано Бержерака следует вывод о том, что не менее совершенен был и его облик, в котором явно проступали чисто галльские черты.

XLIII. Портрет Сирано Бержерака
Возвращаясь к монументальному носу, природной примете некоего прирождённого

¹⁴⁹ Dictionnaire Mytho-Hermétique, Paris, chez Bauche, 1758, p. 20.
^{150*} вольное русское прочтение — «Свинцовый Нос» или «Гуляка Носов».

дарования, вспомним, что это и есть тот самый *naz*, который так любят истинные наследники готического искусства (*art gotique*) — арготьеры. *Naz* — тайный орган драгоценного обоняния, вынюхивающего сокровища естества, столь глубоко познанные Сирано. Пустое говорят все утверждающие, будто подобный руль портит черты лица! В *ином мире* (*l'autre monde*), описанном Сирано, главная стихия — время, и всякий, не обладающий достаточно длинным носом-рулём, чтобы *управлять* кораблём в её океане, подлежит безжалостной кастрации. И вот Сирано получает от Селенитов слова, в которых звучат уверения, ободрение, похвала и утешение:

«Уразумейте исследованное нами за тридцать веков: большой нос — признак человека духовного, благородного, снисходительного, щедрого, свободного в суждении, а маленький — наоборот».

В Кабинете Эстампов Национальной Библиотеки есть четыре портрета Сирано: их можно найти по алфавитному каталогу собрания № 2. Все эти гравюры — изображения молодого человека с умным и приятным взором. Губы, увенчанные тонкими усиками, — маленькие, чувственные, с несколько пренебрежительным выражением. О носе не будем повторяться; заметим только, что он нисколько не портит овала лица, обрамлённого длинными, тщательно причёсанными волосами, спадающими на воротник.

Наименее лестный среди портретов представлен в виде гравюры, правдивость и достоверность этого изображения подтверждается тем, что оно было сделано с картины, нарисованной у *благородных господ Ле Бре и де Прада, близких друзей Савиньёна де Сирано де Бержерака, дворянина французского*. Вот латинская объяснительная надпись к этому портрету:

«Savinianus de Cirano de Bergerac, nobilis gallus ex icone apud Mobiles Dominos Le Bret et de Prade amicos ipsius antiquissimos depicto».

На этом драгоценном памятнике мы обнаруживаем слова:

«Z. H. pinxit L. A. H. delin(eavit) et sculpsit».

Тройные инициалы рисовальщика-гравёра в виде монограммы остались для нас загадкой, однако живописец Z.H. — это, по-видимому, французский художник Захария Хайнце (*Zacharie Heince*), родившийся в 1611 году в Париже и умерший 22 июня 1669 года, как сказано в *Bénézit*, где засвидетельствована его высокая репутация.

Три остальные гравюры — это эстампы (они хранятся в музее эстампов), один из них, анонимный, очень красив, его чаще всего воспроизводят: мы видим на нём высоко сияющие солнце и луну по обе стороны головы нашего героя и хвалебные вирши в честь микрокосма Мудрецов, в котором движутся оба герметических светила:

*Всё земное клонит ко сну —
 Я взлетаю на небеса,
 Там зрю я Солнце и Луну,
 Всех Богов зрю я чудеса.*

Это исполненное ясной мудрости исповедание веры не может не соотноситься с известной записью Власия (Blaise) Паскаля, сделанной им в состоянии глубочайшего потрясения и полного пробуждения, которое постигло его ещё во дни пребывания души его в земной, болезненной и утомлённой плоти. Фулканелли приводит первую часть рукописи, найденной посмертно на мёртвом теле величайшего философа, автора *Писем к провинциалу*. Вот этот текст, в том виде, в каком он содержится в *Философских Жилищах*:

*Год милости 1654.
 Понедельник 23 ноября, день святого Климента, папы и мученика,
 и прочих из мартиролога,
 Канун дня святого Хрисогона, мученика, и иже с ним,
 Между десятью часами с половиною утра примерно до полуночи
 и получаса,*

ОГОНЬ.

*Бог Авраама, Бог Исаака, Бог Иакова,
А не Философов и Мудрецов.
Уверенность, Уверенность, Любовь, Радость, Мир*¹⁵¹.

.....

Вслед за Мастером мы особо указываем на имя *Хрисогона*, несомненно, соотносимого Паскалем с *Хрисогонией*, то есть *Происхождением Золота*. Это слово (*Chrysogonie*), согласно словарям Лярусса, Герена и Бешереля, на тайном языке алхимиков означает, в частности, «семя золота, выделенное из раствора этого металла».

Точно так же, как пишет Пор-Рояльский затворник в своей посмертной записи, пишет и Сирано в своём *Письме против педанта* (*Lettre contre un pédant*) о восхождении к высшему Ведению:

«Уразумейте, однако, что я познал одну вещь, которую вы не познали вовсе: эта вещь есть Бог»¹⁵².

Двойная вещь (*res-bis*), то есть *ребис* (*rebus*) Великого Делания, коего знак — круг с точкой внутри — хорошо знаком алхимикам, есть также *золото* или *философское солнце*. Братьям-герметикам свойственно выражаться присловьями. Согласно Куаро д'Ассуси (*Coureau d'Assoucy*), старому другу Сирано, имя последнего, написанное через *i* (не *Cyrano*, а *Cirano*)¹⁵³, образует занимательный *ребус* (*rebus*), восходящий к чисто фонетическим правилам универсальной кабалы:

«Маг и Царь когда-то были *едины* в *одном лице*, которое звали Царь Сир (*Roy Cire*), по-французски *Sire*, и этот Маг, этот Царь, этот Сир (*Kir, Sur, Rus, Rosch* — перев.), совершая свою работу, всегда находился в средоточии *круга*, то есть *нуля*, 0, и имя его было *Сир-в-Зеро* (*Cir an 0*), *Царь в Нуле* ($0 = \infty$ — перев.)».

Могущественный царь своего герметического малого мира, Сирано Бержерак, без сомнения, подчинялся традиционной дисциплине, обрамляющей его непроницаемым кругом (О) великой тайны. Сколько бы ни обсуждали биографы редкие даты и неясные факты его жизни, истинная суть его покрыта неизвестностью. Это касается даже места рождения Савиньёна, каковым до конца прошлого века, согласно указаниям старинных издателей, считался город Бержерак в провинции Перигор. Так ли это? Если вспомнить о характере Сирано, то невольно приходит в голову: ни один из краёв не соответствует более удали и отваге нашего героя, как две провинции когда-то захваченные Карлом VII и с тех пор снабжавшие старое французское королевство храбрейшими вояками:

*Вот они, храбрецы Гаскони
И Карбон де Кастель-Жалу...*

Доподлинно, однако, известно, что Савиньён де Сирано Бержерак появился на свет в Париже, о чём он говорит устами Томмазо Кампанеллы, повстречавшего Сирано в его путешествии по стране солнца:

«Если я не ошибаюсь и верно опознаю Ваш облик, то Вы — француз и уроженец Парижа».

Мы знаем, что в церковной книге прихода Святого Спасителя рождение Сирано помечено «шестым марта тысяча шестьсот девятнадцатого года». Ещё в прошлом веке эти книги хранились в помещении муниципального архива на авеню Виктория, уничтоженного

¹⁵¹ Paris, Jean Schemit, 1930, p. 26.

¹⁵² *Les Œuvres diverses* de M. de Cyrano Bergerac, Paris, Charles de Sercy, 1654.

¹⁵³ Согласно церковным книгам прихода Святого Германа в Оксерруа (*Saint-Germain-l'Auxerrois*), записи о браке Пьера (Петра, т.е. Камня — перев.), четвёртого сына первого Савиньёна, употреблено написание *Sirano*.

— увы! — пожаром, устроенным коммунарами. О происхождении матери нашего философа мы смогли узнать только благодаря трудолюбивому архивариусу Опосту Жалю, в течение двадцати лет исследовавшему немногие уцелевшие от разгрома списки.

Отец Савиньёна, Авель Первый де Сирано, господин (sieur) де Мовьер (de Mauvieres) 3 сентября 1612 года вступил в брак с Эсперанс (Надеждой, Esperance) Белланже, дочерью Антуана Белланже, богатого парижанина.

Кое-что из родословия Белланже, возможно, поможет нам разобраться в том, кем же в действительности был Сирано, чьи труды отмечены печатью чистой традиции. Думается, мы вправе утверждать, что человек *сам*, собственными силами не способен выйти на *царский* и *вселенский* путь. Подтверждение этому мы можем найти и у доброго и благочестивого Николая Фламелья с его прекрасным готическим вдохновением, пронизывающим его редчайшие и знаменитейшие трактаты:

«Да не порицает меня никто меня не понимающий, ибо малое понимание было бы мне ещё более порицаемо — ведь никто, не посвящённый в священнотайственные толкования перводействителя (который есть ключ, открывающий двери всех наук), не поймёт самых тонких учений завиднейших Философов; но они нигде не записаны, поскольку в них и можно найти уразумение начал, не содержащихся ни в одной книге и вручаемых Богом тем, кому Он Сам пожелает; впрочем, иногда их можно получить изустно чрез кабалистические созвучия от мастера, но это бывает очень редко»¹⁵⁴.

Не мог ли Бержерак, человек умнейший, ещё в детстве найти среди родственников по материнской линии человека, в благоприятной обстановке открывшего ему путь ведения, проявившийся в его необычных книгах?

Известно, сколь многие знания может почерпнуть герметик из геральдики, особенно если речь идёт о *говорящем* или *поющем гербе*. Мы не имели времени и возможности досконально изучить гербы различных членов семейств Белланже. Всё же работая в Национальной Библиотеке, мы обнаружили, что причастность к наукам Гермеса была предметом семейной гордости этих парижских жителей.

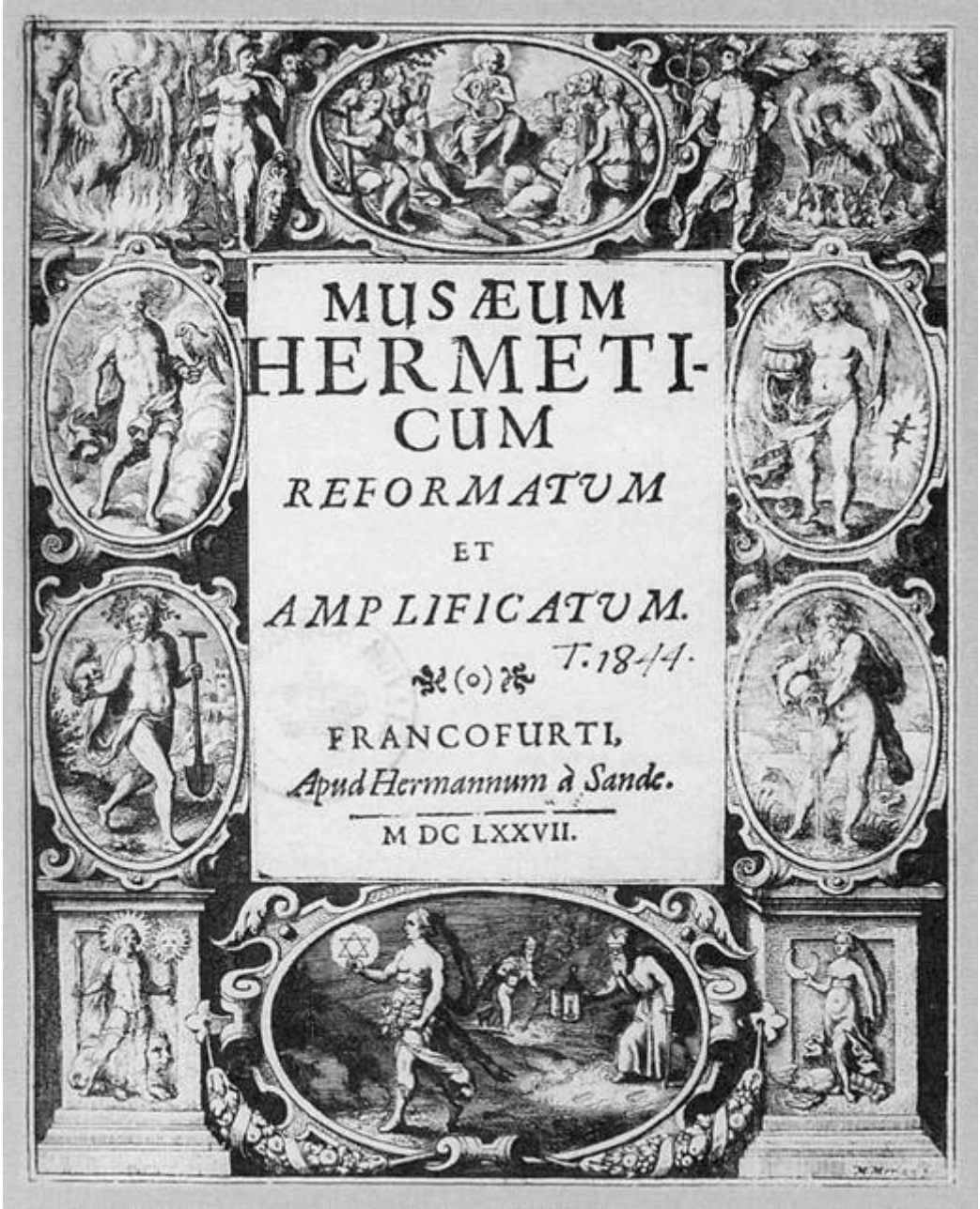
Рукопись № 8217 из очень важного списка Пьера Клерамбо, содержащаяся в драгоценном собрании Франсуа-Роже де Гэньера (переплёт 355) воспроизводят эпитафию деда и бабки Сирано по материнской линии, начертанной когда-то на сорок пятой колонне церкви святого Евстафия в Париже. В рукописи можно обнаружить детальные описания гербов, которых нет среди гербов, обнаруженных нами на улице Ришелье, в кабинете на первом этаже справа от входа — один из них сохранился в описании, другой в цветном изображении. Богатый горожанин Антуан Белланже составил их для себя и своей супруги Флоранс (Цветущей, Fleurance): глядя на эти гербы, поистине слышишь *язык птиц*, воплощённый в традиционной кабалистической символике.

Кто из посвящённых в нея не поймёт смысла помещённой на красном щите золотой звезды, составленной из двух треугольников, — один вершиной вверх, другой вниз, посреди которых, поистине в бездне, — другая звезда, малая, о пяти концах?

Символ магистерия совершенного, шестиконечная звезда, представляющая Естество как таковое, изображена в крайней нижней из шести овальных рамок на титульном листе *Герметического Музея усовершенствованного и расширенного — Musæum Hermeticum Reformation et Amplificatum*, Francofurti, 1677. Мы видим там юную и сильную жену, легко, по-античному одетую, с плодами в левой руке, прижатыми к бедру, а в правой несущую эту самую, сияющую в ночи, *печать Соломона*. Это гордое создание с четырьмя обнажёнными грудями лёгким шагом проходит сквозь ночь, в следы от её ног пытаются вставить свои стопы два старика; второй из них замешкался где-то сзади, по-видимому, из-за отсутствия у

¹⁵⁴ Книга *Фигур Иероглифических в Трёх Трактатах естественной Философии, до сих пор не отпечатанных. Le Livre des Figures Hieroglifiques, dans Trois Traitez de la Philosophie naturelle non encore imprimez*. Paris. Guillaume Marete, 1612, p. 65.

него фонаря или подзорной трубы, иначе говоря, опыта.

Как на уже описанном нами медальоне между Львом и Раком, премете удивления Гобино де Монлуизана в Соборе Владычицы Нашей в Париже, мы видим здесь между Фениксом и Пеликаном образ *музыкального искусства* — этим именем обозначали также алхимию.

XLIV. Титульный лист *Musæum Hermeticum*

«*Experientia firmet lumina*» — *да укрепит опыт зрение твоё* — советует Михаил Майер в XIII Эпиграмме из *Убегающей Аталанты*, показывая прекрасную и знатную беглянку, лёгким шагом исчезающую от преследователя, который на сей раз снабжён посохом, очками и фонарём. Следы его смешиваются со следами его вожатой, крепко впечатавшимися в толстый слой песка.

На оборотной стороне семи изящных памятных медалей из великолепного серебра, которые в 1693 году получил путём трансмутации свинца Христиан, герцог Саксонский, серебра более звонкого и плотного, чем обычное серебро, никто уже не преследует нашу алхимическую Цереру, которая тем не менее оставляет следы, как бы приглашая идти за ней:

«Наше делание, — утверждает Лиможон де Сен-Дидье, — есть путь среди песков за звездой Севера, а не по следам, отпечатанным на земле. Здесь идёт столько людей, что все следы смешаны меж собою и все тропы переплелись, а потому неимоверно велика опасность заблудиться и пропасть в ужасных пустынях, потеряв истинный путь, и только возлюбленные Небесами мудрецы могут распознать, куда идти»¹⁵⁵.

Печать Соломона или шестиконечная звезда есть знак *Философского Камня в красном*, нераздельно соединяющего четыре стихии в каждом из равносторонних треугольников, будь он в обычном положении или вершиною вниз. Такое высшее согласие (*harmonie*) воссоединённого вещества может быть достигнуто только с помощью *меркурия философов*, первохудожницы Делания, обозначаемой древним пифагорейским пентаклем.

Будучи истинной понтийской водой, она соответствует женскому естеству и покрывает герб бабки Сирано Флоранс (*grand-mère Fleurance*, великой Цветущей Матери), влажною стихией лазури, среди которой мы видим стебель *ячменного (orge) колоса*, символа плодородия. Фонетическая кабала раскрывает его название также как *Όρυη, orgé, оргию, движение естества*. Соответствующее прилагательное — женского рода — *Όργας, orgas — плодородный, зрелый*, оно происходит из глагола *Όρύζ, organ, созреть, исполняться соком, крепостью*.

В верхней части герба двое серебряных чёток вокруг таких же серебряных роз подчёркивают важность молитвы — в точном соответствии со второй гравюрой *Mutus Liber*, на которой мы видим художника и его жену, молящихся на коленях по обе стороны атанора.

Целые отрывки из философских трудов Сирано могут быть полностью, как они есть, включены в алхимические тексты самой высокой пробы, ибо они ни в чём не противоречат древнейшим и мудрейшим глоссам.

Например, в *Государствах Луны (Estats de la Lune)* мы встречаем зелёные луга Космополита, где бьёт наш источник, о коем Бержерак пишет: «нехотя покидает он свою родную землю». Все цветы, какие только существуют, можно увидеть в его чистой воде, обновляющей философу юность его.

«Старые волосы выпадают и дают место росту новых, более густых и мягких, юность возгорается во мне, лицо вновь румяно, естественное тепло проникает влажность плоти, и возраст мой — вновь четырнадцать лет».

То же самое мы читаем в очень древнем труде, записанном в XV веке авторитетным адептом, почитаемым всеми за смирение и кротость мысли. Родившийся в Падуе в 1406 году, Бернар ле Тревизан приступил к изучению герметической науки, когда ему было четырнадцать, и достиг цели своих опытов только после шестидесятилетнего труда. Вот что говорит он в своём *Потерянном Слове* о знаменитом иносказании, над коим проводят ночи неусыпных бдений все наши лучшие умы:

«Итак, открою, что Камень сей есть растительный Камень, ибо это сладчайший дух, исходящий из виноградного зёрнышка и становящийся в ходе первой работы твёрдым белым телом так, как это описано в *Зелёном Сновидении*, в котором после *Текста об Алхимии* тем, кто мудро взыскует истины, уже вручена практика растительного Камня»¹⁵⁶.

Превознесённые добрым Тревизаном, эти два маленьких трактата до XVII века ходили в рукописи, странствуя из рук одного алхимика в руки другого. В небесном вожде *Зелёного Сновидения* мы узнаём водителя Сирано по райской местности; но если для анонимного адепта это «ветхий почтенный старец с прекрасно сложенным во всех его частях теле», то автор *Иного Мира (l'Autre Monde)* оставил описание юноши торжествующе-прекрасного, встреченного им в «жасминовых и миртовых зарослях», тех самых, что боялся мять своими шагами очарованный герой и зритель *Зелёного Сновидения*. *Вождь этот для него — гений*

¹⁵⁵ Письмо к Истинным Ученикам Гермеса в Герметическом Триумфе. *Lettre aux Vrais Disciples d'Hermès, dans le Triomphe Hermetique*. Amsterdam, 1710, p. 123 et 124.

¹⁵⁶ Потерянное Слово в Трёх Трактатах Естественной Философии. *La Parole delaissée dans Trois Traitez de la Philosophie naturelle*, Paris, Jean Sara, 1618, p. 7.

Мудрецов.

«Левою ногой он стоял на поддерживающем его земном шаре, а пальцем вздетой десницы прикасался к шару небесному над его головой, в шуйце же его был тяжёлый адамантовый ключ»¹⁵⁷.

В предыдущей работе¹⁵⁸ мы уже разъясняли двойную алхимическую символику этого ключа, отворяющего двери как духовного, так и материального делания. Сирано оказывается искушён в *играх детей* — *ludi puerorum*; он выказывает себя кабалистом высочайшего уровня — ведь именно *старец Илия* (*vieil Elie*) — *великий Илия* — для него предстаёт «иноземцем, говорящим на моём языке». Язык этот — язык *иного мира*, всеобщий и материнский, *язык птиц*. Этот язык, не употребляемый в нашем подлунном мире, Савиньён понимает «более зримо и умозрительно», чем впитанный им с молоком кормилицы язык старого Парижа Людовика XIII.

Совершенно очевидно, что французский и греческий ближе к материнскому языку (*langue mère*), нежели все иные языки мира, и не только Сирано, но и гуманисты Возрождения знали, на каком языке говорили дубы в Додонском лесу. Алхимический смысл этого предания становится ясен, когда мы уяснили, что древле Иасон срубил из Додонских древ корабль для путешествия за Золотым Руном. Французский, *галльский* (*gaulois*, т.е. язык «галлов» — «орехов дубовой коры» — перев.) не столь уж далёк от *Языка Истинного ведения* (*Vrai scientifique*), в то время как «чем далее язык от Истинного, тем менее он прозревает умозрительное» (*Государства Солнца*).

Всякая наука, всякое ведение есть неведение для не ведающих о *Всеобщем языке*; никакое углублённое изучение *Естественной Философии* без него невозможно, алхимия же превратится в обычные опыты простейшей химии.

Важно отличать и отделять букву от духа, равно как и поверхностные учения оккультных наук от глубинной мудрости. Об этом предупреждает Сирано Бержерак, напоминая о плодах древа ведения:

«Храните, однако, себя от лжи; у большинства плодов, висящих на этом древе, толстая кожура, и если вы ограничитесь этой кожурой, то падёте ниже, чем человек, если же вкусите сам плод, станете как Ангелы».

Тот, кто сам не работал у горна, будь он даже мудрейшим и тончайшим теоретиком, никогда не поймёт ни сколь тесна связь *художника* с материей — *Госпожою Мысли его*, ни какими откровениями она может с ним поделиться, будучи выведена огнём из своего сонного состояния, так что в результате художник становится *огненным любомудром* — *philosophus per ignem*.

Символическая иконография часто изображает минерального субъекта мудрецов в его *первородном*, то есть *первого порядка* (*primordial*) состоянии, именно таким, каким он извлечён из месторождения, в виде сухой скалы, из которой растёт могучее и исполненное плодами древо. Этот образ мы обнаружим с надписью *sic in sterili* — *так из бесплодного* — на предпоследней странице очень любопытного *Искусства горшечника* Киприана Пикольпасси. Последний, представив себя в виде *конного* (*кавалериста*), по нашему разумению *кабалиста*, дополняет явную эзотерику своего образа следующей надписью:

«Я помещу вас в конце моего труда туда, где простирается страна *Длительности*, моя родина».

Разумеется, эта страна и есть наша *первоматерия*, именуемая также *земляной колбой* или *чревом земли* (*ballon de terre*), что всегда есть также и «*масса, куча, гряда, ворох*» (*masse, moncel*), по нашему разумению, позволяющая кабалистическое толкование её как *моей соли* (*mon sel*).

Скала Сирано обладает высшими достоинствами и пронизана корнями, свидетельствующими о её растительных качествах. В траве у подножия этой скалы,

¹⁵⁷ Текст об Алхимии и Зелёное Сновидение. *Le Texte d'Alchimie et le Songe-Verde*, Paris, Laurent d'Houry, 1695, p. 101.

¹⁵⁸ Два алхимических жилища. *Deux Logis alchimiques*, Paris, Jean Schemit, 1945, p. 138.

«покрытой множеством юных, зелёных и густых деревьев», можно встретить чудесного Феникса. Вариант текста, который мы встречаем в издании Гарнье, не менее выразителен:

«Эта скала покрыта множеством древ, чья живая, свежая зелень источает юность»
(*Иной мир. Государства и Империи Солнца*).

Экстравагантные высказывания, встречаемые у Сирано, заставляют порою вспомнить о влиянии Декарта и Гассенди. Но все учёные теории этих великих людей, равно как и Коперника или Клавдия Птолемея, для нашего философа есть лишь оболочка его собственных умозрений, оформленных на бумаге так, что мы можем говорить о них как о высочайшей традиционной алхимии. Но именно такая оболочка и дала Сирано возможность сохранить равновесие обеих потенциальных состояний Естества: пустоты и наполненности.

Некоторые места в произведениях Сирано, где он проявляет свой юмор и фантазию, благоприятствующие высказыванию трансцендентных истин, породили в умах поверхностных нелепую мысль поместить Сирано в лагерь вольнодумцев его времени. Это значило бы недооценить широту и всеохватность его мысли. Даже если речь идёт об отрывке, в котором Сирано не без некоторой вольности рассказывает о том, как он повстречал змею, столь любезную авторам алхимической словесности и иконографии! В рукописи, хранящейся в Национальной Библиотеке, мы встречаем это описание, сопровождаемое изящной авторской иллюстрацией, линии которой, чёткие и утончённые, дают представление о характере, исполненном твёрдости и гибкости, решительности и осмотрительности, чувства вкуса и меры.

В любом случае Фонтенель, родившийся чрез два года после смерти Сирано и проживший почти столетие в несокрушимом здравии, обнаружил в рукописях тогда ещё неизвестного герметика многие собственные послылы. Однако, будучи последовательным картезианцем, он не стал в своих *Беседах* делать далеко идущих выводов из поистине переворачивающих сознание умозрений о движении миров и их множественности, до публикации *Государств Луны и Солнца* не имевших широкого хождения: осторожный и робкий Гассенди хранил все бумаги в своём кабинете на замке.

Через учеников мудрого эпикурейца Савиньён свёл знакомство с Мольером, который, как и Корнель из *Смерти Агриппины*, не постеснялся заимствовать из *Обманутого педанта* две знаменитые сцены для своих *Прodelок Скапена*; похищение Леандра Турком и пронизанный ха-ха-ха-хи-хи-хи рассказ игривой и пронырливой Зербинетты, в котором она хвастается Геронте, как надула Леандра на пятьсот экю¹⁵⁹. Есть там и восклицание Гранже, повторяемые отцом Леандра:

«Кой чёрт понёс его на эту галеру?»

¹⁵⁹ См. *Le Pédant joué*, actes II et III, scenes IV et II, et *Les Fourberies de Scapin*, actes II et III, scenes VII et III.

СОПРОВОДИТЕЛЬНЫЙ ТЕКСТ

Я помещу вас туда, где окончились мои труды, в землю Длительности (de Durante), моё отечество благоустроенное Гийомом Дюраном (Guillaume Durand), герцогом Шпретерским. С двух сторон эту землю омывает поток Абеяра, по крайней мере в одной миле от которого можно увидеть Парк, окруженный стенами, за которым гуляют различные животные. Там делают тонкие вина и выращивают вкусные плоды. Воздух — умеренной теплоты. С двух сторон простирается прекрасная равнина, одним краем переходящая в аппенинские предгорья, а другим — в Адриатику.

Так в бесплодной земле, на голой скале, вдали от всякой растительности, высится дерево. Камень, благодаря искусству художника и естества, оказывается охваченным жизнью, призывающей и не вызывающей подозрений.

А иероглиф этой жизни — сухое дерево.

XLV. Дерево Пикольпасси (Arbre de Piccolpassi)

И хотя всякий автор более или менее обязан предшественникам, своеобразие Бержерака столь очевидно, что у него не было нужды заимствовать что-то у других. Сам же он, по свидетельству его друга Ле Бре, автора предисловия к посмертному изданию *Государств и*

Империй Луны, не читал современных ему книг с иной целью, кроме поисков в них плагиата, «за который, будь он судьёй, он наказывал бы строже, чем за разбой на большой дороге».

Но каким содроганием гнева и возмущения исполнилось бы уже полусгнившее тело парижского философа под надгробною плитою церкви в Саннуа, если бы жителей *иного мира* ещё волновало земное! Уже через два года после смерти друга Анри Ле Бре выпустил *Государства и Империи Луны*, до неузнаваемости искромсав текст и подвергнув его значительным сокращениям.

Разумеется, печатать нечто в подобном роде было чрезвычайно опасно в годы правления Анны Австрийской; да и в наши дни не всё можно возглашать открыто. Но у каждого века свои законы. Сегодня, в пору безудержной свободы, вдруг оказывается необходимым получить особое разрешение на хранение пистолета-пугача; а вот перед вами перечень вооружения, оставленного своим наследникам, согласно нотариальным записям, Авелем де Сирано, предком нашего Савиньёна, в квартире на улице святого Иакова: «алебарда, три аркебузы, в том числе типа винтовки и с зубчатыми колёсиками для высекания огня, карабин, две шпаги и доспехи, защищающие шею».

Если говорить о первом издании *Государств и империй Луны*¹⁶⁰, то в нём отсутствовали многие, зачастую пространные авторские эпизоды, как впрочем и в последующих изданиях вплоть до начала этого века, когда оно вышло с иллюстрациями Рабида, впрочем, тоже очень несовершенное по сравнению с изначальным текстом¹⁶¹. Сама же рукопись, по-видимому, авторская, была обнаружена книголюбом-эрудитом Луи Монмерке близ Сен-Сюльпис, 18 апреля 1833 г., и именно по ней Клод Меттра и Жан Сауё сверяли своё откомментированное издание, вышедшее в издательстве Жан-Жака Повера — очень изящный том, украшенный рисунками различного формата на прекрасной, отливающей синевой, бумаге.

Вслед за Рабле и подобно ему, под видом ложных притязаний на создание дерзких теорий, полных живости и странности суждений, играя вздыбленным и клокочущим стилем, Сирано Бержерак оставил нам два труда, составившие его славу и манящие мерцающим и соблазнительным светом вечной молодости. Под свободным, чарующим вихревым потоком, сокрыты глубоко традиционные принципы совершеннейшего эзотеризма, против которого вкуче с отцом Мерсенном ополчался Гассенди в связи с замечательным трудом Роберта Флудда, которого, кстати, называли *Fluctibus*.

Как и знаменитый английский алхимик, своею насмешливой кличкой напоминавший о волнах и водных потоках, Сирано с первых строк указывает на ночную звезду, влияющую на влажное начало и управляющую его тайнами.

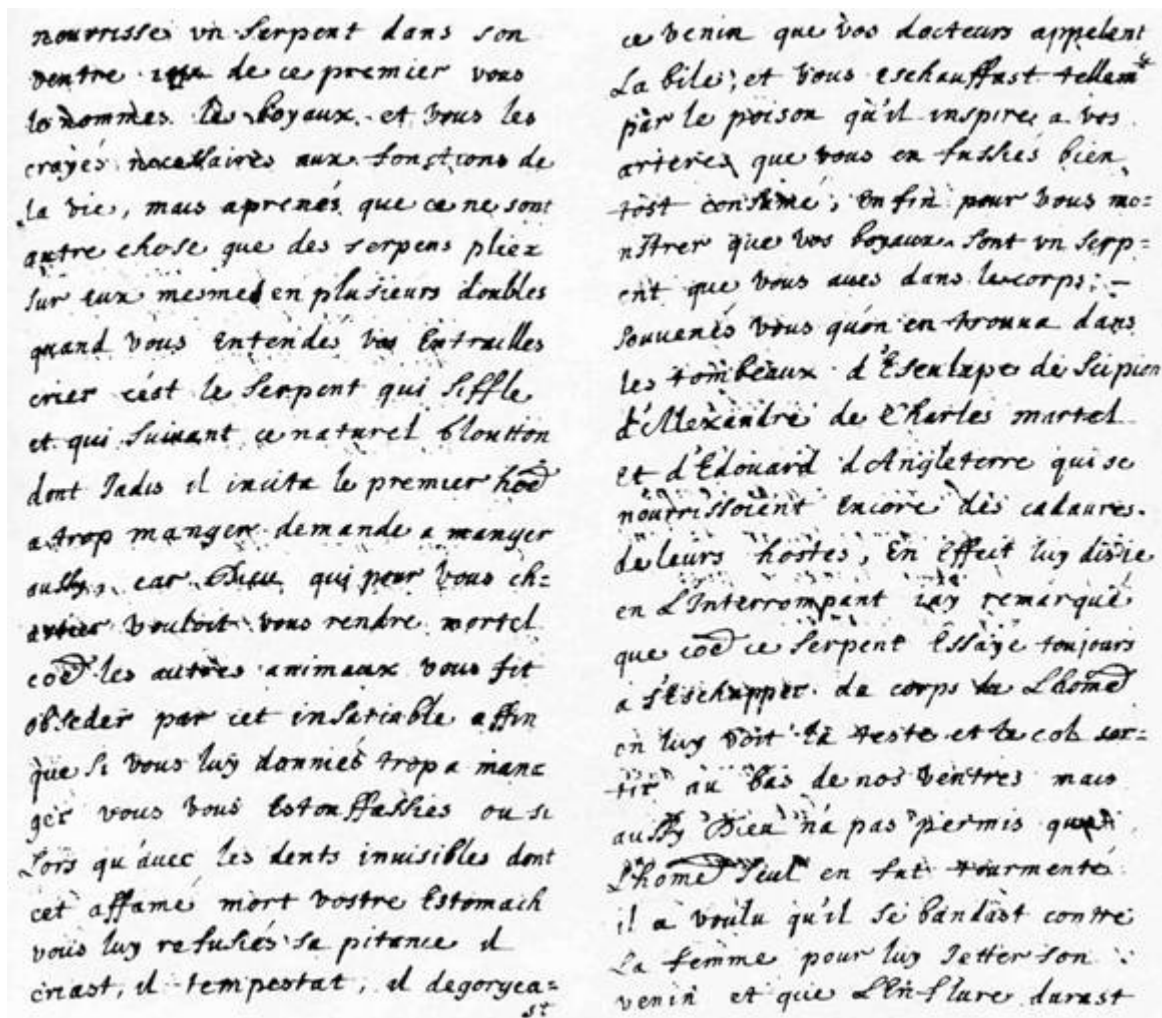
«Было полнолуние и незатверстое небо, и пробило девять вечера...»

Это сказано о крайне активном воздействии ночной звезды на предельно сгущённого под воздействием огня *меркурия мудрецов*, именуемого также *философской луной*. Отсюда многое можно понять о *жжёной росе* (*rossée cuite*), с которой прямо связано невидимое вселенское братство Розы и Креста (*Rose-Croix*). Перефразируя *Экклезиаста*, анонимный автор *Текста об Алхимии* обращается к *розенкрейцерам*, высказывая им своё полное повиновение.

«И всё у вас, и всё от вас, и всё вернётся к вам».

¹⁶⁰ *Комическая История* господина де Сирано Бержерака. *Histoire comique*, par Monsieur de Cyrano Bergerac. A Paris, chez Charles de Sercy, au Palais, dans la Salle Dauphine, a la Bonne-Foy couronnée. M. DC. LVII.

¹⁶¹ *Иной мир, или Комическая История*. *L'Autre Monde ou Histoire Comique*. Maurice Bauche, éditeur, 5, rue des Filles-Saint-Thomas, Paris, M. CM. X.

XLVI. Две страницы рукописи Сирано Бержерака

Собранная в изобилии, предельно сгущённая, *rosa*, ρῶσις, rosis, *сила* — возносит Сирано на гору магнезии (гору веселия), кабалистически соединённую с именем правителя Новой Франции, Господина Магнитной Горы (Monsieur de Montmagnie).

Разделяя своё восхождение на две части, Савиньён настаивает на различении меркуриальной росы и искусственного огня, вместе образующих физико-химическую загадку, о которой гласит упоминаемый лучшими авторами старый латинский афоризм:

«Azoth et ignis tibi sufficiunt».

Меркурия и огня тебе достаточно.

Опускаясь на более низкий уровень разума, удивимся вновь: не замечательно ли, что Бержерак, описав летающую машину, предсказал современное воздухоплавание, используемое, однако, нашим несчастным человечеством в утилитарных и погибельных целях? Что же до искусства огня, используемого для самых что ни на есть мирных намерений, то не побывала ли у него в руках рукопись Джорджа Старкея, служившего аптекарем в варварски колонизируемой тогда англичанами Америке и водившего близкую дружбу с Иренеем Филалетом? — между прочим, знаменитый Адепт совершил свои небывалые превращения именно в лаборатории своего друга. Трактат этого художника, впрочем, более спагириста, нежели философа, был издан в 1658 году в Лондоне, и нам удалось ознакомиться с двумя его переводами, немецким (Франкфурт, 1712) и французским, принадлежащим перу Жана Ле Пеллетье и отпечатанном в Руане в 1706 году под двойным названием:

Пиротехника Старкея, или Искусство возгонки Щелочей.

La Pyrotechnie de Starkey ou l'Art de volatiliser les Alcalis.

Предписания ван Гельмонта и Парацельса, в соответствии с которыми выполнен этот труд, придают ему большой вес и несомненную полезность для людей знающих.

По признанию герметического философа, его часто посещала тень самого загадочного человека из всех, известных в мире мысли и ведения, сопровождаемая призраками, изображёнными на гравюрах некоей редчайшей вышедшей в свет в Нюрнберге книги. Что это была за книга — может быть, *De subtilitate rerum*, которая сама собой появилась на его столе, открытая на нужной странице? В книге содержались «тысячи определений Луны, которые я, — признаётся Сирано, — не способен был сам породить». Трактат Жерома (Иеронима) Кардана, развивающий его странные теории и пьянящие колдовские формулы, с поразительной точностью указывает на всеобщую природу как духа, так и материи, на её тождественность с временем и пространством, подчинение высшей деятельности мировой души. Именно Кардан, а не Декарт, впервые высказал суждение о невозможности пустоты во вселенной.

Во французском переводе Ришара де Бланка¹⁶² читал Сирано книгу знаменитого миланского медика или в латинском оригинале? Мы этого не знаем, однако, полагаем, что, верный языку Вергилия, Савиньён отдавал предпочтение великолепному Нюрнбергскому изданию. Национальная Библиотека располагает одним, очень высокого качества, экземпляром в каталоге герцога Гастона Орлеанского, ординарным дворянином которого был Тристан л'Эрмит, закадычный друг Бержерака. В свете древней науки Гермеса интересно исследовать приведённую в *Государствах Луны* хвалу поэту, которую произносит Дух (*Démon*), защитник нашего исследователя-физика, перечисляя три чудесных сосуда (*fioles*) и предлагая их Тристану:

«Первый наполнен елеем Талька, второй проекционным Порошком, а последний — питьевым Золотом, сиречь растительной солью, всем владеющим коею химики обещают Вечность».

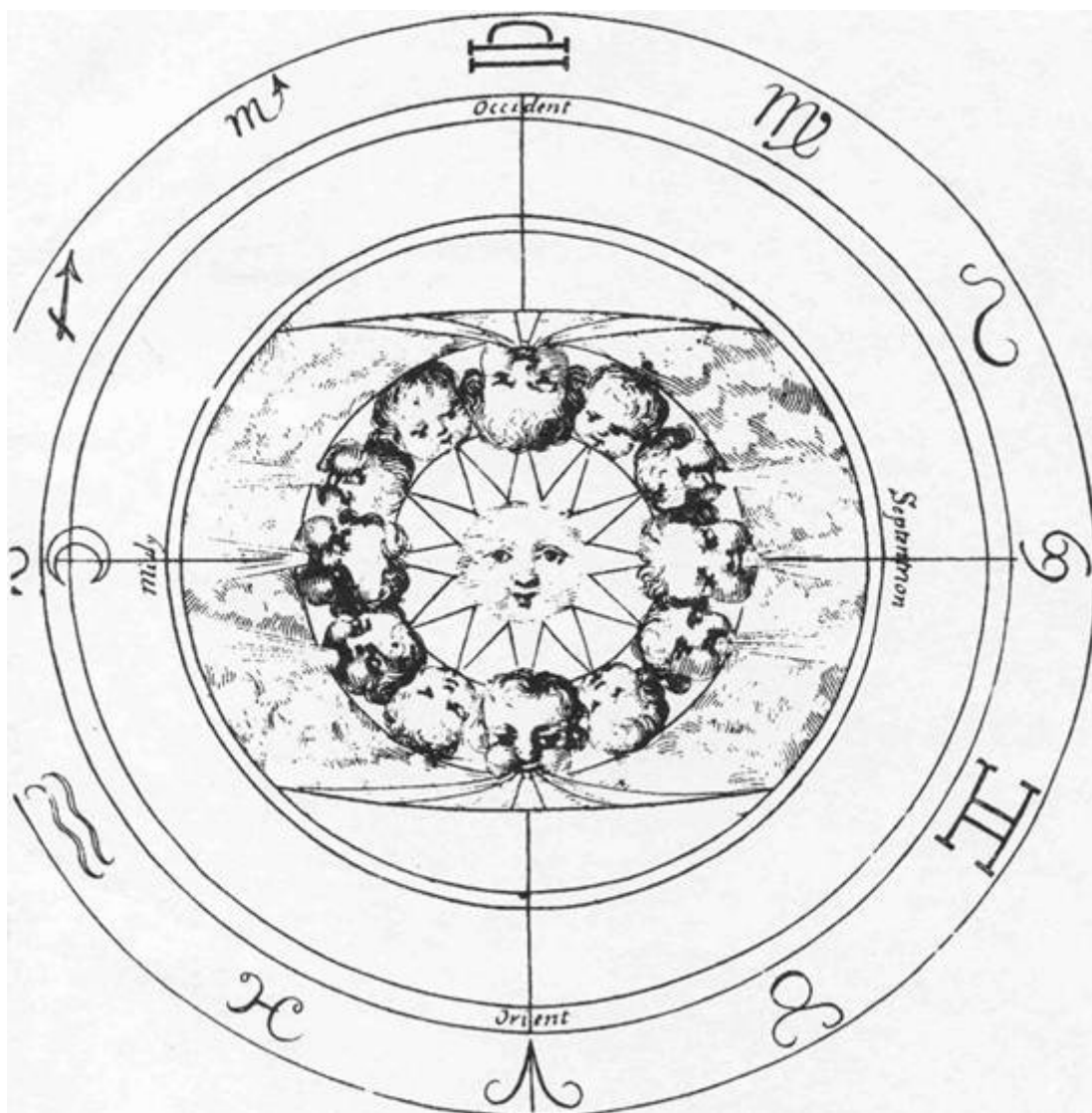
Однако, прежде, чем следовать за нашим философом в его путешествии по белому спутнику, мы посетили хранилище книг на улице Ришельё, чтобы ещё раз пролистать тяжёлый том Жерома Кардана, прочитанный нами очень давно. В результате мы сделали вывод, что свидетелем сверхъестественного посещения был не сам Иероним (Жером), протестующе заявлявший: «Я, никогда не видевший духов (*genies*)...»; *qui Dæmonos nunquam vidi*¹⁶³, а его отец Фациус Карданус.

Рассказ об этом посещении (действительном или выдуманном), происшедшем 13 августа 1491 года в 8 часов вечера, заимствован Иеронимом из Воспоминаний его первого учителя — собственного отца — и носит полностью алхимический характер. Среди семи посетителей, представших пред Фацио Карданом, двое, благородного сложения, вели за собою прочих пятерых. Из них первого, *высокого, одетого в красное*, сопровождали тоже двое спутников, второго, *пониже, белого* — трое.

Для всякого герметика очевидно, что речь здесь идёт о золоте и серебре, сопровождаемых несовершенными металлами, влекомыми благородным естеством и цветом. Вот почему железо и медь следуют за золотом, чьи свойства — мужские, сульфурные и красные; а в свою очередь свинец, олово и ртуть (*mercure*) — за женским, меркуриальным и белым серебром.

¹⁶² Книги Иеронимуса Кардануса, именуемые о Тончайшем и тончайших изобретениях вместе с тайными вещами и о причинах таковых. *Les Livres de Hierosme Cardanus, intitulez de la Subtilité, et subtiles inventions, ensemble les causes occultes, et raisons d'icelles*. Paris, Guillaume Le Noir, 1556.

¹⁶³ Hieronymi Cardani, *de Subtilitate*, Libri XXI. Norimbergæ, 1550, liber XIX, p. 364.

Внимательно рассмотрев этот рисунок, вовсе не иносказательный, а астрономически точный, мы уже не удивимся тому, что Василий Валентин в *Двенадцати Ключах Любомудрия* весьма настаивал на значении ветров.

XLVII. Кормчий живой Волны (ветры и приливы)

Сирано Бержераку ясно, что философская и благородная минеральная чета, проявляющая себя через двух великих старцев, «обитателей Луны», указывает на золото и серебро мудрецов, прародителей всех металлов, как драгоценных, так и низких; но наша чета внутри алхимического микрокосма сама порождена влажной ночной звездой, которую все древние авторы почитали как материей, так и деятельницею Великого Делания. Это и есть меркурий мудрецов, добрый вождь лунных путешествий Бержерака, узнавший в нашем философе галла и гражданина Луны, который кабалистически ведёт его чрез посвячительные пространства, где обитает *verbum dimissum*, потерянное слово, древнее греческое и новое французское, порою слетавшее с пера Монтеня и Франсуа Рабле. И путешественник удивлённо вопрошает своего духа-водителя:

«...как может быть, что вчера Ваш рост был столь высок, а сегодня столь низок, вчера Ваш голос был слабым и глухим, а сегодня он ясен и силен, вчера Вы были убеждённым сединой стариком, а сегодня Вы — юноша?»

Отчаянно смелый воздухоплаватель Савиньён де Сирано ясно указывает нам на самые тяжёлые препятствия философскому деланию, о которые претывается большинство исследователей и о которых мало кто из Адептов упоминал в своих книгах. Возрождая и

упорядочивая все вещества, Луна, по мере схождения месяца на ущерб, теряет свою живительную силу вместе с уменьшением диска.

«Я знаю, что сейчас, на ущербе, в своей последней четверти, Луна сосёт костный мозг всего живого, и мой в том числе...»

Как ночное светило явным и мощным образом воздействует на *марево моря*, так же влияет оно и на меркурий философов — их великое *море, мать, марь, мор*. Среди трудов классиков искусства Гермеса мы находим на эту тему любопытный трактат¹⁶⁴, гравюра из которого о влиянии ветров помогает нам попятить отрывок из *Государств и Империй Луны*, когда *рождённый на Солнце Дух* (Démon) говорит Сирано:

«Я, например, всеми чувствами своими знаю причину тяги магнита к полюсу, тяги приливов моря, тяги всего живого к смерти...»

С нашей стороны чрезвычайно любопытно установить связь между некоторыми иносказаниями нашего автора и важнейшими аспектами философского делания, объяснёнными Филалетом. Хотя основной труд таинственного английского алхимика был отпечатан в Лондоне только в 1669 году, Бержерак, по-видимому, читал его в рукописи. И мы полагаем, хотя и вступали перед тем, как сделать такой вывод, в волнуемое море раздумий, что водителем и хранителем Бержерака был тот же Илия, который, согласно Филалету, обеспечит процветание и счастье человечества перед тем, как наступят последние времена этого Мира:

«Ибо рождён уже Илия Художник, и уже великие вещи прозвучали над Градом Божиим¹⁶⁵».

Средство, с помощью которого Пророк Израилев возносит Сирано в райскую землю, указывает нам на *огненную* природу его колесницы (char). Так, Илия, беспрестанно подбрасывает над собой *магнитный шар* (boule d'aimant, *любовное колесо*), и «очищенный и уготованный», поднимался вместе со своей колесницей (chariot, телегой) из *стали* (acier), влекомой неодолимым космическим влечением:

«Воистину, — говорит он, — зрелище сие было удивительно, ибо я так отполировал свой летающий стальной дом и он так живо и ярко отражал свет Солнца, что мне казалось, будто я сам возношусь на огненной колеснице».

Сравним это иносказание со словами из драгоценных глав Филалета, который с предельной точностью излагает трансцендентные физические законы нашей традиционной алхимии:

«Как Сталь (Acier) влекома магнитом (Aimant, Любовником), а Магнит произвольно поворачивается к Стали, так и Магнит Мудрецов притягивает к себе их Сталь. Вот почему, подобно ему, как Сталь есть рудник, где мы находим золото, так и наш Магнит есть истинный рудник нашей Стали¹⁶⁶».

В *Государствах Солнца* Савиньён настаивает на том, что этот действительный первого порядка (agent primordial) становится причиной тягостных приключений, предупреждающих забывчивого алхимика об осторожности и хранении тайны. Из его кладки выпадает книга по физике, к несчастью становящаяся добычей негодяя; и открывается она как раз «на той странице, где объяснены достоинства магнита». Того, кто останавливает ум на «кальцинированном притяжении», наш философ сравнивает с несчастным существом, обычною жертвой магических церемоний:

«Положи жабу на грудь женичины, — говорит Михаил Майер в своей *Убегающей*

¹⁶⁴ Матурен Эквем, господин де Мартино. *Кормчий живой Волны, или Тайна Приливов и Отливов Моря*.

Mathurin Eyuem, sieur du Martineau. *Le Pilote de l'Onde vive ou le Secret du Flux et Reflux de la mer*. Paris, Jean d'Houry, 1678.

¹⁶⁵ Introitus apertus ad ocllusum Regis Palatium — *Врата отверсты Царска Дворца затверста*: Quia natus est jam Elias Artista, et gloriosa jam prædicantur de Civitate Dei. Cap. XIII, § XXVIII.

¹⁶⁶ Introitus Opus citatum supra. Cap. IV, § I:

Quemadmodum Chalybs (sic! — перев.) ad Magnetem trahitur, Magnesque sponte se ad Chalybem convertit, sic et Magnes Sophorum trahit illorum Chalybem. Quare sicut Chalybem docui esse auri mineram, pariter et Magnes noster est Chalybis nostri vera minera.

Аталанте, — и пусть жетница напитает ея, и умрёт, а жаба надуется от молока»¹⁶⁷.

Земноводное, вбирающее в себя влажный жар летних ночей, демонстрирует удивительную стойкость к высушиванию. Объяснение этому можно найти в символике жабы и ея месте в литературных и графических иносказаниях философской операции, на которую указывает Бержерак. Цель этой операции понятна только из греческого корнесловия, в полной противоположности мнению Литтре, вообще всячески отрицавшего наше элленическое (*hellenique*) родство. Позитивистская этимология производит название *жабы*, *scaraud*, от англосаксонского *сгеоран* — *ползать*, однако старо-французское *scaros*, несомненно, истекает из *кάρπω*, *каррô*, *кάρφω*, *карфô*: *я осушаю, оставляю сухим, извлекаю, иссушаю, покрываю позором, ослабляю*¹⁶⁸.

Однако, какую же всё-таки весёлую картину мирной и ничего не губящей атомной бомбардировки нарисовал наш физик не в пример учёным нынешнего, самозванно именующего себя цивилизованным человечества, использующего эти силы только в целях разрушения и смерти! Мудрый исследователь, он находит случай сказать о радиоактивности тел, постоянном проявлении *тайного огня* алхимиков и орудий совершения первого чуда Великого Делания, творимого, по общему суждению древних авторов, *самим художником*, не способным пока постичь тайну чудесного осуществления:

«В конце концов, эти первые и неделимые Атомы создают круг, в котором без труда вращаются все самые непреодолимые трудности Философии. Преображения Чувств, никем ещё полностью не достигнутого, объяснить нечем, кроме как этим движением малых тел» (*Государства Луны*).

Для Сирано материя, единая с духом, единственна и бессмертна. Это и есть предпосылка основного постулата алхимии о том, что *всё есть во всём*. Он утверждает, что «Прометей извлёк из недр естества и сделал доступной для нас именно первоматерию». Ея, точнее, древний ея символ, изобразил на титуле своей книги *Происхождение Алхимии* Марселен Бертело, к сожалению, глубоко соблазнившийся позитивной стороной науки Гермеса, которую в целом он не сумел отделить от обманчивых спагирических формул. Итак, мы видим обложку, украшенную изображением *уроборос*'а — *serpens qui caudam devorat* — *змия, пожирающего собственный хвост*, и обрамляющего греческую аксиому: «*Ἐν τὸ πᾶν* =

ЕДИН ЕСТЬ ВСЁ» («ЕДИНО ВСЁ »).

Трудно не обратить внимание на данное Бержеракom точное описание прибора, записывающего и воспроизводящего человеческий голос, — через два с половиной столетия он появится на удивление всему миру под названием граммофона, а затем патефона.

«Когда кто-то хочет что-то прочесть, он прокручивает в этой машине множество ключей, затем поворачивает ручку на главу, которую хочет прослушать, и тогда из этого ореха, словно из человеческого рта или музыкального инструмента, начинают литься различные звуки, используемые великими Лунитами в качестве языка».

Солнечные духи пишут свои книги именно таким словесно-музыкальным способом — поэтому-то в традиционной кабале Ведение и передаётся только устно:

«Это воистину Книга, — провозглашает Сирано, — но это чудесная Книга без листов и букв; наконец, чтобы читать эту Книгу, не требуются глаза, но только уши...

¹⁶⁷ Atalanta Fugiens. Oppenheimii, 1618, Emblema V:

Appone mulieris super mammas bufonem, ut ablactet eum, & moriatur mulier, sitque bufo grossus de lacte.

Мы читаем *lactet*, что требует пояснений. *Ablactare* соответствует ἀπογαλακτίζειν, *отнимать от груди*, что, согласно Дю Канжу, уточняет смысл в *lacte extrahere, vel removere, segregare*, то есть *отделять от молока, разделять*.

¹⁶⁸ Этот глагол образует прилагательное *кάρφύκτος*, *карфуктос*, которое мы находим в *Лексиконе* Исихиуса — Hesychii Lexicon (Leipzig, 1972) — *морицинистый, грязный, бородавчатый*.

Так вы всегда будете окружены всеми великими Людьми, мёртвыми и живыми, которые словно въяве беседуют с вами».

Уместно напомнить, что изобретением фонографа мы обязаны французскому мистiku высочайшего класса, гениальному завсегдатаю богемных кружков и основателю «Зютизма» Шарлю Кро (Charles Cros), в запечатанном пакете представившему своё открытие в Академию Наук в 1877 году, до того, как американский физик Эдисон осуществил его на практике и соответственно извлёк из него барыш. А сколько других изобретений, часто самых сенсационных, связано с именем Шарля Кро — а ведь мы помним о нём только как о юмористе и поэте и почти забыли о нём как об учёном. Капризная фортуна распорядилась так, что для нас он только сочинитель *Бильбоке* и *Копчёной селёдки*. Тем не менее этот человек был автором не только веселивших общество монологов-анекдотов, но также и способов изготовления искусственных драгоценных камней и цветной фотографии (датирован 1869 годом). Более того, после него остались рукописи с любопытными гипотезами о возможностях межзвёздного сообщения.

Богема с её фантазиями и странностями скрывает не только лень и бездарность. Как и Савиньён де Сирано Бержерак, Шарль Кро — тому свидетельство, ведь он долгое время пребывал среди богемы, пока не наступили для него тяжёлые времена.

*Станешь гибче воды,
Но помрёшь без еды,
На гитаре бренча...*

Напомним теперь об описании машины, которую Сирано, заключённый в *Башне*, изобрёл и начертил дабы обрести освобождение, оставив нам при этом бесценные физико-химические указания на *чашу естества*, само влияние которой составляет почти неразрешимую загадку Великого Делания. Напомним: даже образуя сферу, эта хрустальная чаша, призванная улавливать и собирать солнечное излучение, «имеет множество углов и форму двадцатигранника».

Принципиальная двойственность — сферическая чаша и шар-икосаэдр — очерчивает естество и действие таинственного *купороса* (*vitriol*) алхимиков, именуемого также *изумрудом* или *смарагдом* философов. Это — зелёная соль, кристаллизующаяся в виде многогранника с двадцатью гранями. Бержерак описал её почти через 20 лет после того, как Карл I установил аналогичный по форме гномон в своём дворце Холируд в Эдинбурге.

Слово, которое в физике означает драгоценный камень звёздного происхождения, если читать его по буквам, образует инициалы надписания, сделанного маркизом Максимилиеном Паломбарой над воротами его замка:

VILLAE IANUAM TRAHENDO RECLUDENS IASON OBTINET LOCUPLES VELLVS MEDEA =
VITRIOLVM

Надпись станет ещё более загадочной, если мы приведём для читателей её перевод, обладающий необычайной силой притяжения для всех нас, наследников римской культуры и жертв злосчастного урбанизма:

«Иасон, толкнув двери виллы, открывает и обретает с помощью Медеи драгоценное Руно¹⁶⁹».

Дом, который следует открыть, руно, которое там находится и которое следует, завоевав, обрести, суть Земля и Лекарство, являющиеся разгадкой обрамляющего пентакль афоризма с теми же инициалами — одна из гравюр на дереве из Трактата об Азоте:

VISITA INTERIORA TERRAE RECTIFICANDOQVE INVENIES OCCULTVM LAPIDEM VERAM MEDICINAM

Посети исподнюю Земли и, очищая, найдёшь сокрытый Камень, истинное Лекарство.

Это и есть кристалл или хрусталь, возносящий нашего философа сквозь воздух и эфир

¹⁶⁹ См. Два Алхимических Жилища. *Deux Logis Alchimiques*, p. 29, op. cit.

в *Государства Солнца*, его Империю, где истинные служители Розы и Креста, вселенские обитатели Гелиополиса, обретают свою легендарную всепроницаемость и долголетие:

«Мой блуждающий взгляд случайно упал на мою же грудь, скользнув по поверхности тела, проник внутрь его; в следующее мгновение я увидел всё, что было позади меня, как будто вся моя плоть стала органом зрения; я ощущал её свободной от присущей ей непрозрачности, приближаясь предметами к глазам, а глазами к предметам помимо собственного тела». (*Государства Солнца*).

Чудо, относящееся к *последней варке*, Сирано описал блистательно и достойно, на уровне лучших классиков *Великого Искусства*. Он восхищённо созерцает и с точной ясностью описывает *воспламенённый Мир*:

«В крови моей жила необычайная радость, проникавшая в душу и делавшая её чистой».

Описанный Сирано цветопереход имеет место внутри *философского яйца*, «малого хрустального купола» (*dome, свода, собора*); слово *хрусталь* или *кристалл* с герметической точки зрения драгоценно именно в его звуковом раскладе: Χριστοῦ, *Khirstou, Христова* и ἄλς, *als, соль = Христова соль*, на языке *птиц*. Наблюдая медленную перемену оттенков благороднейшего цвета, «я погрузил, — пишет Сирано, — свой взор в чашу». В самом деле, взгляд *художника* на этой стадии делания должен быть предельно острым, ибо философская призма развивается внутри черноты, в глубине *киммерийских сумерек*, где само Естество, а, следом за Ним, и Адепты, открывают тайну великого Согласия (*Harmonie*) и *Творения* в целом.

Эту *чернь чернее чёрной черни*, но при этом прозрачную, мы созерцаем на одной из иллюстраций, которыми Жорж Ораш Страсбургский снабдил свой небольшой труд *Драгоценнейший Дар Божий, описанный и изображённый собственной рукою в лето 1415 от Спасения искупленного Рода Человеческого (Le Tres-Precieux Don de Dieu, escript et peint de sa propre main, l'an du Salut de l'Humanité rachetée, 1415)*¹⁷⁰.

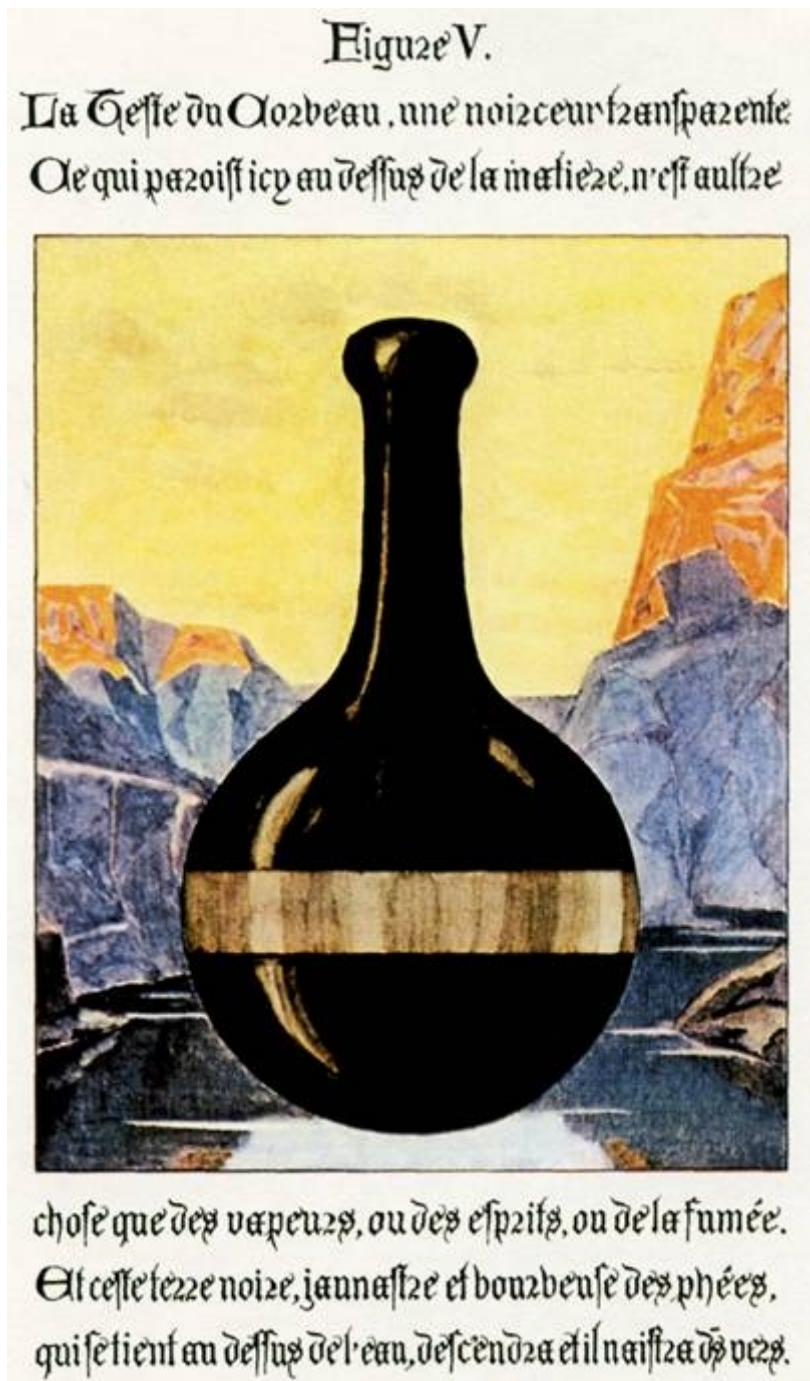
Чуть позже отверстая чаша, в которой находится всё та же наша зола (*cendres, пепел*), но уже в преображённом виде, отдаёт чудесный плод алхимику, охваченному всецелым озарением. Об этом же иносказательно говорит Сирано Бержерак, констатируя распад своего творения:

«Его не было... вместо него повсюду было Небо... я не знаю, какое невидимое препятствие отталкивает мою руку, когда я её протягиваю... мне пришло в голову, что, поднявшись, я бы очутился на небесной тверди, той самой, которую иные Философы и некие Астрономы почитают воистину твёрдой».

Он присоединяет свой голос ко всем добрым Мастерам с их стародедовским советом следовать в нашем скорее Божественном, нежели человеческом, делании, за Естеством таким образом, чтобы художник беспрекословно подчинился незыблемым законам и знал, что нарушать или пытаться обойти их ему воспрещено:

«Я был ведóm только Естеством, которое не рассуждает».

¹⁷⁰ См. *supra*, в гл. *Алхимическое Делание и Святая Месса*, табл. IV, цв.; и тж. привед. зд. табл. V цв. из того же трактата того же Адепта.

Текст к Фигуре V. Голова Ворона, прозрачная чернота. То, что проявляется по нижнюю сторону материи, есть не что иное, как вещь, составленная из пара, духов, огня. Эта чёрная земля, желтизна и грязь (*bourbeuse*), принадлежащая феям, находится под водой и под пеплом (*sendre*, золой), и она порождает червей. Гниение произошло, тела разрушились, превратившись в более светлую массу, густой пласт которой распространяется в черноте, заполнившей скляницу (*matras*, матку).

XLVIII. Драгоценнейший Дар Божий (фигура V)

В единении человека и естества, часто нами подчёркиваемом, ни знание, ни вдохновение, ни интуицию, ни тем более веру нельзя восполнить рассудочной деятельностью:

«Этот жар моей воли не только укрепляет моё тело, но и направляет его к той желанной вещи, которую я так жажду объять».

Но именно такая пылкость послужила для Савиньёна драгоценным предостережением, ибо она зачастую приводила исследователя к неудаче, если ему — увы! — не хватало мудрости и спокойствия удерживать свои порывы: «*Præcipitatio a diabolo*», *торопливость от*

дьявола.

В ходе философского делания важно ни в коем случае не открывать *реторту* — иначе, из-за необратимой потери *компоста* будет утеряно всё, в том числе затраченное время и деньги. «Судьба (Fortune), врагиня Естества (Nature), коварно заставила меня, — сетуя, предупреждает Бержерак будущих искателей, — положить мою руку на хрустальные своды. О, горе! Грохот потряс мой слух, грохот икосаэдра, разбитого по моей собственной вине на мелкие куски!»

Сирано, мудрый адепт *сухого пути*, благосклонно относится и к подробно описанному различными авторами *долгому пути*, заявляя, что хотя в этом случае утомительная (*fastidieuse*)¹⁷¹ варка длится целых двадцать два месяца, «по окончании её счастливый художник попадает на равнину вечного Дня». И ничто, по мнению нашего философа, так с самого начала не мешает пробуждению *Воображения* (l'Imagination), как *Память* (Memoire), которая, согласно Сирано, у него общая с сойками, попугаями, сороками, скворцами и коноплянками, то есть с педантами, тем самым Сирано даёт понять, сколь бесплодны и убоги школьные программы.

Превыше потоков, орошающих Солнечную Империю, потоков *Памяти* и *Суждения* (*Jugement*), есть поток *Воображения*, из которого можно пригоршнями черпать сверкающую и летучую жидкость:

«При более внимательном исследовании, — уточняет наш философ, — я обратил внимание на текущее по руслу питьевое золото, пенящееся елеем талька»¹⁷².

Среди загадочных производных Великого Делания — *недозрелое золото* (*l'or immûr*) и *живое серебро* (*l'argent vif, ртуть*), совершенный союз которых образует *Русалку* или *Сирену* (*Sirène*): Σεῖρ, *Seir* или *Cup*, *Царь*^{173*}, *Солнце* и "Ενϋ, *Ene*, *новая или молодая Луна*. Вместе с Кампанеллой добравшись до благословенного порта, наш вдохновенный наблюдатель следит за ожесточённой битвой этих едино-противоположных начал, дающих в водах равноденствия рождение легендарному двойному существу:

«Рыба, питаемая ими, из рода прилипал, сирен и саламандр».

Пять источников, отождествляемых с пятью чувствами и символизирующих несовершенные металлы, соединяются в три потока: *Воображения*, *Памяти* и *Суждения*, то есть в три великих начала *серы, соли и ртути*; эти потоки впадают в *Озеро*, место обитания Нимфы Мира. *Сон хаоса первого порядка* (*chaos primordial*) веет над этой тяжёлой и спокойной водой, заполняющей «чёрную впадину пещеры», возле которой Сирано задремал, братски увещиваемый своим спутником:

«Спите же, спите, я оставляю вас; ваши сновидения воистину совершенны, и когда-нибудь вы будете чувствовать себя счастливым от одного воспоминания о том, что с вами происходило».

«Воистину, — внезапно пробудившись, заключает наш сновидец, — я испытываю немыслимое уважение к тем Философам, которых все зовут мечтателями, а невежды осмеивают».

Как и все великие Адепты, Савиньён де Сирано Бержерак именно в «Краю Философов» видел свой самый прекрасный сон. *Царский путь* алхимии неотменимо пересекает чудесные области чарующей сказки.

¹⁷¹ Встречаемый в некоторых редакциях эпитет *обманчивая* (*fallacieuse*) нам не кажется подходящим, ибо он вообще не является философским, ни научным, тем более, когда его употребляют для характеристики *долгого пути*. Мы утверждаем это, хотя сами и потерпели в нём неудачу в 1931 году, после четырнадцати месяцев упорного труда и внимательного наблюдения.

¹⁷² Dom Pernety. *Dictionnaire*, op. cit., p. 201. «Елей Талька (*Huile de Talc*). Древние хорошо знали об этом елее, обладающем столь высокими достоинствами, что химики прилагали все свои знания для его составления; они занимались кальцинированием, очищением, сублимированием и т.д., и никто, однако, не сумел выделить этот драгоценнейший *елей*. Древние же говорили о нём иносказательно».

^{173*} *Сур* или *Рус*.

«Путь этот, — уверяет нас Сирано, сколь благодатен, столь и одинок, идя по нему, дышишь вольным и тонким воздухом, питающим душу и дающим силы управлять своими страстями».

Союз четырёх стихий, считающийся невозможным. Попарно они образуют равносторонние треугольники — огня и воды, вершиной кверху, и воздуха и земли, вершиной книзу. Взаимное наложение этих фигур образует печать Соломона, иероглифическое изображение Философского Камня.

XLIX. Фронтиспис *Musæum Hermeticum*

Килиани, уснувший под огромным дубом, сумел, однако, успешнее сопротивляться ядовитому воздействию сулемы (bichlorure de mercure, двухлорида ртути), чем Сирано бревну, упавшему с кровли дворца герцога Арпажонского. Не будь этой плачевной случайности, сколько совершил бы Философ, продлись его жизнь ещё на десяток лет! Нельзя забывать, что смерть его наступила в тридцать пять лет, именно в том возрасте, когда наиболее одарённые умы начинают осознавать себя и только набирают силу...

Следуя за Савиньёном де Сирано Бержераком, мы входили в мир сколь ослепительный, столь и знакомый, открывшийся ему, а следом за ним и всем нам, словно по мановению волшебной палочки. Отдавшись двойному попечению времени и пространства, мы, быть может, слишком быстро совершили наше необычное путешествие, и залпом, не насладившись вкусом, выпили знаменитое *молоко птиц*. К этому, превратившемуся в

пословицу выражению, которым греки изображали вещь редкую или преизобильную, мы, *если Богу будет угодно*, ещё вернёмся, и непременно под сенью Креста, чтобы порассуждать о сём более подробно при тихом свете наших светильников в покое одиноких ночей.

Подобно тому, как гравюра на фронтисписе Musæum Hermeticum открывает врата земли, войдя в которые, услышим тайные хоры светил небесных, чья мелодия выражает союз четырёх стихий земных, мы открываем и *Великое Делание Philosophov*, «сотворённое одним из могущественнейших духов Солнца», Делание, к котором чрез непрестанное почитание четвёртого измерения правит Согласие (Harmonic) в его абсолютной полноте.

«Оно доказывает, что все вещи истинны и объясняет способ физического слияния противостоящих друг другу истин...»

И вот мы втроём, вместе с Савиньёном де Сирано Бержераком и будущим читателем, вновь и вновь поднимаемся в небесные страны Солнца и Луны Philosophov, дабы утолить жажду, припав к *источнику юности*, к *фонтану влюблённых* в вечное Ведение.

Ноябрь 1946.

Тетради Гермеса (Cahiers D'Hermes)

Каллиграфически украшая завершающую часть труда Анри де Линто герметическим гербом,
переписчик желал указать всем, способным его понять, что учение этого сына ведения в
совершенстве познано и воплощено,
КОГДА ЕСТЬ СОЛЬ

L. Заключительная виньетка

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Введение

- I. Алхимия (фронтиспис *Лестницы Мудрецов*)
- II. *Так зло порождает неслыханное бедствие* (*Typus Mundi*. Antverpiæ, A.M.D.G., гравюра 2)
.....
- III. *Поэтому мир перевернулся* (*Typus Mundi*, гравюра 3)
- IV. Двойное очищение, водное и огненное (символическая живопись XVII века)
- V. Соитие Великого Делания (*Rosarium Philosophorum*, первое издание)
- VI. Легенда об Аталанте (титульный лист книги *Atalanta fugiens*)
- VII. Сонет *Гласные* (автограф)
- VIII. Символы Великого Делания и битвы двух Начал Естества (Гобино де Монлуизан)
- IX. Влажные свойства долгого пути (*Magnetis Mutus Liber*)
- X. Сухие свойства краткого пути (первое издание *Mutus Liber*)
- XI. Буква Е, охваченная стихийным пламенем (*flammæ élémentaires*) (Гостиница Лальман в Бурже)
- XII. Госпожа Единорога и моё единственное желание (музей Клюни в Париже)
- XIII. Физиологическое новообретение земного Рая (*Rosarium Philosophorum* в *Arte aurifera*)
.....

Женщина без Головы

- XIV. Обнажение девствешшцы (рукопись философа Солидония)
- XV. Азот или Купорос (*Vitriolum*) и достоинства подземной астрономии (*Кабала*, 1615, гравюра I)

Алхимическое Древо

- XVI. Философская *беременная* (*la grävda*) (Книга Авраама Еврея)
- XVII. Древо планетных металлов (*Слава Мира, или Райский Союз*, фронтиспис)
- XVIII. Ворон и голубки на дубе (*Золотое Руно* Соломона Трисмосена, фигура 5)

Алхимическая Символика Богоявленного Пирога

- XIX. Венера Мудрецов (Анри де Линто, *Аврора*, рукопись)
- XX. Субъект хотя и отталкивающий на вид, но являющийся истинной жилой нашего золота (Гослар, Ганновер, свод фасада)

Талисман Марли-ле-Руа

- XXI. Небесный *армоньяк* (*harmoniac*), тождественный сущности исходящей от нашей земной девы. (Ватиканская библиотека, латинская рукопись 7286)
- XXII. Алхимико-астрологическое соединение двух великих светил в лоне живой волны (*Scrutinii emblemata* XXXIV)
- XXIII. Теофраст Бомбаст, он же Парацельс, апостол священной медицины

Очистительный Огонь и его апокалиптический Вестник

- XXIV. Краткое изложение философского делания в символических образах (*Семь Оттенков*

Делания)

XXV. День и ночь; то, что наверху, и то, что внизу (гравюра IV, Ianitor Pansopho)

Золотое Руно

XXVI. Ветер или аер есть средство передачи огня во оживление химического младенца (эмблема I в *Scrutinio chymico*)

XXVII. Канонический и нерушимый брак двух начал естества (Михаил Майер, *Symbola aurea*)

XXVIII. Соединение Естества через Разделение Сумерек. Coniunctio Naturarum, per separationem Tenebrarum (Зерцало Истины, Ватиканский музей)

XXIX. Дракон побеждён без вмешательства облачённого в железо Рыцаря (готическая заалтарная лепка XV века)

XXX. Марс заменяет свою голову на абсолютно чёрную *caput* убитой им белой женщины (Золотое Руно, фигура 10)

XXXI. Адепт своею шпагой подчиняет страшное диво по имени Цербер и тем открывает доступ к центральным кузницам земли (Философское Рассуждение Сабины Стюарт)

Три Стрелы Искупления

XXXII. Тройное очищение перводелания или три острия Распятия (полихромное стекло в церкви святого Фомы Аквинского)

XXXIII. Гербы Агнца Давидова (l'Agneau de David) (Химическая Гармония медика Давида Ланьо /David Lagneau/)

XXXIV. Viridarium или hortus conclusus и огненный дух священного крепления вина (vinage) в процессе приумножения (*Cabala*, гравюра 4)

Алхимическое Делание и Святая Месса

XXXV. Щедрая грудь Девы, отдающей сосцы всем жаждущим ведения, влюблённым в науку (*Symbola aurea* Михаила Майера)

XXXVI. Соединение четырёх стихий или союз Царя и Царицы, от которого рождается Феникс (*Cabala*, гравюра 3)

XXXVII. Растворение (dissolution) чрез гниение, представляющего алхимическое доказательство того, что смерть есть, на самом деле, новое рождение (Жорж Ораш. *Дар Божий*, фигура IV)

XXXVIII. Свеча в водах; эротико-религиозное иносказание союза философской четы (Дворец Жака Кёра)

XXXIX. Последняя варка завершена, расколовшееся яйцо естества отдаёт свой внутренний плод, драгоценный камень (Дворец Жака Кёра)

XL. Женщина, необходимая для внутренних аспектов Великого Делания, не может быть исключена из его осуществления (Дворец Жака Кёра)

Эзотерика Слова

XLI. *Седмица Седмиц* — *Hebdomas hebdomadum* (витраж, церковь святой Марии Магдалины в Труа /Трое/)

XLII. Возгонка, указывающая на преобладающую силу космического флюида (*Cabala*, гравюра 2)

О Сирано Бержераке, герметическом философе

- XLIII. Портрет учёного автора *Государств Луны и Солнца*
- XLIV. Солнце, луна, четыре стихии (*éléments*), феникс и пеликан-кормилица (иллюстрации на титульном листе книги *Misæum Hermeticum*
- XLV. Дерево, черпающее силу и плодородие из бесплодной скалы, именуемой также *дорогой землёй* (*chère terre*) (*Искусство Пуатье*, фигура 104)
- XLVI. Две фривольные рукописи Сирано, посвящённые змее (рукопись Национальной библиотеки)
- XLVII. Действие луны на океаны и воздух, покрывающий их (*Кормчий Живой волны*)
- XLVIII. Постепенно в недрах тёмной и сжиженной массы возгорается свет (*Donum Dei*, фигура IV)
- XLIX. Песнь металлов, чрез которую Истина выходит из колодца (*Musæum Hermeticum*, фронтиспис)
- L. Герб Великого Делания для сухого пути

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

(номера страниц указаны для книги на бумаге издания "Энигма" и к данному файлу .doc отношения не имеют)

А

А 37,50,52
 ААРОН 92
 АБЕЛЯР 250
 Авеню Виктория 241
 АВРААМ 96, 240
 АВРААМЕВРЕЙ 94-95
Аврора 112-113
 Агент, деятель 260
 АГРИППА (Генрих Корнелий) 132, 154
 АДАМ 91, 96, 154
 Адамическая земля 83, 91
 Адамическое древо 91
 Адепт 87, 128, 131, 143, 161, 174, 206, 222, 225, 246, 255, 259, 266-268
 Адепт из Буржа 67
 АДЛЬФ 96
 АЗЕ (М.) 212
Азот, или Способ изготовления сокровища Золота 96
 Академия Наук 262
 Академия Цветущих Игр 173
 АЛКЕЙ 236
 Алкоголь 236
 АЛЛЮИ (Halluy) 222
 Алтарь 84, 186, 198, 200, 202, 208, 211-212, 214-215
 Алхимик 30, 49, 52-54, 58, 60, 63, 72, 76, 79, 84, 92, 98, 102, 114, 124, 128, 132, 134, 139-140, 143-144, 149, 153, 157-158, 166, 177, 182, 187, 196-198, 202, 205, 208, 211, 221, 229-230, 240, 246, 252, 260-261, 265-266
 Алхимик Слова 57
 Алхимист 96
 Алхимический зверинец 229
 Алхимическое Древо, где оружие Источника под Древом 226
 Алхимия 26, 28-29, 33, 38, 39, 45, 49, 47-48, 79, 95, 115, 124, 158, 170, 181, 206, 222, 229, 244, 247-248, 260-261, 268
Алхимия Открытая (Разоблаченная) 75
 АЛЬБЕРТ ВЕЛИКИЙ 158, 182
 АЛЬКОФРИБАС НАЗЬЕ 236
 Аммиачная соль 158
Амфитеатр Вечной Мудрости 41, 211
 Ангел 63, 102, 177, 205, 207-208, 247
 Андрогинат 72, 91
 АННА АВСТРИЙСКАЯ 251
 Антибиотики 34
 АНТИХРИСТ 148
Апокалипсис (Откровение) св. Иоанна Богослова 29, 147, 207
 Апокрифические Евангелия 131, 201
 Апокрифы 131, 221

Арго 119, 236
 Аргонавты 153, 158, 169, 173
 Арготьеры 239
 АРГУС 41
 АРЕС 161
 АРИАДНА 166
Арислей в видении 46
 АРИСТОТЕЛЬ 25
 Армоньяк 144, 158
 АРНОЛЬД (П.) 127
 АРТЕФИЙ 53, 127
Архидоксы 135
 АССУСИ (Куаро д') 240
 Астрология 124, 222, 229
 АТАЛАНТА 48
 Атанор 144, 202, 211, 246
 Ателье 140
 Атлантида 87
 Атомная бомбардировка 261
 АФАМАНТ 153-154, 157-158

Б

БЁТЦЕР (Антон) 96
 БАЛЬЗАК (Оноре де) 229
 БАЛЬТЕНС (Рафаэль) 190
 Баран 161-162, 164-165, 177
 БАРАНТ САНДЕРС ван ГЕЛЬ-ПЕН 26
Басни египетские и греческие, раскрытые и сведённые 174
 БАССЕ (Рене) 148
 БАТСДОРФ (Анри) 114
 Бафомет 166
 Башня 265
 Безумец Великого Делания 157
 Белая вода 70, 98
 Белая женщина 84
 Белая и слоистая земля 114
 Белизна 68, 84
 БЕЛЛАНЖЕ 242
 БЕЛЛАНЖЕ (Антуан) 241-242
 БЕЛЛАНЖЕ (Флоранс) 242, 245
 БЕЛЛАНЖЕ (Эсперанс) 241
 Белый цвет 52, 64, 67, 115-116, 132, 147, 170, 173, 207, 211, 229, 246, 256
 БЕНЕЗИТ 239
 БЕРНАРТРЕВИЗАН 68, 101, 128, 246
Беррийские Древности и Памятники 212
 БЕРТЕЛО (Марселей) 123, 262
Беседы (Фонтенеля) 251
 Бесплодная земля 250
 БЕШЕРЕЛЬ 240
Библиотека Химических Философов 57
Библиотека Чудесного 144
 Библия 221

Бильбоке 262
 Благовещение 71
 Благословенная (святая) вода 210
 БЛАНК (Ришар де) 256
 Близнецы (знак созвездия) 57
 Богатство 198, 202
 Богема 262, 265
 Богослужбное доследование об Осле 119
 Богоявленный пирог (Лепёшка Царей) 109-110, 113, 115-116
 БОННЕЛЬ 211
 БОРЕЙ 154
 БРАШЕ (Огюст) 92
 БРИ (Ян Теодор де) 49
 БУДДА 97
 Бульвар Сен-Мишель 182
 Бурж 67, 79
 БЦЖ 34
 Бык 170
Бытие 58, 63, 91, 157, 221
Бюллетень Старого Марли 123
 БЮЛОЗ (Франсуа де) 229

В

В 54
 Вакцина, вакцинация 34
 Варка 75, 132, 140, 162, 216, 225, 266-267
 ВАСИЛИЙ ВАЛЕНТИН 71-72, 76, 83, 96, 207, 215, 258
Введение в изучение химии Древних 123
 ВЕГ (Иоганн) 226
 Ведение, знание 208, 255
 ВЕЙЮТИЛЬ 187
Великая Книга Естества 114, 144, 147
Великие Чётки (Розарии) 72
 Великий Камень 63
 Великого Царя парк 123
 Великое Делание 26, 48-49, 53, 71-72, 76, 79, 80, 83-84, 87, 97-98, 102, 110, 116, 124, 127, 131, 139-140, 143, 146, 153, 158, 160-161, 173, 187, 202, 208, 211, 214, 222, 224-225, 240, 245, 259, 261, 265, 267, 268, 271
 ВЕНЕРА 54, 157
 Венера (планета) 84, 225
 Венера Мудрецов 207
 Вера 240, 267
 ВЕРГИЛИЙ 256
 ВЕРЛЕН 42
 Весна 54
 Ветры 258-259
 ВЕТТЕРМАРК(Арне) 119
Ветхий (Древний) Завет 221, 230
 Вибрации, колебания 54, 64
 ВИЖЕНЕР (Блез де) 75
 Вино мудрецов 83
 ВИРТ (Освальд) 144
 Влажность плоти 246
 Влажный путь 63, 87, 130, 143, 174
 Вода, вытекшая из раны Христовой 206

Вода мудрецов 64, 98
 Вода, не смачивающая рук 114
 Водные добавки 162
 Воды на поверхности земли 26
 Водяная баня 132
Возведение за руку на химическое Небо Якова Толя 235
 Возгонка, сублимация 68, 131, 157, 173, 197, 206, 268
 Возлюбленные Науки 41, 46, 54, 83, 109, 271
 Возлюбленные поэзии 46
 Волны 26, 30, 33, 157, 252
 ВОЛЬТЕР 174
 Воображение 267-268
 ВОРАЖИН (Жак де) 169
 Ворон 84, 104, 126, 162, 204, 264
 Воскресенье (день недели) 201
 Воскресение Философского Камня 197
 Восхождение тонких и очищенных частей 206
 Время 98, 102, 116, 135, 239, 256, 267, 271
 Всадник Апокалипсиса 147-148
 Вселенский Камень 208
 ВСЕМУДРЫЙ ФИЛОСОФ 144, 146
 Всеобщее (Универсальное) Лекарство 144, 161, 170, 198, 202, 212
 Всеобщий (универсальный) растворитель 84, 158
 Всеобщий (универсальный) язык 247
 «Всяко zde добро зело» 80, 87
Второе Соборное послание св. апостола Петра 140
 Второй Эдем 205
 ВУЛКАН 26, 157, 170
 ВЫСОКИЙ (АЛЬТУС) 58, 63
 Высушивание вод 143

Г

Г(G) 127
 ГАБРИКУС 46
 ГАБРИЭЛИС (А. де) 91
 ГАЛЕН 127
 Галл 98
 ГАРМОНИЯ 158
Гармония, или Согласие Химических Философов 188
 Гармония, Согласие 245, 266, 271
 ГАРНЬЕ 248
 ГАССЕНДИ 248, 251-252
 ГАСТОН ОРЛЕАНСКИЙ 256
 Гелиос и Эллада 123
 ГЕЛЛА 161
 ГЕЛЬМОНТ (ван) 255
 ГЕЛЬЦЕР (Анри) 49
 Гематрия 230
 Гений Мудрецов 247
 ГЕРАКЛ, ГЕРКУЛЕС 92, 105, 154, 170, 235
 Герб 186-188, 191, 226, 242, 245-246, 274
 Гербовая (геральдическая) связка 67
 ГЕРЕН 240
 ГЕРМЕС 38, 109, 114-115, 153, 158, 201, 211,

242, 256, 259, 262
 ГЕРМЕС ТРИСМЕГИСТ 221
Герметический музей 96, 244-245, 270, 271
Герметический Олимп 28
 ГЕРОНТА 251
 ГЕРЦОГ АРПАЖОНСКИЙ 271
 ГЕРЦОГ БУРГУНДСКИЙ 174
 ГИГАНТЫ 92
 ГИЛЬОМ (епископ парижский) 57
Гипотипоза (Риторическая Фигура) на Немую Книгу 64, 140, 144
 ГИППОМЕН 48
 Гиря весов 98
 ГИТЕЛЬ (Г.) 123
Гласные 42, 46
 Глина, почва, скудель 83, 120, 157
 Глосса 225
 Гниение 50, 53, 68, 116, 139, 143, 158, 186, 204, 264
 ГОБИЛЬ (Жан) 72
 ГОБИНО де МОНЛУИЗАН 57, 244
 Говорящее оружие 252
 Говорящие дубы 169
 Головоломка (puzzle) 187
 Голубки 64, 84, 116
 Голубки Дианы 67, 116
 Голубой цвет 52, 57
 ГОМЕР 166
 Гомункул 114
 «Господин Боб» («Господин Фив») 110, 115-116
 Господин Магнитной Горы 255
 «Господин Феб» 110
 Гостиница (расклад) 165
 Гостию, облатка 202
Государства и Империи Луны 246, 251-252, 256, 259, 261
Государства и Империи Солнца 247-248, 260, 266
Государства Луны и Солнца 251
 Граммофон 262
 ГРАНЖЕ 251
 ГРАССЕ-д'ОРСЕ 230
 Гребешок Иакова 57
 ГРЕМИЛЛЕ (М.) 45
 ГРИГОРИЙ ТУРСКИЙ 131
 Гулливер 30
 Гусь 101, 165
 ГЭНЬЕРА (Франсуа-Роже де) 242
 ГЮГ (Пьер-Франсуа) 45
 ГЮГО (Виктор) 115
 Гюисманс (Жорес-Карл) 33

Д

ДАВИД 71
 Дар Божий 96, 132, 202, 115
 «Даром Божиим утешаюсь» 205
Два Алхимических Жилища 11, 247, 265
Двенадцать Ключей Любомудрия 71-72, 83, 158, 215, 258
Двери (Врата) Отверсты Царска Дворца

Затверста 105, 109, 131, 149, 260
 Двойное царство 26
 Двор Чудес 119
 Дворец Жака Кёра 157, 208, 210-211, 214, 218
 Дворец Холируд 265
 Дева 80, 82-83, 94, 123, 142, 161, 170
 ДЕВА МАРИЯ 68, 71-72, 80, 83, 92, 97-98, 102, 168, 174, 201
 ДЕКАРТ 248, 256
 ДЕЛЬБЕК (Луи) 124
 Дельфин 97
 Демиург 123, 222
 ДЕРЕН 58
Деяния Апостолов 231
 ДИАНА 97
 ДИАНА деПУАТЬЕ 71
 ДИОНИС (ВАКХ) 157
 Дистиллятор 144
 Длительность 248, 250
 «Для смелых сердец нет невозможного» 208
 ДОБРА (ВЕУА) 46
 Долгий путь 63, 267
 ДОРДОН (Люсьен) 25
Драгоценнейший Дар Божий 204-205, 264, 266
 Драгоценные камни 162, 222, 262, 265
 Драгоценные металлы 259
 Дракон, змей 56-57, 97, 166, 168-170, 174, 177, 188
 Древние алхимики 30, 261, 268
 Древо Девы 97, 170
 Древо Жизни 91-92, 98, 191
 Древо Познания (ведения) 91, 98, 247
Друг Авроры 113
 Друзиды 94, 97
 Дуб 97, 101, 162, 165-166, 173, 215, 247, 268
 Дуплистый дуб 98, 101, 116, 139, 165, 169
 Духи 53, 256, 259, 262, 264, 271
 ДЮКАНЖ 261
 ДЮЖОЛЬ (Пьер) 144, 229
 ДЮРАН (Гийом, герцог Шпретерский) 250
 ДЮРЕР (Альбрехт) 37
 ДЮШАНТО 144

Е

Е 37, 52, 64, 66-68
 ЕВА 91
Евангелие Детства 97
Евангелие детства, арабская редакция 201
Евангелие от Псевдо-Матфея 98
 ЕВСТАФИЯ 153
 Евхаристическое вино 83
 Евхаристия 206
 «Един есть Всё» («Едино всё») 120, 262
 Единорог 68, 71
Екклесиаст 181
 Елей Талька 256, 268
 Естество 29, 33, 46, 48, 50, 56, 60, 64, 68, 76, 83, 91, 96, 119, 124, 139, 143-144, 181-182, 198, 207, 225, 232, 235, 239, 245-246, 248, 250, 256, 261, 265-267

Ж

Жаба 261
ЖАЛЬ (Огюст) 241
ЖАНТИ (Ашиль) 57
Жезл 67, 70, 97, 188, 198, 207
Жезл Ааронов 92
Железо 120, 135, 168, 256
ЖЕН (Клод ле) 26
Женщина без головы 80, 83
Женщины 84, 215-216, 218
ЖЕРОН (Ф.) 75
Живая вода 92, 201
Животное 32, 53, 101-102, 119, 161, 250
Житие Философского Камня 197
Жития святых 221

З

Загадка 98, 132, 226, 239, 255
Закрытая книга 212
Запах могил (захоронений, погребений) 68, 115
Запах сладкий 68
ЗАРАТУСТРА 56
Заяц 200
Звезда 84, 97, 105, 110, 113, 116, 124, 127-128, 131, 161, 184, 188, 207, 229-230, 235, 242, 245, 252, 259, 265
Звезда Гермеса 84
Звезда Моря 84
Звезда Пастуха 84
Звуки 63
Здравие, здоровье 202
ЗЕВС 161
Зелёное древо 95, 102
Зелёное платье 71
Зелёное Сновидение 246-247
Зелёный лев 41, 116
Зелёный цвет 52, 54, 113, 115-116, 207, 265
Земля (знак) 79
Земляная колба 248
ЗЕРБИНЕТТА 251
Зерцало (Зеркало) Искусства 84, 226
Зерцало (Зеркало) Истины 126-127, 161, 164
ЗЕЦНЕР (Эберхард) 45
Златорунный баран 158
Змея 116, 248
Змея, пожирающая собственный хвост 120, 262
Знак (signe) Великого Делания 84
Знание, ведение 202, 218, 221, 225, 240, 242, 247, 262, 271, 274
Зодиак 57, 229
Зола, пепел 26, 30, 83, 115, 170, 264, 266
Золотая легенда 169
Золотая чаша 71
Золото 41, 76, 95, 109, 110, 113, 116, 118-119, 127, 139, 161, 173, 176, 202, 206-207, 222, 240, 256, 259-260, 268
Золотого Руна Орден 174

Золотое Руно 98, 104, 153, 161-162, 165, 170, 173-174, 247, 265
Золотое Руно, или Цвет Сокровищ Соломона
Трисмосена 153, 172-173
Золушка 115
Зубы дракона 169-170
Зютизм 262

И

И (I) 37, 52
ИАКОВ 63, 240
ИАКОВ ЗВЕЗДОЗДАТЕЛЬ (САНТЬЯГО де КОМПОСТА) 98
ИАСОН 153, 161, 165-166, 169-170, 173, 247, 265
Игра в гусыню 165
Игра детей 124, 187, 216, 247
Игры духовные 114
Иероглифические фигуры 98
ИЖЕ (Клод д') 57
Изумруд, смарагд 115, 207, 265
Изумрудная Скрижаль Гермеса 28, 79, 115, 144, 146, 153, 158
ИИСУС ХРИСТОС 29, 84, 97, 98, 102, 110, 113, 115-116, 128, 131, 139, 147-149, 162, 165, 168-169, 187-188, 197, 201-202, 205-208
ИЛИЯ 149, 247, 260
Иллюминаты 143-144
ИМПЕРАТОР КАРЛ V 174
ИНО 157-158
Иной мир, или Комическая История 247-248, 251-252
«Иной не будет» 174
Иносказание 110
Ионосфера 64
ИОСИФ 97, 201
Ипостась 230
ИРОД 109
ИСААК 240
ИСАЙЯ 202
Искусство горшечника 248
Искусство Златоделания, Химией именуемое 45, 49-50, 72, 74
Испражнения, экскременты, кал 119
Исследование химическое — зрительное и уразумевательное 154
Исследования Пятой Сущности (Квинтэссенции) 236
Иссоп 201
История и Исследования Древнего Города Парижа 80
Источник Возлюбленных Науки 57
Источник Урда 102
Источник, фонтан 54, 84, 98, 101, 212, 246, 268, 271
Источник юности 97, 271

Й

Йони 64

К

КЁР (Жак) 208, 211, 214, 216
 Кабала 147, 222, 225-226, 230, 240, 242, 246, 262
Кабала, Зерцало Искусства и Естества в Алхимии 76, 191, 198, 200, 226, 228
 Каббала 226, 230
 Кабинет Эстампов Национальной Библиотеки 239
 КАДМ 116, 158
 Кадмий, чёрная земля 158
 КАЙО 173
 КАЛЕПИН (Амвросий) 154
 Кальвинисты 110
 Кальцинация 170, 268
 Кальцинированное притяжение 260
 Камень 63, 72, 82, 101, 114, 140, 154, 158, 162, 165, 188, 197-198, 202
 Камень Философов 45, 49, 98, 128, 222
 КАМПАНЕЛЛА (Томмазо) 241, 268
 КАНТЕРС (Робер) 38
 Капиллярная белизна 66
 КАРДАН (Жером, Иеронимус) 256
 КАРДАНУС (Фациус) 256
 КАРЛ I 265
 КАРЛ VII 241
 Кармелитов церковь 186
Катехизис, или Поучение для превращения в адепта 128
 Квинтэссенция (Пятая сущность) 67-68, 95, 124, 162
 КЕН (Жорж) 80
 Кесарево сечение 154
 КИБЕЛА 48
 КИЛИАНИ 166, 169, 214, 229, 268
 Киммерийские сумерки 266
 Кладбище Невинных Младенцев в Париже 98, 186
 КЛЕ (Бальтазар) 229
 КЛЕРАМБО (Пьер) 242
 Ключи (музей) 71
 Ключ 124, 166, 215, 242, 247, 262
Ключ Великого Делания 173
Ключи Иерусалима 124
Ключик Герметической Философии 75
 Книга (этимология) 114
Книга Авраама Еврея 98
Книга достопочтенного немецкого Доктора 101
Книга Притчей Соломоных 221
Книга Фигур Иероглифических 158, 242
Книга чудес Господа Нашего, Учителя и Спасителя 201
Книги Иеронимуса Кардануса 256
 Козерог (созвездие) 135
 Коллективизм 181
 Коллодий 221
 Колодец (расклад) 165

Колодец Берлог 94
 Колодец Звезды Волхвов 131
 Колодец с воротом 120
Комическая История господина де Сирано Бержерака 252
Комментарий на Сокровище Сокровищ 123
Конец Славы Мирской 162
 Конница, рыцарство 174, 207
 Конный, кавалер, рыцарь 147, 226, 248
 Консистория семи хранителей весёлого знания 173
 КОНТАНТ (Поль) 205
 Конь 147-148, 226
 КОПЕРНИК (Николай) 248
Копчёная селёдка 262
 Копьё 71, 105, 169, 188, 206
 Корабль без руля и без ветрил 169
Коран 105
Кормчий живой Волны 259
 КОРНЕЛЬ 251
 КОРОЛЬ ЛУИ 119
 Корье, дубильная кора 98
 КОСМОПОЛИТ 95, 201, 225, 246
 Краеугольный камень 202, 212
 Край Философов 268
 Красная глина, земля 154
 Красный лев 71
 Красный цвет 52, 68, 82, 92, 116, 132, 162, 169-170, 173, 202, 222, 225, 245, 256, 259
 Краткий путь 63, 109, 174
 Крест 37, 79, 124, 131, 139, 169, 170, 188, 212, 271
 Крит 170
 КРИТИЙ (Иоганн) 225
 Критский лабиринт 166
 КРО (Шарль) 262
 Кровь 68, 206
 Круг 240, 241
 КУНРАТ (Генрих) 41, 211
 Купальщик 113

Л

Лабиринт 114, 132
 Лабиринт (расклад) 165
 ЛАВУАЗЬЕ 67
 Ладан 116, 119
 Лазурная глава шута 101
 ЛАЛЬМАН (Жан) 66-67
 Лангдойль (гусиный язык) 101, 165
 ЛАНГЛЕ-ДЮФРЕНУА (аббат) 222
 ЛАНСАК (Брюно де) 222
 ЛАНЬО (Давид) 96, 186-188
 Лапута 30
 Лебедь 140
 ЛЕБЕСГ (Филеас) 38
 Лев 71, 86, 97, 116, 206
 Лев (созвездие) 57, 244
 Лекарство 265-266
 Лекарство второго порядка 162
Лексикон Исихиуса 261

ЛЕБРЕ (Анри) 239, 251
 ЛЕ КУР (Поль) 123
 ЛЕАНДР 251
 ЛЕАРХ 158
 ЛЕНТУЛУС 148
 ЛЕОДЕПАРТ (Марсе де) 208
Лепта Бедняка (Динарий Бедняка) 140
 Лествица Иакова 58
 Лествица Мудрецов 25-26
 Лествица Философов 63
 Летающая машина 255
 Летучее 56, 86
 Летучесть 124, 157
 Лжепророк 148
 ЛИБО (Андре) 75
 Лилия 71, 91, 96
 ЛИНТО (Анриде) 112-113, 123, 274
 ЛИТТРЕ (Эмиль) 230, 261
 ЛОКЕН (Феликс) 229
 ЛОНГИН 188, 206
 Луг 95
 Луна 46, 54, 72, 97, 113, 116, 131-132, 135, 148,
 156, 201, 212, 222, 225, 239, 255,
 259, 268, 271
 ЛЮДОВИК XIII 80, 188, 247
 ЛЮДОВИК XIV 173
 ЛЮДОЕД 87
 Лютеране 110
 Лютеция 79
 ЛЮЦИФЕР 110, 162, 207
 ЛЯРУСС 240

М

Магический квадрат 123-124, 132, 135
 Магия 124, 222
 Магнезии гора 255
 Магнезия 128, 157
 Магнит 157, 164, 229, 259
 Магнитный шар 260
 МАГОФОН 64, 140, 144
 МАЗАРИНИ 169
 МАЙЕР (Михаил) 49, 50, 68, 132, 154, 158, 197,
 245, 261
 Макрокосм 54, 143
 Малый мир 92, 241
 Мандала 38
 МАНЖЕ (Жан-Жак) 58, 60, 64
 Марии Магдалины церковь в Труа (Трое) 222,
 224
 МАРИЯ ПРОРОЧИЦА 215
 МАРС 157, 168
 Марс 212, 225
 Масса, куча, груда, ворох 248
 Мастер Пётр Краеугольный 165
 Мастера 63, 84
 Материнский язык 230, 247
 Материя 71, 86, 98, 102, 110, 113-114, 120, 124,
 127-128, 139, 142, 157-158, 161, 165,
 212, 247, 256, 259, 261, 264
 МАТУРЕН (Эквем) 259

Матушка Гусыня 114
 Мать-земля 84
 МЕДЕЯ 166, 170, 173, 265
 Медь 84, 170, 226, 256
 Меланхолия 33
 Мельница Пирога 129
 МЕНАР (Луи) 221
 МЕНЖ (Жан де), ИОАНН из МЭНГА 182
 МЕРКУРИЙ 26, 92, 96
 Меркурий 26, 44, 64, 67, 76, 84, 101, 116, 127,
 140, 157, 165, 173, 206, 212, 215,
 245, 252, 255, 259, 268
 Меркурий (планета) 225
 МЕРСЕНН 252
 Мёртвая голова 37, 75
 Месячные 166
 Месячные вселенские 124
Металлическое Превращение 57, 182
 Металлическое семя 114, 170
 МЕТТРА (Клод) 252
 Механика 29, 102
 Меч, шпага 72, 174, 177, 188
 Микрокосм 30, 54, 72, 84, 91, 113, 143, 169, 207,
 225, 239, 259
 Микрокосмическое творение 143
 Миндалины 95
 Миндалины мистическая 92
 Миндальный орех 92, 95
 Минеральная земля 170
 Минеральная сперма 71
 Минеральная чета 259
 Минеральное солнце 113
 Минеральный гермафродит 72
 МИНЕРВА 105
 Мир Мудрецов 127
 Мировая сфера 174
 Мировое Древо 102
 Мистерии Иисуса 84
 МИСТРАЛЬ (Фредерик) 120
 МИХАЭЛЬСПАХЕР, Михаил-рыбак, Михаил-
 грешник 84, 191
Моё происхождение. Воспоминания и записи
Фредерика Мистрала 120
 МОИСЕЙ 92, 198, 201, 221
 Молитва 211, 246
 Молоко Девы 196-197
 Молоко птиц, птичье молоко 196, 271
 МОЛЬЕР 251
 МОНЛУИЗАН (Эспри Гобино де) 57
 МОНМЕРКЕ (Луи) 252
 Монморанси (церковь в) 174
 МОНТЕНЬ 259
 Моныстырская улица 162
 Море 26, 52-54, 84, 92, 114, 132, 149, 161, 201,
 221, 226, 259
 Моча 127, 144
 «Моя Тайна» 79
 Музыкальное искусство 158
 МУНОДИ 30
 МУХТАР-ПАША (Махмуд) 105

Н

Набережная Бурбонов 79
 Наксагор 75
 Наполненность 248
Настоятельная Речь о Недостоверности Наук
 132
 Национальная Библиотека 242, 248, 256
 Начала, стихии 92, 142, 158, 239, 245, 270-271
 Наше Древо 102
 «Не говори о Боге не озарённым» 211
 НЕАРХ 41
 Небесная вода 30, 57, 84
 Небесная роса 58, 142
 Небесная щёлочь 127
 Небесное земледелие 54, 170
 Небесные плоды 58
Немая Книга 58, 60, 63, 114, 246
 Неподвижное 56
 Непорочное зачатие 68, 95
 НЕПТУН (ПОСЕЙДОН) 26, 95-96, 161
 НЕРВАЛЬ (Жерар де) 33
 НЕФЕЛА 157-158
 Нимфа 166, 169, 229, 268
 Нить Ариадны 114, 132, 188
Новый Завет 221
Новый Собор Химических Философов 57
Новый Химический Свет 96, 201
 НОЙ 96
 Нос 236, 239
 Нос («фуль») 239
 Нос, чующий философский свинец 236
 Носток 207
 НОСТРАДАМУС 120
 Нотерикон 230
 Ночная твердь 84
 НУРРИ (Эмиль) 58, 75

О

О 30, 37, 52, 57-58
О разных Режимх Работы 216
 Обет молчания 128, 157, 208
 Обжиг 127
Обзор наиболее любопытных и редких секретов
 173
 Облако 102
Обманутый педант 251
 ОБО де ля ОЛЬТ-ШАМБР (Жорж) 79
Обозрение Двух Миров 229
Объяснение Иисуса 148
 ОВИДИЙ 48
 Огненная вода, горячая вода 166, 201
 Огненная колесница 260
 Огненное рождество 197
 Огонь 97, 105, 139-140, 148, 154, 169-170, 177,
 186, 212, 215, 225, 240, 248, 252,
 255, 264, 270
 Огонь колеса 102
 Огонь огня 68
 Огонь подземный 26

Огонь стихийный 37, 67, 87
 Огонь тайный 87, 114, 211, 225, 261
 Огонь центральный и всеобщий 128
 Олива 92, 105, 116
 ОЛИВЬЕ (Пьер) 37
 Олово 259
 Омега 52, 64
 Опыт, искусство, опытность 245
 ОРАШ СТРАСБУРГСКИЙ (Жорж, Георг) 205,
 266
 Орёл 86, 97
Оригинальная Картина 142
 Орлы 131, 157, 206
 Осёл 116, 119
 Ослиная Шкура 114-116
 Оспа 34
От Иоанна Святое Благовествование 165
От Матфея Святое Благовествование 109, 139,
 165
 Отречение апостола Петра 140
 Охотиться с хорьком на кроликов 200
Очерк о Дионисии Периегете 153
 Очищение 64, 66, 75, 127, 139, 157-158, 268

П

Павлин 41
 ПАЛОМБАРА (Максимильен) 265
 Пальма 98
 Пальмовая ветвь 170
Памятники Ватиканских склепов 91
Памятники частной жизни двенадцати
Цезарей 45
 Память 267, 268
 ПАРАЦЕЛЬС 134-136, 173, 255
Парижские закоулки 80
Парижские острова 79
 ПАСКАЛЬ (Власий, Блез) 240
 Пастбища (нивы) 54
 Пасха 212
 Пасхальное яйцо 212
 Патефон 262
 Пеликан 244
 ПЕЛЛЕТЬЕ (Жан Ле) 255
 ПЕНЕЛОПА 124
 Пентакль 124
Первая Книга Моисеева 58
Первое Послание к Ефессянам 113
Первое Послание к Коринфянам 215, 216
Первое Послание Петрово 165
 Первоматерия 56, 79, 92, 115, 127, 162, 248, 261
 Первый, кто получил печать четырёх стихий 83
 Перевернутое древо 92
 Переизбыток вод 143
 ПЕРНЕТИ (дом) 174, 236
 ПЕРРО (Шарль) 87, 114-115, 119
 ПЕТЕРС (Пауль) 201
 Петра краеугольная 165
 Петух 140, 225
 Печать 84, 124, 128, 135, 158, 169, 207
 Печать Гермеса 128

Печать Соломона 245, 270
 Печь 63, 87, 130, 139, 158, 162, 174, 200, 212, 215
 Пещера 102, 110, 128, 131, 268
 Пещерное действо 128
 ПИКОЛЬПАССИ (Киприан) 248, 250
 ПИКТЕ (Адольф) 97
 Пиротехника 29
Пиротехника Старкея, или Искусство возгонки Щелочей 255
Письма к провинциалу 240
Письмо к Истинным Ученикам Гермеса 245
Письмо против педанта 240
 Пламенеющая Звезда 84, 128
Пламенеющая Звезда, или Общество франкмасонов 128
 Планета 208
 Плеяды 57
 ПЛУТАРХ 120
 ПЛУТОН 26
 Повелительница Единорога 70, 71
 ПОВЕР (Жан-Жак) 25, 42, 252
Поиски Абсолюта 229
Полезное бдение 187
 Полярная звезда 131, 166, 229
 ПОНТИЙ ПИЛАТ 139
 Понтийская вода 211, 245
 Понтифик, Папа 226
 ПОСЕЙДОН 188
 Последняя четверть Луны 63
Потерянное Слово 68, 246
 Потерянное слово 128, 259
Поэтический Сад и Кабинет 205
 Право входа 140
 ПРАД (де) 239
 Праздник Царей 116
 Прекрасное чёрное тело 101, 116
 Пресуществление 207
 Прикосновение 71
 Приливы 258
 ПРИНЦ ЭНГЕРРАН 174
Приседания 42
Притча Александра Сетона 95
 Прогресс 29, 53, 181
Проделки Скапена 251
 Проекционный Порошок 256
Происхождение Алхимии 262
 Проказа 201
 ПРОМЕТЕЙ 261
 Проскомидия 206
Протоевангелие 131
 Профанизм 110
 Птичье молоко 196
 ПТОЛЕМЕЙ (Клавдий) 135, 225, 248
 ПУАССОН (Альбер) 75
 Пустота 248, 256
 Пьяный Король 110
Пятая Книга Моисеева 58
 Пятидесятница 201

Р

РАБИД 252
 РАБЛЕ (Франсуа) 95, 236, 252, 259
 Работа Женщин 216
 Радар 30
 Радиоактивность 261
 Разделение (сепарация) 84, 158, 172
Разоблачённый Гермес 166, 229
 Рак (заболевание) 34
 Рак (созвездие) 57, 244
 Раковина 212
 Растворение 131-132, 166, 173, 186
 «Растворяй и сгущай» 56, 64, 132
 Ребис (Rebis) 72, 74, 158, 160, 162, 173, 206, 215, 240
 Ребус 80, 205, 240
 Режимы, правила 225
Речение Философское о Трёх Началах 215
 РИМБО (Артур) 37-38, 41-42, 45, 49, 52, 54, 72
 Рождественское древо 102
 Рождество 102, 110, 131, 165, 225, 229
 Роза и Крест, розенкрейцеры 144, 231, 252, 266
 Роза Иерихона 102
 РОЗЕНКРЕЙЦ (ХРИСТИАН) 230
 Розовый куст 98
 Розы 72
Роман о Розе 182
 Роса 58, 102, 114, 252, 255
 Росистые ночи 64
 РОСТАН (Эдмон) 235-236
 Ртуть 76, 127-128, 135, 211, 259, 271
 РУДОЛЬФ II 49
 Руно Гедона 71
 Ручей 101
 Рыба 113, 157, 206, 225, 268
 Рыба-прилипала 26, 72, 114, 206, 268
 Рыбий пузырь 92
 Рю-де-Сен 25

С

СЁМУНД МУДРЫЙ 102
Сад Богатств Георга Ораша Страсбургского 222
 Саламандра 72, 170, 268
 САЛЬМОН (Гийом) 57
 САТУРН 123-124
 Сатурн 76, 127
 Сатурн (планета) 124, 135, 225
 САУЁ (Жан) 252
 Свет 84, 92, 102, 105, 113, 154
 Свет духа 132
 Свет мудрецов 84
 Свет, самоисходящий из Тьмы 83, 222
 Светильник 105
 Свинец 76, 119, 123, 127, 135, 236, 259
 Свинец сернистый 127
 Свинец сурьмистый 127
 СВИФТ (Джонатан) 30
 Святая АННА 168
 Святая (чаша) Грааль 83, 191, 207
 Святая МАРИЯ МАГДАЛИНА 169-170

Святая МАРФА 168-170
 Святая Месса 197, 206-208, 211-212
 Святого Германа приход 241
 Святого Евстафия церковь 242
 Святого Иакова монастырь 186
 Святого Иакова приход 114
 Святого Людовика (остров) 79
 Святого Петра церковь 147
 Святого Спасителя приход 241
 Святого Спасителя собор 168
 Святого Этьена в Бове Собор 119
 Святой АНДРЕЙ 174
 СВЯТОЙ ДУХ 221, 231
 Святой ИАКОВ МЛАДШИЙ 131
 Святой ИАКОВ СТАРШИЙ 170
 Святой ИГНАТИЙ 113
 Святой ИЕРОНИМ 98, 198
 Святой ИОАНН 29, 98
 Святой ИОАНН ЗЛАТОУСТ 131
 Святой ИОСИФ АРИМАФЕЙСКИЙ 191, 207
 Святой Капеллы церковь 147
 Святой КЛИМЕНТ 240
 Святой ЛАЗАРЬ 169
 Святой МАВРИКИЙ 168
 Святой МАКСИМИН 169
 Святой МАТФЕЙ 113
 Святой ПАВЕЛ 154, 157, 202, 215-216
 Святой ПАТРИК 30
 Святой ПЁТР 147, 162, 165
 Святой ФОМА АКВИНСКИЙ 181-182, 186
 Святой ХРИСОГОН 240
 Священное искусство 211
 Священные уста 68
 Седмица седмиц 221-222
 Селениты 239
Семь Оттенков Делания 139, 142
 СЕН-ДИДЬЕ (Лиможон де) 245
 Сен-Жермен-ан-Лэ (музей) 84
 Сен-Сюльпис 252
 СЕНДИВОГИЙ 53-54, 225
 СЕНТ-БЁВ 229
 СЕНЬОР ЗАДИТ 97
 Сера, сульфур 44, 64, 71, 84, 105, 113, 116, 128, 161, 170, 173, 215, 259, 268
 Сердце 212
 Сердце Христово 191
 Серебро 96, 119, 206, 245-246, 256, 259, 268
 Серебряных дел МАСТЕР КАРЛА VII 157
 СЕТОН (Александр) 54, 95-96
 Сефироты 230
 Сжигание 143
Символы золота за столом двуна-десяти языков 158, 160, 196-197
 Синий цвет 173
 СИНЯЯ БОРОДА 87
 СИРАНО (Авель де) 241, 252
 СИРАНО БЕРЖЕРАК (Савиньён де) 72, 196, 235-236, 238-242, 246-248, 251-252, 254-256, 259-262, 265-268, 271
 Сирена, русалка 268
Слава Мирская (Gloria Mundi) 96, 100
 Слово, глагол 37, 140, 147, 165, 221, 226, 228

Слоистая земля, слоёный пирог 114
 Смарагдовая соль 207
 Смерть (расклад) 165
 Смерть Агриппины 251
 Смерть во Тьме, незаходимом мраке 197
 Смирна 116, 119
 Смоковница 177
 Собор Владычицы Нашей в Париже 57, 157, 162, 165, 244
Собор Владычицы Нашей в Париже 115
Собор Философов, именуемый Кодекс Истины 211
 СОВАЛЬ 80, 87, 92
 Совершенная жизнь в красном 197
 Соединение, сношение 71, 132, 157, 160, 200, 212
 Соединённых Друзей ложка 144
 Сокрытые зарождения 75
 Солевая добавка 132, 157
 СОЛИДОНИЙ 82-83
 Солнечное излучение 54
 Солнце 46, 63, 72, 97, 110, 113, 116, 119, 127, 131-132, 148-149, 161, 181, 201, 207, 225, 229, 235, 239, 241, 259-260, 268, 271
 Солнце, сокрытое под звездой 161
 СОЛОМОН 96
 СОЛОМОН ТРИСМОСЕН 98
 Соль 54, 71, 83, 128, 158, 201, 248, 256, 265-266, 268, 274
 Сон 268
 Спагиристы 64
 Спагирия 29, 79
 Спиртовая настойка 236
 Сталь 95, 120, 157, 260
 СТАРЕЦ 96
 СТАРКЕЙ (Джордж) 255
 Старые алхимики 83, 97, 139
 Стекло, хрусталь 83, 105, 162
 СТЕФАНУС (г-н де) 123
 Сткланица (колба, матрица, матка) мудрости 124, 191, 205, 226, 264
 Странные скрипы и свисты 63
 Страсти 197
 Страсти Христовы 148, 191
 Страсть 268
 Стрекотать (о птице), выдавать тайну 166
 Субъект исходный 127
 Субъект, лишённый наследства 118
 Субъект мудрецов 115, 131, 157, 198, 248
 Суждение 268
 Сулема 268
 Сульфур 128
 Сумерки 102, 165, 208, 235
 Сурьма 79, 127, 222
 Сухая вода 198
 Сухое древо 92, 95, 250
 Сухой путь 63, 87, 130, 143, 174, 224, 267
 Сфера, шар 64, 247, 265
 Сырты 153
 Сюрприз 110

Т

*Таинственное Пламя Герметических
Философов* 187
Тайная Книга древнейшего философа Артефия
53, 127, 165
Тайны Готических Соборов 102, 162
Тайный язык, малый язык 30
ТАРАСКА 168-170
Таро 157
Театр Двери Святого Мартина 235
Текст об Алхимии и Зелёное Сновидение 246-
247, 252
Телевидение 29
Телец (созвездие) 135
Темура 230
Тенета, сети, невод 157
Теофания, Богоявление 161
Терновник 191
ТЕСЕЙ 166, 188
Тиара 222
Тигель, горнило, крестный путь 38
ТИНТОРЕТТО 136
«Горопливость от дьявола» 267
ТОТ (М.) 45
Традиция, предание 29
Трактат о Сере 53-54, 225
Трактат о Соли 54
Трактат об Азоте 265
Трактат об Огне и Соли 75
Трансмутация 76
Требник алхимический 198
Трезубец 26
Три Книги о Гончарном Искусстве 197
Три Трактата Естественной Философии 68,
98, 128, 211, 242, 246
ТРИСМОСЕН (Соломон) 173
ТРИСТАН л'ЭРМИТ 256
Триумф Адепта 176
Триумф герметический 114
Туберкулёз 34
ТУРОК 251
Тьма (расклад) 165
Тьма над бездной, хаос первого порядка
(primordial) 165

У

У 37, 52-54
*Убегающая Аталанта, или Новые эмблемы
химические* 49-50, 68, 130, 154, 156,
245, 261
Убеление 66
Улица Владычицы Нашей Победительной 229
Улица Древней Комедии 92
Улица Женщины без Головы 80
Улица Изящных Искусств 229
Улица Кюжа 182
Улица Перекупщика 79
Улица Полковника Данфера 92

Улица Ришельё 242, 256
Улица святого Иакова 252
Улица Сен-Дени 98
Улица Сен-Жак 182
Улица Сен-Луи-ан-Лиль 80
Улица Суффло 182
Улица Щавеля на Болоте 139
Уроборос 120, 262
Усекновение главы 84, 87
Устойчивость, твёрдость, закреплённость 86,
124
Утренняя звезда 84, 110, 207

Ф

Фасис 162
ФЕБ 110
ФЕБ (из Собора Владычицы нашей в Париже
Виктора Гюго) 115
Феникс 244, 248
ФЕОФАНИЯ 161
Фиалка 64, 173, 225
ФИЛАЛЕТ 260
ФИЛАЛЕТ (Иреней) 67, 102, 109, 116, 131, 143,
148, 157, 206, 216, 255, 260
ФИЛИПП ДОБРЫЙ 174
Философская Луна 252
Философская призма 162
Философская супруга 87
Философские Жилища (Обитатели) 67, 162, 240
Философские пастбища (нивы) 53, 246
Философский Андрогин 74
Философский Камень 63, 102, 114, 132, 161-162,
170, 186, 197-198, 205, 207-208, 245-
246, 266, 270
Философский компост 157, 184, 206, 267
Философский купорос (vitriol) 166, 207, 265
Философское Солнце 240
Философское стекло 83
Философское яйцо 224
Фиолетовый цвет 64, 166, 173, 211, 222
ФЛАМЕЛЬ (Николай) 57, 98, 114, 158, 165, 173,
186, 242
ФЛУДД (Роберт) 252
Фонограф 262
ФОНТЕН (Жан де ла) 54
Фонтене-су-Буа 101
ФОНТЕНЕЛЬ 251
ФОРИССОН (Робер) 41-42
Фотография 221, 262
Франкмасоны 127-128
ФРАНЦИСК ПЕРВЫЙ 110
ФРАЖЩСК УТОНЧЁННЫЙ 170
Францисканская Богословская Школа 186
Французская секция Рабочего Интернационала
181
ФРИДРИХ III МИРНЫЙ 198
ФРИКС 157-158, 161-162, 169
ФУЛКАНЕЛЛИ 33, 48, 63, 67, 79, 97, 102, 154,
161-162, 165-166, 170, 173, 182, 188,
196, 200, 230, 240

Х

ХАИНЦЕ (Захария) 239
 Хаос 41, 75, 92, 102, 165, 235, 268
Химическая Гармония 187
 Химическая женитьба 169
Химическая свадьба Христиана Розенкрейца 230
Химический Стол 97
Химический Театр 45
 Хрисогония, происхождение золота 240
 ХРИСТИАН (герцог Саксонский) 245
 Хроматическая гамма 38
 Хрусталь (кристалл, стекло) 115, 265-267
 Художник 222, 224, 246-248, 250, 255, 260-261, 266-267

Ц

Цари-Волхвы 110, 116, 128, 131, 161, 165, 229
 Царский путь 149, 242, 268
 Царь 97, 116, 147-148, 190, 225, 241, 268
 Цвета 53, 63, 82, 116, 225
Цветок Сокровищ 98
 ЦЕРБЕР, КЕРБЕР 26
 ЦЕРЕРА 245
 Церковь 162, 197, 201-202, 206
 ЦИБИНЕНСИС (Мельхиор) 211
 Циклическое вращение 102
 Циклы, периоды 54, 131

Ч

Чёрный ворон 101
 Чаша Всечестная 83
 Чаша Духа 83
 Чаша естества 83, 224, 265
 Чаша, калита 83, 116, 206-207, 215
 Чаша, сосуд 54, 63, 68, 79-80, 83, 91, 166, 169, 198, 265-266
 Человек-дукат 118, 120
 Чёрная женщина 84
 Чёрная земля 264
 Чернота, тьма 50, 68, 84, 92, 95, 102, 115, 124, 165, 207, 264, 266
 Чёрный цвет 38, 41, 50, 52-53, 64, 84, 116, 162, 204, 268
 «Чернь чернее чёрной черни» (nigrum nigrius nigro) 50, 75, 84, 266
Четвёртая Книга Штудий металлических 75
 Четвёртое измерение 271
 Чётки 72
Чётки Философов (Rosarium Philosophorum) 46, 49
 Число Зверя 29

Ш

Ш 67
 ШЁНГАУЭР (Мартин) 68
 ШАВО (Франсуа) 135
 ШАМПАНЬ (Жюльен) 67, 182
 ШЕВАЛЬЕ (Сабина Стюарт де) 176-177, 215
 ШЕЛЕР 210
 ШОДЕ 182, 184
 Шпага, меч 236

Э

ЭГМОН 131
Эдда 202
 ЭДИСОН 262
 ЭЕТ 166, 170, 173
 ЭЙНШТЕЙН 38
Экклезиаст 252
 Эликсир 161, 205
 ЭОЛ 153
 ЭРМАНШТАДТ (Мельхиор де) 197-198
 Эротизм 41
 Эротика 68
 ЭСМЕРАЛЬДА 115
 ЭСОН 173
 ЭСПАНЬОЛЬ (аббат) 230
 ЭСТЬЕН (Анри) 95
 ЭТТЕЙЛА 139-140, 142-143
Эфиопские апокрифы 148

Ю

ЮНГ (Карл-Густав) 38
 ЮНОНА 41
 ЮПИТЕР 26, 124, 162
 Юпитер 225
 ЮРИ (Лоран д') 114

Я

Яблоко 71, 161
 Язык птиц 147, 242, 247, 266
 Яйцо 124
 Яйцо Мудрецов 54
 Яйцо философское 266
 Якобитов (монастырь) 181, 184, 187
 Янсенисты 110
 Ячменный колос 246